Андрей Буровский

ЧЕЛОВЕК ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

ЭВОЛЮЦИЯ. РАЗУМ. АНТРОПОЛОГИЯ.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Человек менялся на протяжении всей своей истории. Условия жизни и культура изменялись быстрее всего, инстинктивные программы медленнее, анатомия и физиология – на протяжении поколений. Но и биологически человек изменялся.

С середины XIX века, с появлением городской машинной цивилизации, жизнь человека изменилась кардинально. В начале XX века, сто лет назад, в цивилизованных условиях жило не больше 10–15 % населения земного шара. Сегодня живут почти все.

Мы часто даже не представляем себе, какие грандиозные возможности подарила нам цивилизация. Живущий в ней человек равен по богатству и могуществу даже не императорам и высшей знати, а языческим божествам. Ведь ни один фараон и ни один император Древнего Рима не мог летать в самолете и пользоваться мобильным телефоном.

Новый образ жизни не только дал огромные богатства и увеличил в два раза продолжительность жизни, но и вызвал ряд стремительных изменений в психологии, физиологии, даже анатомии человека. Изменения происходят все быстрее, по нарастающей. Наши потомки будут отличаться от нас еще больше, чем мы отличаемся от предков. Мы – деды людей, которым жить по 130–150 лет, становиться взрослыми к 30–40 годам. А владеть информаций и энергией, сравнимой со всем, чем владела любая Великая Держава XIX столетия.

- Андрей Буровский
  - ○
  - ○ Введение
    - ■ В мире тотальной неклассичности
    - ■ Дети разных скоростей
    - ■ Люди ли мы?
  - ○ Часть I. Что случилось за последние 100 лет?
    - ■ Глава 1. Взрыв цивилизации
      - ■
      - ■ XX век – конец распространения цивилизации?
      - ■ XX век – продолжение взрыва
      - ■ Золотой миллиард
      - ■ Север и Юг
    - ■ Глава 2. Взрыв экономики
      - ■ Четыре волны богатства

- Производственно-хозяйственные цепочки
- Какие бывают деньги?
- Колониализм умер… Да здравствует колониализм!
- Экономика компьютера
- Цена образования
- Капитализм, который навсегда
- Законы капитализма определяют жизнь общества
- Психологические последствия торжества капитализма
- Преимущества капитализма
- Человек в мире капитализма

- Глава 3. В мире сверхгородов
  - Агломерация и мегалополисы
  - Преимущества мегалополисов
  - Новая инфраструктура мира
  - Система мегалополисов
- Глава 4. В мире новой инфраструктуры
  -
  - Сельская жизнь? Или жизнь пригорода?
  - Путешествия по родной стране?
  - Без крестьян
  - Мегаполис – вмещающий и кормящий ландшафт
- Глава 5. В мире техногенной цивилизации
  - Для начала – жилища
  - Продолжение – деревни
  - В историческое время
  - Чистая вода
  - Чистый воздух
  - Эволюция микробов и болезней
  - Приспособившиеся к загрязнению

○ Часть II. Жизнь в цивилизации
- Глава 1. В мире неслыханных богатств
  -
  - О первичных потребностях
  - Обеспеченность жильем
  - Обеспеченность одеждой
  - Потребности второго порядка
  - Границы богатства и бедности
- Глава 2. В мире невиданных возможностей
  - О скоростях
  - О расстояниях

- О путешествиях
- Жители земли
- О наших лицах
- О звуковой информации
- О связи

- Глава 3. В мире массового образования
  -
  - Революция письменности
  - Революция алфавита
  - Революция книгопечатания
  - Отбор на грамотность
  - Изменения в условиях существования
  - Эпоха компьютера
  - Те, кто получил
  - Те, кто потерял
  - Две компьютерные культуры
- Глава 4. В мире, где расширяется сознание
  - Пространство
  - Время
  - Стояние перед миром
  - Планирование
  - Скорость любых изменений
- Глава 5. Мир интенсивной жизни
  - Рост темпов труда
  - Интенсивность умственного труда
  - В мире капитализма
  - Все интенсивнее и интенсивнее
  - Надо больше успеть
  - Больше информации
  - Манипуляция сознанием
- Глава 6. Мир взрослых людей
  - Счастливая бездумная жизнь
  - Жизнь «взрослых детей»
  - Первый враг патриархальщины – гражданское общество
  - Второй враг патриархального общества – христианство
  - Третий враг патриархального общества – капитализм
  - В наши дни
- Глава 7. В музее прошлого
  -
  - Музейные города
  - Музейные вещи

        - Музейные отношения
        - Музейная история
        - В музее разных культур
- Часть III. Человек третьего тысячелетия
    - Глава 1. Отмена естественного отбора
        - Странности старинных фотографий
        - Иная логика
        - С чего начиналось
        - Отношение к ребенку
        - Замужество в 13 лет
        - Великая медицинская революция
        - Последствия
        - Химические костыли
        - Понижение иммунитета
        - Чего ждать?
    - Глава 2. Анатомические отличия от предков
        - Голодноватая история человечества
        - Этюд о голоде
        - Акселерация
        - Изменения в физиологии
    - Глава 3. Долгожители третьего тысячелетия
        - Светлый образ Алеши Поповича
        - Немафусаильные мафусаилы
        - Сколько вы будете жить?
        - Не очень здоровые предки
        - Причины
        - Скромное обаяние цивилизации
    - Глава 4. Долгорастущие
        - Время взросления
        - Время размножиться
        - Время зрелости
    - Глава 5. Новые формы разумных существ, или: ожидание зловещего киборга
        - Ожидаемое искусственное существо
        - Ожидаемый «сапиентиссимус»
        - «Улучшенные» люди
        - Ожидание робота
        - Ожидание киборга
        - Фантастика – подкорка реальности
        - Что такое «естественный» и «искусственный»?
        - Как мы становимся киборгами
        - Как мы становимся андроидами?
        - Куда мы идем?!

    - Вместо заключения, или: каковы же мы и какими мы становимся?
        - Человек цивилизованного мира
        - Неравномерное человечество
        - Что нам надо делать?
        - Конец человечества?
        - Многовариантное человечество
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36

- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63

Андрей Буровский
Человек третьего тысячелетия

Нашим потомкам ПОСВЯЩАЕТСЯ: тем, кто на целое поколение дальше нас от предков, смышленых древних обезьян. Тем, кому суждено быть еще более искусственными и больными, но в то же время еще более здоровыми, активными и долговечными.

Человек – зловонная тварь; зачинается он между мочой и калом, и путь его – от вонючей пеленки к смрадному савану.

Тертуллиан

Человек – благоуханный сосуд Господа, в который налита добродетель, из которого изливается смирение и благодарность.

Блаженный Августин

© Буровский А. М., 2013, текст
© Ковалёва Т. В., 2013, рисунки
© Писарев Р. В., 2013, обложка
© ООО «Страта», 2013

Введение

Всуе оставив богов и обожествив человека,
Вскоре увидели все, сколь отвратителен он.

А. Величанский

В мире тотальной неклассичности

Люди не любят и боятся перемен. Это у нас почти инстинктивное: на протяжении всей истории человечества перемены не приносили людям ничего хорошего. А если даже и приносили, то хорошее проявлялось не сразу, а вот плохое перемены приносили мгновенно и в огромном количестве.

Тем не менее мы живем в мире, который уже изменился и продолжает стремительно меняться. Мы живем в мире, который абсолютно по всем параметрам отличается от мира, в котором жили даже наши отцы, а тем более – деды.

Европейцы конца XIX века считали, что мир вокруг стремительно изменяется, что они живут совершенно иначе, чем предки. Но за сто с небольшим лет, прошедших с этой эпохи, мир изменился еще больше. Петербургский философ и ученый А. И. Субетто остроумно и точно назвал нашу эпоху временем «Тотальной Неклассичности»:[1] периодом, когда буквально все вокруг нас – не такое, как было у предков. Современный человек – житель даже не города, а громадного мегаполиса. Исторические центры даже городов, огромных по понятиям начала XX века, буквально тонут в море более поздней застройки. Если исторический центр охраняют, не позволяют изменять и застраивать, все равно растут новостройки и пригороды вокруг. Соотношение жилья, построенного до 1950 года и более позднего, в Париже, Москве, Санкт-Петербурге, Лондоне и Риме колеблется от 1 к 3 до 1 к 5. Житель даже исторического, старинного города чаще всего живет в недавно построенном доме, частном или многоквартирном.

Это жилье совершенно по-другому организовано, чем еще 30–40 лет назад, иначе обставлено, часто с использованием совершенно других материалов. Горожанин пользуется другими предметами, носит другую одежду, ест пищу, по-другому приготовленную и из других продуктов. Он иначе спит, ест, одевается, передвигается. Даже когда мы читаем, мы пользуемся иначе изданными книгами, а все чаще пользуемся электронными изданиями. Когда делается вывод, что люди стали меньше читать, это неверно: просто стали меньше покупать бумажных книг. А ведь кроме печатных текстов, появились такие источники информации, как компьютер с Интернетом, фильмы и видеоклипы. Чтобы посмотреть фильм, уже не нужно идти в кинотеатр, все под рукой. Никто из современных людей не слышал, как говорят Аристотель, Иммануил Кант и даже Пушкин. Но пение Высоцкого слышали все.

Современный человек несравненно богаче своих предков. По понятиям даже очень обеспеченных людей начала XX века он просто неправдоподобно богат. Убедиться в этом очень просто: достаточно сравнить размеры домов и квартир начала XX и начала XXI веков. Жилье богатого парижанина или петербуржца столетней давности меньше и темнее, чем жилье самого среднего из наших современников. Наша повседневная еда показалась бы пиром для 90 % жителей Петербурга или Москвы 1900 года. Одежда… После изобретения нейлона наши женщины ходят в шелках: как императрицы Рима или как жены миллионеров XIX века.

Современный человек сказочно, неправдоподобно могущественен. Он может передвигаться с невероятной скоростью. Мы можем за несколько часов проехать между Москвой и Петербургом, за считанные часы перелететь на другие континенты. Часто нам и не нужно никуда ехать: сняв трубку телефона, включив скайп, мы говорим с человеком, который находится на другом конце земного шара. Не выходя из собственного дома, мы можем послать в любую точку Земли любой текст и даже официальный документ с подписями и печатями.

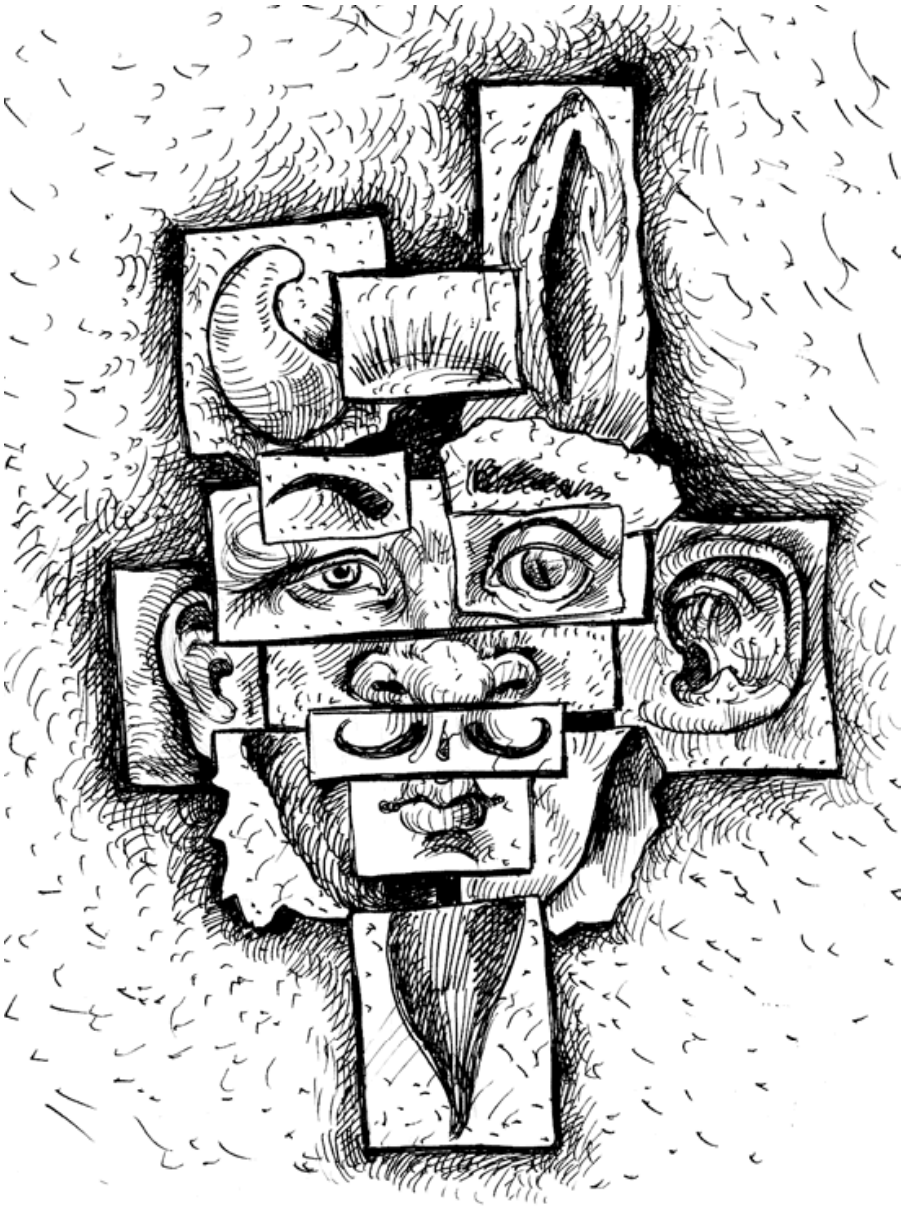
Современный человек живет в мире, который несравненно добрее и безопаснее «классического». У него намного меньше возможностей стать жертвой насилия, чем у его отца и тем более деда. Наш современник намного реже погибает или теряет здоровье из-за болезней, живет в полтора раза дольше деда и прадеда.

Люди Третьего тысячелетия даже думают и чувствуют иначе, чем предки. Как и все иное, это имеет свои и хорошие, и скверные стороны.

Хорошие: люди живут во всех отношениях все лучше и лучше: богаче, полнее, интереснее.

Плохие: возникает разрыв между прошлым и настоящим, люди перестают понимать даже совсем близких предков. Нарастает чувство неуверенности и тревоги: ведь происходящее невозможно сравнить с опытом предков. Нет опыта, опоры в прошлом – нет и уверенности в будущем.

Дети цивилизации пытаются ухватиться за прошлое. Они безмерно идеализируют его, ищут в нем то, чего бы хотели видеть в своей жизни. Бесконечны разговоры о том, что раньше люди были здоровее, жили дольше, не болели болезнями с мудреными названиями. Что раньше люди были чище душой, порядочнее и благороднее. Подлецов было очень мало, и вообще все верили во что-то хорошее.



Раньше были крепкие семьи, дружные супружеские пары, а дети любили пап и мам и не бросали их, как нынешние.

Мы боимся за самих себя – и одновременно самих себя. Мы понимаем, что не в одном телесном здоровье дело. Души изменились еще сильнее. Мы отличаемся от предков своим поведением, своими желаниями, своими страхами. Отличаемся уже этой постоянной напряженностью…

Для нас весь мир наполнен неясной тревогой; мы все время ощущаем какую-то неопределенную угрозу, разлитую в воздухе. Мы все время ищем ее, все время напряжены. Откуда опасность? Наверное, мы сами какие-то «не такие»…

Но вот мы приходим в музей или открываем альбом с портретами Сурикова или Репина. Какие спокойные, невозмутимые лица! Ни на одном портрете Сурикова нет человека с мешками под глазами. По сравнению даже с «Бурлаками» Репина у нас все время измученный вид.

Ну ясное дело! Мы так и знали: с нами что-то крупно не в порядке.

В действительности мы «в полном порядке», просто мы утратили чувство уверенности: слишком стремительны перемены. Мы не успеваем привыкнуть к одним изменениям, как наваливаются другие, еще более радикальные.

Дети разных скоростей

Конечно, в разных частях нашей планеты перемены идут с разной скоростью. Все сказанное касается примерно 20 % современного человечества, но почти не касается даже абсолютного большинства китайцев, не говоря о жителях Индии, Южной Азии, Африки, Южной Америки.

Там, где развитие цивилизации идет без компьютера, где прошлое не превращается в музей, где не отменен естественный отбор, нет громадных цивилизованных городов, – там и не рождается Человек Третьего Тысячелетия. Для него там просто нет места.

То есть цивилизованные люди есть и там. Индусы создают программных продуктов больше, чем в России… Но какой процент индусов пишут программы? Сколько индусов вообще знают, что такое компьютерная программа? От силы 2–3 % общего числа. Для громадной Индии и это – 15–20 миллионов людей. Небольшая европейская нация. Но остальные 97 % индусов не имеют отношение к компьютеру. И вообще все то, что имеют цивилизованные люди – богатство, техника, лекарства, образование – для них или мало доступно, или не доступно вообще. Они не летают на самолетах, не едят консервированных продуктов, не пользуются мобильными телефонами, не носят нейлоновой одежды.

Они негодуют: у них нет тех ценностей, которые есть у других. Эти «другие» ничем не лучше, они оказались в нужное время в нужном месте. Мусульманин из Марокко или Йемена знает, что жить ему лет на 20–30 меньше, чем европейцу. И компьютер для него примерно то же, что бутылка с джинном Хоттабычем. Хоттабыч даже реальнее.

В 1960-е годы, пока американцы и французы выясняли, кто имеет право ловить лангустов в территориальных водах Бразилии, бразильцы пели во время карнавала:

Что такое лангуст?
Это рыба, или он ползает по дну?
Какая мне разница, ведь я никогда
Не съем даже крошечного кусочка лангуста.

Китаец хорошо понимает, что его сын никогда не получит такого же образования, как сын англичанина. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

Когда умирает от рака простаты индеец кечуа в Перу, его дети понимают: американцу или немцу сделали бы операцию, и он жил бы еще долго. Но ни у них, ни у старика не было нужного количества долларов…

Можно, конечно, попытаться переехать в более богатые страны… Но на всех места в богатых странах не хватит. Те, кто переедут и укоренятся в цивилизованных странах, скоро перестанут отличаться от их коренных жителей. Индус, родившийся в Британии, хорошо понимает англичанина и все более чужд жителю Индии.

Можно попытаться силой захватить часть этих богатств, заставить считаться с собой. Это и пытаются делать мусульманские террористы, пытался делать Саддам Хусейн… с переменным успехом. Еще можно попытаться построить какое-то совсем другое общество… Где люди будут материально жить – как в богатых странах, а жить духовно и работать – как в бедных. Практика показывает, что это никогда не удается. Можно попытаться вообще уничтожить раздражающий и несправедливый мир, сделать всех одинаково нищими и голодными. Среди революционеров беднейших стран есть сторонники и такого пути.

То есть изменяются все. Если сравнить материальную обеспеченность англичанина и индуса в 1900 и в 2000 годах, быстро выяснится: индусы в 2000 году во многих отношениях живут лучше англичан 1900 года. Это факт.

Но и то, что разрыв не уменьшился, – тоже факт. Англичанин 1900 года был больше похож на индуса 1900, чем англичанин 2000 на индуса 2000 года.

Люди меняются и на периферии цивилизации – но меняются гораздо медленнее. Человек Третьего Тысячелетия рождается не везде.

Люди ли мы?

Если брать эти 20 % населения Земли, ее цивилизованную часть, то меняется и сам человек. Меняется биологически, телесно.

Во-первых, мы живем в совершенно иной среде, – и природной, и общественной. Мы приспосабливаемся именно к ней, и эта среда изменяет нас.

Во-вторых, от нас больше не требуются качества, необходимые предкам – например, железное здоровье или беззаветная преданность племени.

В-третьих, от нас требуются качества, которые были совершенно не нужны предкам, – например, умение учитывать множество различных факторов, держать в памяти сотни фактов и цифр.

Жизнь отбирает людей с другими качествами. Мы даже анатомически отличаемся от предков. Физиологически мы отличаемся от них сильнее, чем анатомически; психологически сильнее, чем физиологически.

Строго говоря, человечество никогда не было однородным. Вполне возможно, мы даже происходим от разных предков, а если это и не так – различия между популяциями людей существовали всегда.[2]

А сегодня рождается или уже почти родился Человек Третьего Тысячелетия – разумное существо, биологически отличающееся от остальных людей не меньше, чем европеец отличается от бушмена, или чем homo sapiens – от «обезьяночеловека», жившего 2 миллиона лет назад.

Эта книга – о Человеке Третьего Тысячелетия. О том, что же произошло с нами за последний век, в чем именно мы отличаемся от предков и в какую сторону мы идем.

Часть I. Что случилось за последние 100 лет?

Глава 1. Взрыв цивилизации

Миллионы лет на земле жил человек-охотник. Вся его жизнь проходила в почти беспрерывной погоне за дикими зверями и в сборе дикорастущих растений. Даже постоянное жилище из костей мамонта оставалось временным жилищем: сроком на несколько месяцев. Охотник не знал даже самой примитивной, самой жалкой деревни. Охотник изменял лицо Земли, но бессистемно, сам того не осознавая. Он жил в ландшафтах, созданных самой природой, и сам мало от нее отличался: могучее разумное животное.

Тысячи лет жил на земле человек-земледелец, крестьянин. Согласованный труд многих поколений крестьян изменил лик земли. Крестьянин жил в постоянных деревнях, а после смерти оставался на сельском кладбище. Деревни окружали огороды, сады, поля, выпасы и луга.

За эти тысячелетия зародилось то, что мы называем цивилизацией. Определений цивилизации дано множество, но главное – цивилизация связана с городами. В городе множество людей живут теснее, чем в любой деревне. Древний город хотя бы частично снабжал себя продуктами питания, но главным для горожанина был труд ремесленника, торговца, жреца, чиновника, воина. Труд, прямо не связанный с сельским хозяйством.

Вопрос, сколько было на земле горожан? Даже в самых богатых, самых цивилизованных государствах Древнего Востока жили 2–3 % всего населения. Кучка образованных, лично свободных людей в море общинников, занятых грубым ручным трудом по обеспечению продуктами питания… главным образом, самих себя.

В Греции и особенно в Риме город был местом, где жили свободные граждане. Граждане сходились на народное собрание, и сами определяли правила жизни в своем государстве – полисе. Правила назывались «полития» – откуда и слово «политика». Гражданин привыкал жить, подчиняясь писаным законам, которые создавал сам, а не царям, аристократам и неписаным древним обычаям.

Граждане владели землей и считали труд на земле самым благородным трудом, а доход, получаемый от земли, – самым честным и достойным видом дохода. Но гражданин все реже сам работал на земле. Он был грамотен, свободен, полон уважения к себе.

Само слово «цивилизация» происходит от римского «ziwilis» – что означает «городской избирательный округ». А сельские

избирательные округа они называли «paganus», откуда и происходит русское слово «поганый». Ведь христианизация Римской империи долго охватывала города, а диковатые сельские жители оставались язычниками.

Но сколько было граждан-горожан во всем Великом Риме? Списки граждан хорошо известны, и мы знаем – в эпоху Октавиана Августа, старшего современника Христа, в Римской империи было чуть больше 3 миллионов граждан – на 60 или 70 миллионов всего населения.

Горожан в Риме намного больше, чем на Древнем Востоке. Они сильнее отличаются от сельских жителей, свободнее и грамотнее.

Но и в Риме города окружало море деревень, где жило до 90 % населения.

В Европе соединилось наследие Рима, христианство и богатство, пришедшее от колониального ограбления мира. Эпоха Просвещения начинается с того момента, как в Европе закончились религиозные войны, – с подписания Вестфальского мира 1648 года. Называют эту эпоху и Новым временем, а иногда выделяют и эпоху Новейшей истории – после Первой мировой войны.

Триста пятьдесят лет эпохи Просвещения – Нового времени – это история распространения цивилизации, подобная взрыву.

К началу XX века появились государства, где уже не 3 % и даже не 10 % людей жили в цивилизации, а большая часть. В Британии, Голландии, Дании, Швеции в 1900 году в городах жило больше 80 % населения. Такого не было никогда, ни в каких, самых богатых государствах прошлого.

Цивилизация Нового времени – это городская цивилизация. Она предполагает, что цивилизованный человек лично свободен. Ни государство, ни община, ни семья, ни корпорация не могут принуждать его к чему-либо. Он нанимается на работу или создает свое предприятие. Он обязан подчиняться законам, но имеет право на любую деятельность, которая прямо не запрещена законами. Цивилизованный человек имеет квалификацию и получает за свой труд достойную плату.

Цивилизованный человек может выбирать если не верховное правительство своего государства, то уж по крайней мере членов местного самоуправления. По отношению к нему ограничены права любого правительства. При необходимости он может менять место жительства и даже подданство.

Цивилизованный человек грамотен, имеет хотя бы начальное образование, может (и хочет) читать газеты и книги. Он может получать информацию о событиях в мире, судить о новинках

культуры, науки и техники, следить за международной политикой и знает хотя бы об основных событиях в мире.

Наконец, цивилизованный человек имеет доступ к материальным благам цивилизации – если не к автомобилю и телефону, то хотя бы к мылу, зубному порошку, водопроводу и газовому освещению. Ему доступна не только бабка-знахарка, но и научная медицина. Независимо от своих религиозных убеждений, он хотя бы знает об эволюционной теории, о шарообразности Земли и о современной гигиене.

Но если принять такие понимание цивилизации, то приходится утверждать – перед Первой мировой войной, в 1900 и 1910 годах бóльшая часть человечества по прежнему жила за пределами цивилизации.

Даже в Западной Европе, в Соединенном Королевстве, Франции, Скандинавии и Северной Европе за пределами цивилизации живут не менее 10–15 % населения: сельские батраки, неквалифицированные рабочие, бродяги, низшие слои крестьянства. Позволю себе обширную цитату из Джерома Джерома… а комментарии тут не нужны:

«Недавно я отправился с одним знакомым в его клуб в предместье Брюсселя. Территория с одной стороны была ограничена лесом, а с трех остальных сторон – petites fermes – так называют небольшие наделы, которые обрабатывают сами крестьяне.

Был чудесный весенний день. Все корты были заняты. Рыжая земля и зеленая трава создавали фон, на котором женщины в своих новых парижских туалетах с яркими зонтиками выделялись подобно прекрасным живым букетам. Вся атмосфера, казалось, была соткана из беспечного веселья, флирта и легкой чувственности. Современный Ватто с жадностью ухватился бы за такой сюжет.

По соседству, отделенная почти невидимой проволочной оградой, работала группа крестьян. Пожилая женщина и молодая девушка, обвязав плечи веревкой, тащили борону, которую направлял высохший старик, похожий на старое чучело.

На мгновение они остановились у проволочной ограды и стали смотреть сквозь нее. Получился необычайно сильный контраст: два мира, разделенные этой проволочной оградой – такой тонкой, почти невидимой. Девушка утерла рукой пот с лица; женщина заправила седые пряди, выбившиеся из-под платка; старик с некоторым трудом выпрямился. Так они простояли примерно с минуту, со спокойными, бесстрастными лицами, глядя через эту непрочную ограду, которая рухнула бы от одного толчка их огрубевших от работы рук.

Хотел бы я знать, шевелились ли в их мозгу какие-нибудь

мысли? Эта девушка – красивая, несмотря на уродливую одежду. Женщина – у нее было удивительно хорошее лицо: ясные, спокойные глаза, глубоко сидящие под широким квадратным лбом. Старое высохшее чучело – всю свою жизнь он сеял весной семена тех плодов, что достанутся другим.

Старик снова склонился над веревками и подал знак. Группа двинулась вверх по склону холма. Кажется, Анатолю Франсу принадлежат слова: „Общество держится на долготерпении бедняков“[3]*».*

В Германии таких людей перед Мировой войной уже не менее 20 % населения, в Южной и Восточной Европе, включая Австро-Венгрию, – не менее 30–40 %. В Российской империи они уже составляют большинство. В цивилизации живут лучшем случае те самые 20 % грамотных россиян. В Петербурге и в Москве, в крупных городах цивилизованный слой заметен. В провинциальных городках – буквально по нескольку десятков цивилизованных семей на многотысячное население.

В США и доминионах Британии, среди буров Южной Африки вне цивилизации живут не менее 30–40 % населения.

В Латинской Америке – примерно как в Российской империи: есть кучка приобщившихся к цивилизации, в основном в крупных городах. В сельской местности это тоже кучка: помещики, верхушка крестьянства, священники, интеллигенция.

В Японии самое большее 10–15 % населения можно причислить к «цивилизованным». В Турции, Китае, Иране – как и на Древнем Востоке, хорошо, если по 2–3 % горожан. В Китае почти все «цивилизованные» – жители больших городов на побережье. Внутренний Китай цивилизацией почти не изуродован.

И даже цивилизованные на Востоке имеют совсем другие права и возможности, чем в Европе. И в Турции, и в Китае сохраняются пытки, как совершенно обычный метод ведения следствия. Турка, иранца и китайца, даже из образованных слоев, могут бить палками в полиции, заставить делать «подношения» чиновникам. Турецкий султан и китайский император могут разорить, бросить в тюрьму, даже физически уничтожить подданного, уличенного в «непозволительных» намерениях и суждениях. Иногда даже из личного раздражения, если подданный написал что-то неуважительное о солнцеподобном монархе.

В большинстве остальных стран неевропейского мира цивилизованные люди – или немногочисленные группки, или вообще отдельные люди. Эти «нетипичные» азиаты и африканцы жмутся к европейцам, как своего рода «младшие братья»,

стараются сотрудничать с администрацией колоний или с европейскими купцами, концентрируются в больших городах и на железнодорожных трассах. Европейцы могут третировать этих «нетипичных» как «бесхвостых павианов» или признавать их ровней – но все равно деваться им некуда, туземным цивилизованным. Ведь для большинства людей своих народов они в лучшем случае «просто» непонятны, а то и вызывают агрессию. Особенно если начитаются книжек и пытаются хоть как-то изменить традиционный уклад.

Для понимания многих событий в России надо четко понимать – русская интеллигенция находится именно в таком двойственном положении. Они европейцы, но русские. Русские – но европейцы.[4] Как и у всех цивилизованных представителей неевропейского народа, у них может быть две исторические судьбы: сделать цивилизованным весь свой народ или быть уничтоженными собственным же народом, который не хочет цивилизации.

Еще жестче стоит вопрос для кучки цивилизованных татар, башкир, жителей Кавказа и Средней Азии. Им предстоит и цивилизация, и хотя бы частичная ассимиляция.

Индия, арабский мир, Китай, Юго-Восточная и Центральная Азия, Индонезия, Передний Восток, вся Африка, большая часть Латинской Америки – царство деревень, аграрного уклада, тяжелого ручного труда, зависимости от погоды, дождя и плодородия земли. Пищи практически никогда не хватает для сытости всех. Это мир, в котором постоянно недоедают, а время от времени – неурожай, и вспыхивает настоящий тяжелый голод. В хорошие годы сыты почти все. При неурожае почти все жестоко страдают от недоедания и голода, а часть населения умирает.

«Болезни здесь не лечат – нет ни врачей, ни лекарств, голод утоляют тем, что удается собрать своими руками: зернами кукурузы, фасолью, бананами. О запасах не приходится мечтать. Денег на покупку продовольствия взять негде. В случае неурожая, нападения вредителей, болезни неизбежна голодная смерть. Если же все благополучно и собран хороший урожай, человеку обеспечено полуголодное существование, хотя и не слишком продолжительное – в среднем до тридцати лет. Потом тело опускают в семиметровый слой рыхлого перегноя. А душа могла и вовсе не пробудиться».[5]

Это написано в 1970-е годы, – поляком, который путешествовал по Мексике. В 1910 году точно так же жили многие и в самой Польше, – разве что собирали зерна не кукурузы, а пшеницы, и утоляли голод не бананами, а картошкой.

В начале XX века для 90 % населения Земли основные мысли,

планы на будущее, усилия – о еде, про еду, для еды. Состав пищи, качество пищи совершенно не важны – главное наполнить животы. О еде рассказывают в сказках, поют в детских песенках, про изобилие еды повествуют в народных утопиях.

В течение Великого Голода 1876–1878 годов в Индии погибло от 6.1 до 10.3 млн. человек, во время Индийского голода 1899–1900 годов – от 1.25 до 10 млн. человек. Современные исследования прямо обвиняют в голоде политику британской короны, и они правы, к сожалению.

Но в Западной Африке страшный голод убил несколько миллионов человек в 1820-е годы явно без всяких происков колонизаторов. В Китае голодают почти каждый год, только в разных провинциях. На северо-востоке Бразилии, в засушливых районах, голод вспыхивает каждые 10–15 лет. И в Центральной Америке тоже. В 1846–1847 годах 1 млн ирландцев умерли с голоду и столько же уехали в Америку, спасаясь от голодной смерти. Происки колониальной администрации в каждом из этих голодоморов – ни при чем.

В России голодоморы 1891–1892, 1897, 1901, 1905–1906 годов тоже прокатывались не по территории колонии. Просто у правительства не было ни сил, ни средств погасить голод, и он успевал убить в 1891–1892 годах – до 200 тысяч человек, в 1897–5–6 тысяч.

Как чаще всего бывает, голод сопровождался эпидемиями. В 1982 году в одной Воронежской губернии от холеры погибло 11 тысяч человек, от цинги – 10 тысяч, было много погибших от дизентерии и брюшного тифа.

Нецивилизованный мир – это мир чудовищной детской смертности. Умерших детей всегда в несколько раз больше оставшихся жить.

В 1880–1916 годы в Российской империи ежегодно не доживало до первого дня рождения не менее 43 % младенцев из 6–7 миллионов родившихся. То есть каждый год в Империи умирало не менее 4,4 млн. детей: в первую очередь от болезней.

За 1880–1916 годы женщины Российской империи родили не менее 400 миллионов детей. Но в 1897 году страна имела 129 млн. подданных, включая Польшу, Финляндию и т. д. К 1913 году та же империя имела лишь примерно 166 млн. населения. Где же остальные 234 миллиона рожденных?! Они умерли, не став взрослыми.

А ведь в России перед Мировой войной было намного сытее, лучше, надежнее, здоровее, чем в Азии, Латинской Америке, а тем более в Африке.

Мир вне цивилизации – мир никем никогда не леченных

болезней.

В самое обычное время люди болеют и умирают без выдумок европейцев про диагнозы, стетоскопы, клизмы, рецепты, шприцы и принятие лекарств по схеме. Без диагнозов… Они «просто» легли и «вдруг» померли.

– Почему помер Юсуп (Ли, Ши, Шиваджи, Педро, Ибрагим… нужное вставить)?!

– У него заболела грудь.

– Инфаркт миокарда? Мочекаменная болезнь?

– Это у вас такие мудреные болезни… А Педро (Юсуп, Ли, Шиваджи… нужно вставить) просто заболел… Грудь (живот, бок, голова … нужное вставить) у него заболела, вот он и помер.

Время от времени прокатываются опустошительные эпидемии, унося уже не старых и слабых, а миллионы людей. Эпидемии даже полезны – если людей стало меньше, оставшимся будет больше пищи.

В середине XIX века в Китае началась Третья пандемия чумы. Она прокатилась по всем обитаемым континентам, уничтожая невероятное число людей, – при тогдашнем-то малолюдстве в одном Китае умерло до 30 млн. человек, в Индии – 10 млн., на Переднем Востоке – до 3 млн. чел.

В 1820 году по Индии прокатилась пандемия холеры, начавшаяся в Бенгалии. От нее умерло 10 тысяч британцев и по крайней мере 2–3 млн. индусов. В период 1817–1860 годов от холеры погибло более 15 млн. человек, в период 1865–1917 годов еще около 23 млн.

Волновало это в основном европейцев. В 1898 году британец Рональд Росс, работавший в Калькутте, окончательно доказал, что комары являются переносчиками малярии. Работая в основном в Индии, британский врач Хоффкин впервые разработал вакцины от холеры и бубонной чумы. Проведение массовой вакцинации от оспы вызвало снижение смертности от этой болезни в Индии в конце XIX века. Вакцинировали индусов, вводили лечение малярии хинином, разводили в реках и озерах рыбку гамбузию (чтобы поедала малярийных комаров) – европейцы.

Индусы относились к смертям от болезней очень спокойно: так было всегда… И вообще, по их мнению, действует принцип кармы: если человек грешил в прошлой жизни, он расплачивается за грехи в этой. Ребенок родился, и в нем живет душа негодяя – вот он и помер младенцем.

Мусульмане не менее набожно возводили очи горе: иншалла… Воля Аллаха, все в порядке.

В Латинской Америке были случаи, когда священники возмущались действиями врачей: они нарушают Божью волю.

Человек болел и должен был умереть – такова воля Бога. А эти охальники мешают…

Россия не лучше. Земский врач и писатель Вересаев рассказывает, как деревенский дед ругал его: не надо спасать детей от болезней! А то слишком много на земле людей станет. Добрый дедушка приводит поговорку: «дай Бог скотину с приплодцем, а детишек с приморцем».

Традиционный мир – это мир чудовищного неравенства и бесправия, где любые идеи демократии кажутся просто безумными. Как правило, рождение в той или иной семье определяет всю дальнейшую жизнь. Простолюдин согнут в покорности знатному, бедный – богатому, младший член семьи и клана – старейшине. Сама мысль о том, что младшие могут не подчиняться старшим, что может быть как-то иначе, – безнравственна, да и попросту преступна. Что-то вроде мысли, что домашние животные могут пахать на людях и есть людей или что деревья могут, если захотят, расти вверх корнями.

Законы? Действуют или традиционные законы, как пришедшие из средневековья законы Китая и мусульманского шариата, или деревенская традиция. Большинству жителей Латинской Америки, а тем более Индонезии или Африки и в голову не придет обратиться к городскому судье. Ему же еще и платить придется, а где взять денег?! За справедливостью идти надо к старейшинам, к традиционным вождям, авторитетам, священникам и чиновникам. В России крестьянин легко нарушал писаные законы, но почти никогда не нарушал вековых традиций.

Традиционный мир – это мир чудовищного, неправдоподобного невежества. В современном мире просто нет ничего подобного, мы отвыкли.

Великолепны образы чеховского «злоумышленника», тупо выкручивающего гайки из полотна железной дороги – на грузила. [6] Он просто не понимает, что делает, потому что железная дорога находится за пределами его убогого понимания.

Не менее великолепен «интеллигентный мельник» М. А. Булгакова, сжирающий сразу все лекарства, полагающиеся на месяц, – чего долго мучиться, слопать их, да и все…[7]

Характерно название рассказа М. А. Булгакова: «Тьма египетская». Ассоциация и с тьмой в головах народа, и в глазах интеллигентов, уставших от дикости народа.

Очень любопытен рассказ А. П. Чехова, отличающийся от приведенного только одной буквой: «Злоумышленники» – то же слово, но во множественном числе.[8] Объем такой же, пять страниц убористого текста, сюжет крайне прост: население провинциального городишки обвиняет астрономов в том, что они

устроили затмение солнца.

Такие рассказы писались на фактическом материале, ведь во время «холерных бунтов» народ и правда убивал врачей: они «травят народ», разносят холеру.

В памяти моей семьи сохранилась история не менее «крутая»: в 1912 году мой прадед, Василий Егорович Сидоров, подарил моей бабушке детеныша косули. Животное выкормили коровьим молоком, оно было совершенно ручным. Эту косулю убили в 1913 году: животное доверчиво подошло к мужикам, молотившим хлеба на току. Дикий зверь идет к людям?! Ясное дело, оборотень! «Оборотня» тут же убили цепами. Бабушка вспоминала свою ручную косулю до самой смерти в 1967 году.

А ведь Россия – страна неизмеримо более культурная, чем любая страна Азии, она цивилизованнее даже Японии. В Латинской Америке только большие и самые цивилизованные страны могут сравниться с Россией по уровню просвещения. «Тьма египетская» царит в головах 85 % населения земного шара. И какая тьма! Русская «тьма» – это еще очень высокий уровень общей культуры. Убили косулю? Верят в оборотней? Какие мелочи! В Индии и в Южной Америке приносят в жертву людей. В Африке еще вовсе не изжито людоедство.

В 1900 году для 85 % населения земного шара оставались практически недоступны вся литература и искусство, непостижимы все достижения науки. Есть, конечно, кучка людей, образованных «по-китайски» или «по-персидски». Но именно что кучка; и образованы эти люди примерно так же, как знать Древнего Востока в эпоху фараонов. Их образование – знание литературы, истории, священных текстов… Но образованный по-китайски может не иметь никакого представления о шарообразности Земли и об устройстве того же паровоза.

Вне цивилизации мало доступны чудеса научно-технического прогресса. Если люди традиционного мира когда-нибудь поедут на поезде, увидят газету или как говорят по телефону, они все равно не поймут, почему едет паровоз, как устроен телефон и почему для белых людей так важны события, о которых они читают на бумаге.

В китайский язык вошло слово «машинка» – то есть машина. В значении «обман», «мошенничество». Так и говорили: «не верь Лю, он машинка». Поезд или автомобиль двигаются непонятно как, потому что едут без запряженных в нее быка или лошади. В этом какой-то обман, мошенничество, наваждение. Примерно так же думала странница Феклуша в пьесе «Гроза», у Островского: то-то она своими глазами видела беса, который загребает лапами, тащит на себе поезд.[9] Старообрядцы крестили поезда в надежде,

что они растают в воздухе… но в русском языке «паровоз» все же не стал символом обмана и «надувательства». Из чего приходится сделать вывод: русские туземцы куда ближе к цивилизации, чем китайские.

У туземцев могут быть фабричные ткани и ножи, сделанные заводским способом. Но они не очень представляют, как работает фабрика или шлифовальный станок. Электричество? Вспыхивающая лампочка способна их, скорее всего, напугать. В их домах ничего подобного нет и в обозримом будущем не будет.

В 1900 году так существуют по крайней мере 1 миллиард 300 миллионов или 1 миллиард 400 миллионов человек из живущих на земле 1 миллиарда 600 миллионов.

Мир перед Мировой войной 1914–1918 годов разделен на 10–15 % тех, кто строит цивилизацию и живет в ней. И на 85–90 % человечества, которые в цивилизации не живут, ее не строят и даже не очень представляют, что это вообще такое.

Над ними, вне их мира, начинаются войны, принимаются важные решения, шумят громадные промышленные города, пишется научная фантастика, читаются лекции по органической химии и технологии производства каучука. Они не имеют к этому почти никакого отношения. Эта промышленная, умственная, политическая работа им и не очень понятна.

В традиционном мире идет совсем другая жизнь: размеренная, плавная, по своим простым, понятным циклам. Это годовые циклы погоды и урожая, циклы рождения, взросления, старения и смерти человека.

Наступила весна, пора пахать и сеять, как всегда. Дети родились и выросли. Так тоже было всегда.

Повторяющихся событий намного больше, чем исключительных. Да они и важнее, потому что мало ли какой правитель издает указы, какой военачальник ведет армии, а какой литератор что-то пишет? Все равно брошенное в землю зерно должно прорасти, буйволица давать молоко, а женщина рожать детей. Это главное. Это – основа жизни, куда важнее бегающих по рельсам «машинок» или дымящих фабричных труб.

XX век – конец распространения цивилизации?

Всю эпоху Просвещения цивилизация жила в уверенности, что скоро она распространится на весь земной шар, все станут цивилизованными. Просто одни народы передовые, а другие – отсталые, но передовые им помогут.

Но тут же величайшие умы цивилизации объясняли, что есть народы исторические, а есть – неисторические. Георг Вильгельм

Фридрих Гегель прямо говорил, что недопустим выход славянских народов из состава Австрийской империи. Ведь немцы – народ исторический, а славяне – неисторические. У них нет настоящей истории, нет выдающихся личностей; их удел – служить удобрением для жизни исторических народов.

Колониализм виделся неким естественным следствием того, что Европа цивилизованнее остального мира, но и миссией Европы. Бременем белого человека, если произнести эту фразу без иронии. Колонизаторы были убеждены, – индусы и африканцы должны «развиваться». Они считали свою работу на Востоке служением этой идее – улучшения совершенствования, развития.

Но эти же колонизаторы, в своем как будто благородном служении Прогрессу, культивировали расистские представления о «неполноценности» колониальных народов, обожали отвратительные анекдоты про «бесхвостых павианов» и черных дикарей. Даже «люди латинской расы», европейцы Мексики, выглядели для американцев как люди явно второсортные.

В этом были едины и самые консервативные, и самые «прогрессивные» европейцы: есть народы исторические и неисторические. Даже самые отъявленные политические радикалы не видели реальных путей достижения хоть какого-то равенства народов. Не только Георг Гегель, но и Константин Циолковский считал, что неисторические народы обречены вымереть за ненадобностью. Зачем они нужны? Только путаются под ногами.

Маркс полагал, что когда произойдет Мировая революция, тогда пролетариат и решит, что делать с этими самыми неисторическими народами. Истребить их он прямо не призывал, но и не исключал «окончательного решения».

Конец эпохи колониализма грянул вместе с Мировыми войнами: чтобы сохранять свои империи друг от друга, колонизаторам пришлось вооружить и обучить войне сотни тысяч, миллионы туземцев. Эти миллионы сикхов, гуджаратцев, сенегальцев, хауса, яванцев и малайцев получили не только опыт обращения с современным оружием, но и опыт применения его против белого человека. Сыну Сенегала трудно объяснить разницу между французом и немцем – при том, что они хоть в чем то внешне различаются. Еще труднее объяснить жителю Гуджарата разницу между немцем и англичанином – потому что они-то практически неотличимы.

Стоило вернуться домой туземным солдатам Второй мировой – и колониальная система развалилась. В 1960-е годы человечество вступило как множество независимых государств. И

с установкой на политическое равенство любого народа.

Мировые войны поставили под сомнение всю систему ценностей эпохи Просвещения. Вера в прогресс и неуклонное совершенствование сменилась пессимизмом, на место жесткой иерархии ценностей и человеческих качеств встала странная установка «постмодернизма», по которой «все равны всем» и «всё равно всему», независимо от результативности.

Лидерство Европы? Но к чему нужно лидерство, чреватое мировой бойней, лагерями уничтожения и атомной бомбой? Стало хорошим тоном рассуждать о преимуществах Востока, и даже первобытного общества.

Уже почти сто лет, после Первой мировой войны, цивилизация сомневается и в самой себе, и в своей универсальности, и в праве навязывать себя всему человечеству.

XX век – продолжение взрыва

Значит ли это, что развитие цивилизации остановилось? Что достигнут некий предел и развития больше не будет?

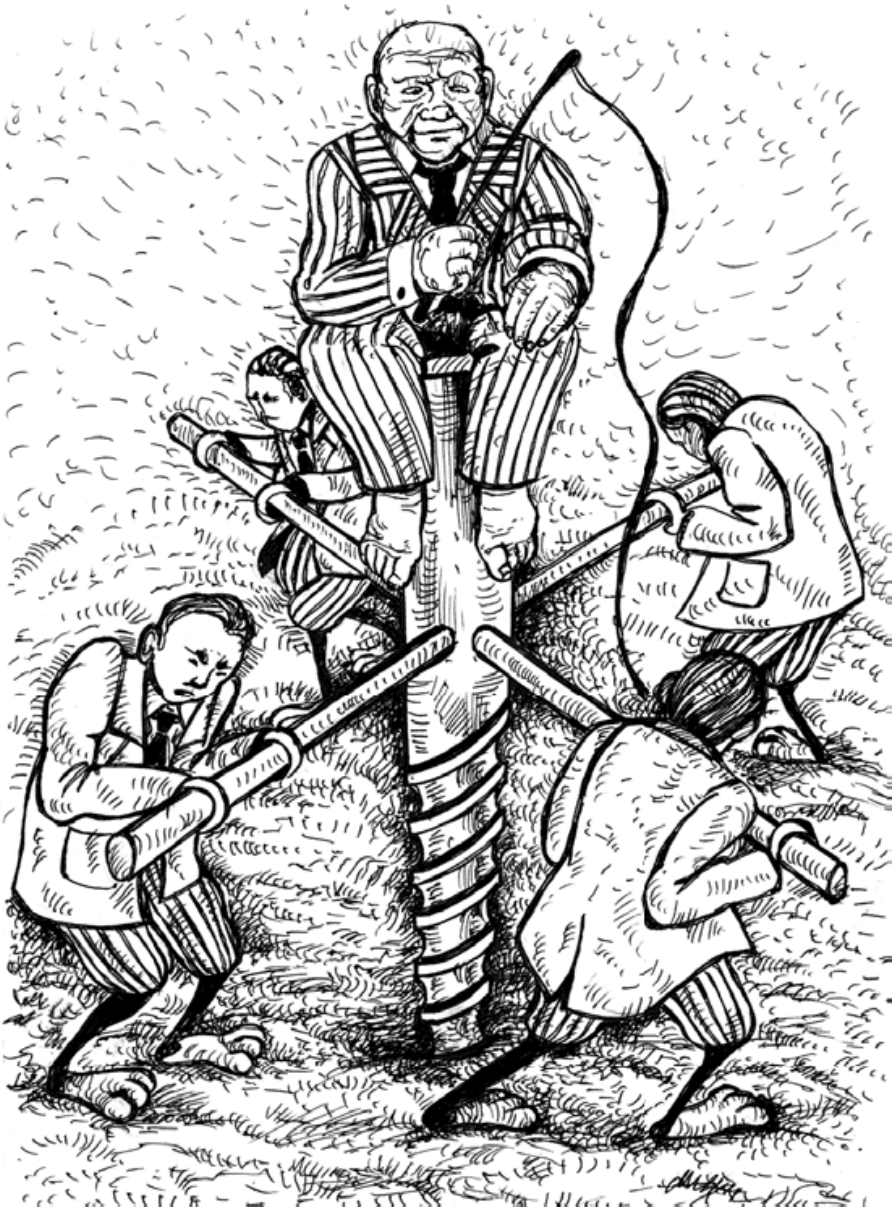
Вовсе не значит, взрывообразное развитие цивилизации продолжается.

Во-первых, как раз в послеколониальную эпоху, во 2-й половине XX века цивилизация распространилась на большую часть территории Земли.

Богатые и бедные страны никуда не исчезли. За последние 30 лет разрыв между уровнем жизни Британии и Индии не сократился, он даже вырос. Если мы сравним благосостояние британца в 1900 году и в 2000 году, то оно возрастет даже заметнее, чем благосостояние индуса между 1900 и 2000 годами.

Но давайте сравним иначе: сравним уровень жизни индуса в 2000 году и уровень жизни британца в 1900 году… И что же мы увидим? Прошло сто лет, и индусы стали жить лучше, чем их завоеватели жили всего сто лет назад.

Если Британия 1900 года – цивилизованная страна, то и Индия 2000 года – тоже цивилизованная страна.



Конечно, в Индии до сих пор приносят в жертву людей, устраивают погромы, ведут религиозные войны. В Индии сохраняется кастовая система; индус с рождения кого-то «выше» или «ниже», принадлежит к общине «своих», и ему бывает очень трудно не учитывать этого. Индус легко может стать жертвой жестокости властей, и никому просто не приходит в голову, что рядовой житель страны тоже имеет какие-то человеческие права.

Но это уже вопрос того, что делают с цивилизацией те, кому цивилизация… если угодно – подарена, а если угодно – навязана.

Главное – она уже есть, в том числе в Индии, Нигерии, Марокко. На острове Гаити и в Папуа-Новой Гвинее она тоже есть, и что с ней делать – уже решать жителям этих стран. Они могут цивилизацией воспользоваться, а могут ее отрицать, выращивая причудливые идеи марксизма, маоизма, чучхе, истинно боливийского социализма, негритянского национал-социализма – убунти или индусского религиозного шовинизма партии «Джан Сангх». Развлекаться можно как угодно.

Но ведь точно так же «развлекались» и европейцы в конце XIX века, «изобретая» марксизм, национал-социализм, религиозный фундаментализм и прочую мерзость. И точно так же в «стране победившего социализма», невзирая на любые идеологические заклинания, цивилизация продолжала свое победное шествие.

Профессор Л. Б. Алаев хорошо показывает, что сама «теория разных цивилизаций» довольно сомнительна. Разные-то они разные, но идеи, родившиеся в Европе в век Просвещения, в них все равно побеждают.[10]

Золотой миллиард

В 1990-е годы начали говорить о «золотом миллиарде» – о жителях самых экономически развитых государств. Всего на Земле живет порядка 7 миллиардов человек. Один из этих миллиардов – в золотых условиях, при товарном изобилии и прочих радостях жизни. Это люди, на которых хватает денег, которые зарабатывает все население Земли.

Иногда мир разделяют на богатый Север и нищий слаборазвитый Юг.

Север и Юг

Разделение это очень условно; часть стран Юга лежит севернее некоторых стран Севера. Южная Корея – это Север. Северная Корея – это Юг.

Почти вся территория Японии лежит в субтропическом климате, но это – тоже Север. А вот Гренландия с ее ледниками – это Юг.

Север – это не страны, населенные потомками выходцев из Европы. Гватемала и Бразилия – это Юг, хотя там говорят по-испански. Сингапур – тропики, населенные монголоидными жителями Южной и Восточной Азии, но это – Север. Сингапур гораздо богаче и современнее, чем Гватемала.

Разделение на Север и Юг не очень строгое. Ирландия, Иран, Тайвань, Аргентина… Север это или Юг? Не однозначно. Многие

страны – Север по сравнению с одними и Юг – с другими.

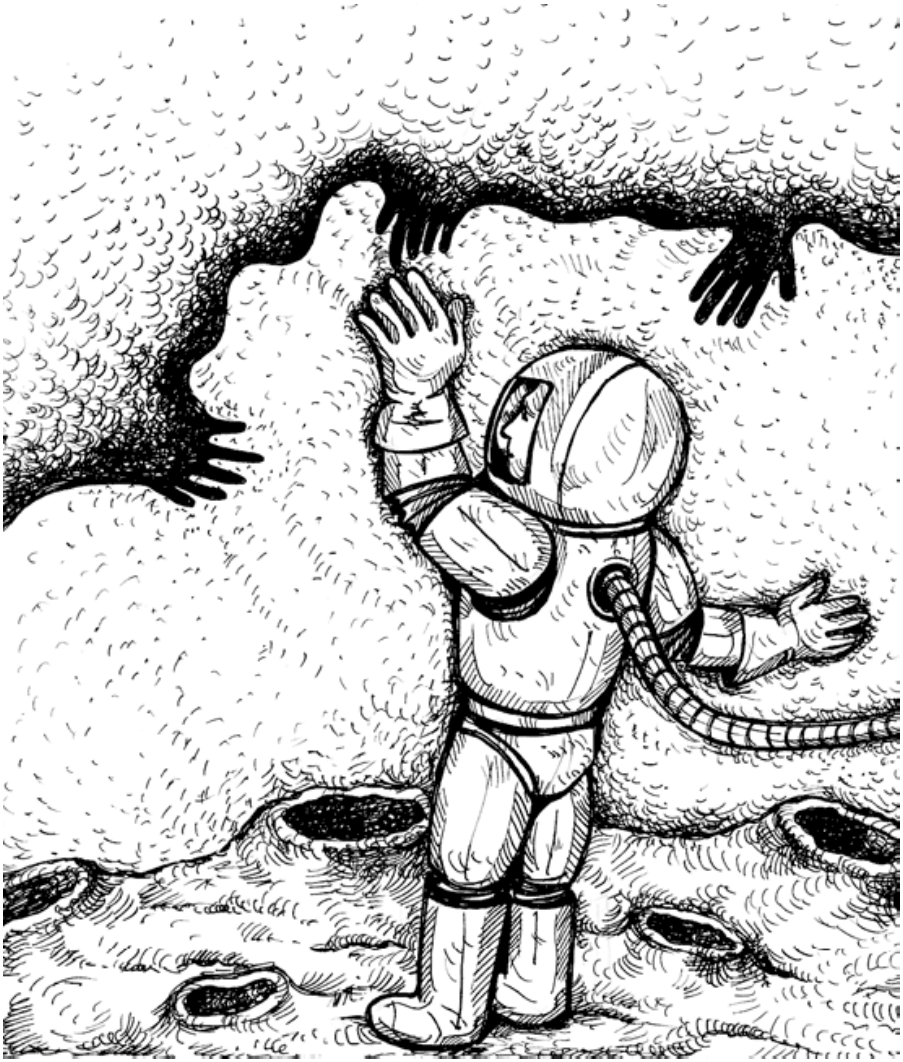
Польша – это богатый Север для Украины и Белоруссии, но это Юг по сравнению с Германией.

Про Россию часто говорят, что страна страшно обнищала, что она почти целиком – Юг. Но даже в бедные городки Средней полосы России едут работники из Киргизии и Узбекистана. Псков и Владимир – Север для Азербайджана и Таджикистана.

Конечно, множатся разнообразнейшие идеи, как преодолеть отставание большей части человечества. Сложность в том, что в середине XX века стала очевидной нелицеприятная истина: для цивилизации нужны огромные природные ресурсы. Их попросту не хватит на то, чтобы все стали такими же богатыми, как страны Севера, государства Золотого миллиарда. Причем не хватит даже не металла и нефти, не хватить может кислорода и чистой воды. Когда над территорией США ежегодно сжигается 40 % всего кислорода, который вырабатывают растения всего земного шара, возникает вопрос – а что будет, если и другие регионы Земли достигнут того же уровня экономического развития?

Конференция ООН по окружающей среде и развитию 3–14 июня 1992 года в Рио-де-Жанейро показала совершенно чудовищные противоречия между требованиями развития экономики и экологией. Итогом стала странная половинчатая концепция «устойчивого развития»: чтобы и развиваться, но каким-то загадочным образом делать это «устойчиво».

Значит ли это, что большая часть человечества никогда не станет цивилизованной? Нет, не значит. Это значит ровно то, что цивилизация на большей части земного шара невозможна именно при существующей экономической модели. Очень может быть, при другой экономической модели цивилизация возможна и на всем земном шаре.



Во-вторых, вот еще более важное явление: параллельно с распространением цивилизации на весь земной шар во 2-й половине XX века цивилизация стремительно развивалась вглубь. Та часть мира, которая уже была цивилизованной, стала еще более цивилизованной, причем взрывообразно.

Сравнивать условия жизни англичан, немцев, французов 1900 и 2000 годов – то же самое, что сравнивать условия жизни пролетария и аристократа в 1900 году. Или условий жизни европейца и индуса в 1900. Эти условия жизни углубляют противоречия между странами и народами, но и ведут к изменениям цивилизованных народов. К глубоким, качественным изменениям, даже на уровне анатомии и физиологии.

К 2000 году всякий житель цивилизованной страны оказался:

• в мире техногенной цивилизации;
• в мире капитализма;
• жителем колоссального мегаполиса;
• обитателем искусственной техногенной среды;
• участником глобальной компьютерной экономики.

Благодаря этому он живет:
• в мире неслыханных богатств;
• в мире невиданных возможностей;
• в мире массового образования;
• в мире невообразимой личной свободы.

Из-за этого он:
• изменяется анатомически, физиологически, а главным образом – психологически;
• живет в три раза дольше предков;
• становится взрослым тоже намного позже;
• вынужден поддерживать свое существование искусственными мерами и химическими веществами;
• все время становится все более искусственным существом.

Впрочем, обо всех условиях нашего существования придется поговорить отдельно.

Глава 2. Взрыв экономики

Если вы возьмете все деньги мира и разделите их поровну, то вскоре они опять окажутся в тех же самых карманах, в которых были до этого.

Джим Рон

Четыре волны богатства

Есть интересные исследования о «третьей волне богатства», обрушившейся на мир после Второй мировой войны. Первая волна связана с земледелием и скотоводством. Вторая волна – с индустрией, промышленностью. Третья волна, которую мы переживаем сегодня, создается в сфере наукоемких технологий, информации, услуг.[11]

На самом деле волн богатства можно насчитать даже четыре – до экономики обработки земли существовала экономика охоты и собирательства.

Цивилизация начала развиваться на основе земледелия и скотоводства. Страны и народы, которые создали промышленность, резко вырвались вперед.

Современная цивилизация стоит на «постиндустриальной» экономике: экономике знаний, услуг, информации.

Мы – неправдоподобно, невероятно богатые люди. Мы богаче горожан XIX века настолько же, насколько горожане индустриально развитых стран XIX века богаче крестьян тех же стран XV века или индусов «своего» XIX столетия.

Вот старый обычай – вешать подкову над дверьми дома. Почему именно подкову? Не стоит изучать форму подковы и делать далеко идущие выводы про форму скандинавских рун или иных таинственных древних значков; не стоит угадывать их тайный смысл в очертаниях подковы. Все проще: в подкове содержится около 200–250 граммов железа. Очень ценный металл, и найти его – явная удача.[12]

Производственно-хозяйственные цепочки

Первобытный человек убивал мамонта – и ел. Находил вкусный корешок – и тоже ел. Для него не важна была переработка продукции, для него важно было извлечь необходимое из природных ландшафтов.

Если приходится выменивать у соседнего племени кремень для наконечников копий или шерсть для прядения тканей – вещь проходит уже несколько рук между природным сырьем и готовой продукцией. Появляется производственно-хозяйственная цепочка.

Средневековый меч проходил производственно-хозяйственные цепочки из девяти звеньев. Одни руки выплавляли металл из руды. Вторые руки везли и продавали крицу грубого сыродутного металла. Третьи руки проковывали крицу, удаляли из нее все неметаллические примеси, проковывали – получался чугун. Четвертые руки проковывали чугун, насыщали углеродом и превращали чугун в сталь. Пятые руки выковывали сам меч. Шестые руки вырубали ветку или рог, которым предстояло стать рукоятью. Седьмые руки делали рукоять. Восьмые руки соединяли меч и рукоять. Девятые затачивали меч.

В наше время такая производственно-хозяйственная цепочка кажется чересчур простой. Шоколадные шарики «Несквик» проходят сорок преобразований и перемещений между руками негра, срывающего плод какао на плантации, и руками ребенка или мамы, насыпающих шарики в тарелку.

Автомобиль в 1930-е годы был плодом производственно-хозяйственной цепочки из 800 звеньев. Автомобиль образца 2000 года и компьютер – порядка 4000 звеньев.

Чем меньше у цепочки звеньев – тем большее место в конечной стоимости продукта занимает цена сырья. Тем выгоднее добывать сырье. Чем больше звеньев цепочки – тем меньше доля стоимости первичного сырья в стоимости конечного продукта. Тем выгоднее работать, преобразуя сырье в конечный продукт.

Обладатель каждой пары рук хочет есть и пить. Чем больше звеньев у цепочки, тем сильнее различается цена сырья и конечного продукта.

В наше время добывать сырье – не очень выгодное занятие. В начале XX века «золотая лихорадка» на Аляске обогатила множество людей – несколько килограммов золота делали человека богатым. Джек Лондон потрудился назвать конкретные цифры: сколько золота нашли его герои. В наше время это золото не сделало бы их такими уж богатыми людьми.

500 фунтов золота – вот предел того, что намывал старатель с лотком. Это было невероятно много!

200 килограммов золота в наше время стоят порядка 1 миллиона 800 тысяч долларов. Много… Но разве это такая уж фантастическая сумма? В США живет несколько сотен тысяч миллионеров, в одном Нью-Йорке их по одним данным 250 тысяч, по другим – даже 350 тысяч.

Мы живем в мире, где быть врачом выгоднее, чем найти

золотую жилу.

Какие бывают деньги?

Долгое время денег не было вообще: товар обменивали на товар.

Потом мерилом стоимости был скот. В латыни само название денег и означало: скот.

Еще мерилом стоимости стали металлы. Долгое время их оценивали по весу и обменивали вес на вес. Сказочное богатство легендарного Креза, царя Лидии, объясняется просто – на реке Пактол были золотоносные россыпи. Такие, что можно было промыть песок в обычном тазу – и найти несколько самородков. Когда жителю Лидии нужны были деньги, он просто мыл золото на Пактоле.

Монеты известны с VII века до Рождества Христова. Каждая монета стоила ровно столько, сколько стоил металл, из которого она изготовлена. Еще в сказках «Тысячи и одной ночи» описано, как на базарах говорили: «Вешай свое золото!». Ведь надписи на мягких золотых монетах легко стирались, но стоимость металла не уменьшалась.

Поэтому выгодно было «портить монету»: уменьшать содержание металла в монете, а заставлять ее принимать как полноценную. Из-за этого известно много восстаний во всех странах Древнего Мира и в Средневековье.

Конечно, металлические деньги неудобны: тяжелые, малотранспортабельные. В Средние века при международной торговле и крупных сделках приходилось применять векселя, безналичные сделки.

В Китае бумажные деньги известны с XIII или с XIV века. Они ходили и в других странах: русский путешественник И. П. Козлов находил их в мертвом городе тангутов, их столице Хара-Хото в пустыне Гоби. В Китае до XVIII–XIX веков такие деньги – обычное дело. На них даже писали: «обеспечивается всеми запасами риса и бронзы».

Европейцы отстали – до конца XVIII века у них не было бумажных денег. Деньги были только золотые и серебряные. Во время Войны за независимость США в 1772–1776 годах Джордж Вашингтон впервые в истории начал печатать бумажные деньги и платить ими зарплату своим офицерам: ведь «настоящих» денег у него не было.

С тех пор многие правительства стали вести эмиссию денег, то есть выпуск ассигнаций – бумажных денежных знаков. Правительства обязывались по первому требованию разменять

бумажные ассигнации на золотые монеты… в действительности они не всегда могли это сделать, суммы бумажных денег были больше, чем золотых. Устанавливался курс – соотношение: сколько бумажных денег дают за золотые? Скажем, в 1830-е годы в Российской империи за 100 бумажных рублей давали 30 золотых.

В эту эпоху никому и в голову не пришло бы возить бумажные деньги из страны в страну. Везли золото, разумеется. И никаких законов, устанавливающих правило ввоза и вывоза ассигнаций, тоже не было.

Государства регулировали ввоз и вывоз товаров или продуктов, контрабанда была увлекательным и не очень опасным, но доходным занятием части жителей побережий. Киплинг написал весьма романтические стихи по этому поводу:

Если вдруг услышишь стук копыт в ночи —
Спи спокойно, крошка, а не спишь – молчи.
Не гляди в окошко, отвернись к стене —
Есть дела у джентльменов ночью при луне.

Пони друг за дружкой,
У седла – вьючок,
Пастору баклажка,
Служке – табачок,
Весточка шпионам,
Ленточки для дам —
Это скачут джентльмены по своим делам.[13]

Но бумажные деньги из страны в страну не ввозили. Вывезли товар, заработали иностранные деньги – и сдали в банк. А в банке получили свои денежки, национальные.

С Великого Кризиса 1930-х годов бумажные деньги в банках на золото не меняют. В 1933 году золотой стандарт отменили в Британии. Курс денег в 22 странах стал определяться в зависимости от фунта стерлингов, а по отношению к доллару и другим валютам устанавливался в зависимости от курса фунта стерлингов по отношению к этой валюте.

Даже такие сильные страны, как Германия, Швеция, Дания, Финляндия, Япония, входили в стерлинговый блок.

В 1936 году отменили обмен денег на золото в США. Канада и государства Латинской Америки привязали свои деньги к доллару, свои валютные накопления держали в банках США и через эти банки вели все международные расчеты.

Дольше всех продержались европейцы – Франция, Италия,

Польша, Бельгия, Швейцария, Голландия меняли свои деньги на золото до 1936 года. Потом золотой блок распался, все входящие в него страны ввели валютные ограничения.

Еще в 1960-е годы вы не могли свободно ввезти из Германии во Францию любое количество национальной валюты – марок. Какую-то сумму вам обменяют на границе – но и только. Немец не мог приехать во Францию с марками, взять и купить во Франции завод или земельные угодья – на марки или обменяв их на франки. На марки – купить запрещено, а обмен марок на франки ограничивали жестко.

То есть международный капитал существовал – но существовали и строгие, в целом выполнявшиеся законы, которые регулировали: какие суммы, откуда и куда можно ввозить и вывозить.

Сразу после Второй мировой войны в Германии доллар ходил почти свободно, в остальной Европе тоже охотно брали доллары – но это было временное явление, пока в Европе царила послевоенная разруха. Стоило ФРГ окрепнуть – и установились твердые правила, как можно менять марки на доллары. А как – нельзя.

Довольно свободно передвигались капиталы в рамках стран Британского содружества. У героев английских писателей – и Джона Голсуорси, и Агаты Кристи – не было проблем ввезти деньги из Британии в Австралию или вывезти. Но это ведь движение капиталов в пределах одной империи! А из других стран, не входивших в Британскую империю, а потом в Британское содружество, можно было ввозить не все и не всегда.

Герой Д. Дюморье в 1950-е годы не всегда может вывезти франки из Британии и купить фунты; для этого надо покрутиться.[14] Так же точно и тетушка главного героя Грэма Грина вывозит валюту, как и любую другую контрабанду.[15]

Современный британец уже с трудом поймет, о чем там толкуют эти устаревшие писатели. Потому что валютные ограничения действовали только до конца 1970-х годов. Тогда появилось понятие «свободно конвертируемая валюта» – СКВ. То есть деньги, которые можно свободно вывозить откуда угодно, ввозить куда угодно и в любом количестве.

Далеко не всякая национальная валюта стала СКВ! Таких валют изначально было всего семь: доллар США, марка ФРГ, французский франк, английский фунт стерлингов, швейцарский франк, лира Италии, иена Японии. Все!

Национальные валюты хоть как-то, но контролировало государство. Свободно конвертируемая валюта свободно перемещалась через границы, делала бессмысленными попытки

регулирования экономики на уровне национальных государств.

Появление ТАКИХ денег невероятно глобализировало всю экономику – ведь теперь финансовый капитал жил сам по себе, отдельно от промышленного.

Колониализм умер… Да здравствует колониализм!

Возьмите карту Африки 1940-х или 1950-х годов. Вся она была разделена между колониальными империями Британии, Франции, Бельгии. Только четыре страны – независимые: Южно-Африканский Союз, Египет, Эфиопия, Либерия.

Потом эти империи европейских государств исчезли. В одном 1960-м году. В смысле – исчезли территориальные империи. Но тут же начали формироваться империи другого типа: финансовые.

Деньги новых государств вовсе не были свободно конвертируемыми валютами. Все они были привязаны к валюте страны – бывшего хозяина колониальной империи.

Самыми важными валютными зонами стали стерлинговая зона, зона франка, зона доллара. Зоны испанского эскудо, итальянской лиры, португальской песеты, голландского гульдена никогда не имели того же значения.

В 1969 году в стерлинговую зону входили 4 страны Европы, 16 стран Азии, 7 стран Америки, 13 стран Африки, 4 страны Австралии и Океании.

Зона франка поскромнее – 19 стран Африки, 3 страны в Америке, 3 – в Океании.

Зона доллара – самая большая. Почти вся Латинская Америка, Египет Ирак, Израиль, Бирма, Судан.

Политически это все страны независимые. Они могут развивать свою экономику так, как захотят. Но их деньги – под контролем других валют.

В 1958 году французы начали делать свою валюту «обратимой» – то есть снимать все ограничения на операции с франками, вывоз и ввоз франков, покупку франков иностранцами и так далее. За французами потянулись британцы.

Тогда получилось не очень хорошо. В 1968 году грянул валютный кризис… Он ничего принципиально не изменил, только опять усилился доллар, а франк и фунт стерлингов пришлось девальвировать. У стран стерлинговой зоны было много проблем.

После 1991 года доллар сделался еще сильнее – потому что в его зону фактически вошли и все страны бывшего Советского Союза, и вся Восточная Европа – бывшие народные республики,

изменившие политический строй в 1989 году.

С этого времени страны Прибалтики стали Севером (хотя и в разной степени), большая часть новых независимых государств – Югом, а по России прошла разделительная грань… Москва и Петербург попали в Север, большая часть страны – в Юг. Причем разные части – в разной степени.

Американцы очень нервно отнеслись в введению евро в 2003 году – именно потому, что эта новая валюта хотя бы теоретически может стать конкурентом доллару и потеснить его зону.

Это стало одной из причин событий в Югославии. США вели эту войну не только из желания «бороться с тоталитаризмом» или противостоять России, не только из неприязни к славянам. Возможно, эти причины тоже были… Но главное – американцы рассчитывали на совсем другой масштаб бегства югославов из страны. Европа, в которой до миллиона человек стали беженцами, «перемещенными лицами», уже не смогла бы так быстро и легко объединяться, вводить общие деньги, а новая валюта не стала бы такой сильной.

Расчеты США не оправдались – массового бегства не возникло, расходы и проблемы Европы не стали неприемлемыми, евро ввели.

Но все это – разборки внутри стран Севера между собой, за право быть самыми «крутыми» и сильными. Для всего остального человечества очень мало что изменилось.

Так же в XVIII веке очень мало что менялось для индусов оттого, бьют ли на море голландские корабли англичан или наоборот.

И евро, и доллар, все СКВ, – это валюты всего нескольких государств, к которым привязаны деньги всего остального человечества. С помощью финансовых рычагов можно платить по-разному за одну и тут же работу – недоплачивать большей части человечества.

Экономика компьютера

В России до сих пор живо народное поверье, что самые высокооплачиваемые специалисты – это экономисты и юристы. Ничего подобного! Самые высокооплачиваемые специалисты в нашем мире – это программисты. Они – обладатели очень высокой квалификации, их труд создает новую стоимость на самых верхних звеньях производственно-хозяйственной цепочки.

У компьютера есть и еще одно преимущество: не очень важно, где именно он стоит. Создавать программный продукт может специалист, живущий в любом месте, даже в тысячах километров

от другого ближайшего компьютера.

Известен случай, когда около полутора миллионов долларов заработал парень из глухой деревни в Рязанской области. В этой деревне электричества не было, не то что компьютера! У парня не было своей машины.

Он заработал немного денег на скотном дворе у фермера и стал ходить в районный центр, где было интернет-кафе. Он писал программы и связывался с заказчиками по электронной почте через сеть «Интернет». Счета, на которые ему перегоняли деньги, тоже были электронные. Спустя примерно год парень перебрался в городишко, где было электричество, купил квартиру и компьютер. Ему предлагали переехать в Москву, в США…

– Зачем? Я не люблю шума, больших городов, не хочу жить за границей.

Парень и сегодня живет в маленьком городишке – лишь бы было электричество; он пишет программы и зарабатывает деньги. Большие деньги. В отличие от героев Джека Лондона, он не копает землю, не промывает грунт в ледяной воде, не охотится на лосей, не отстреливается от индейцев, не плывет в каноэ и не ездит на собачьих упряжках. Он сидит у себя в кабинете и работает за письменным столом. Никакой «романтики», а деньги те же, что и от 500 фунтов золота.

Тот, кто владеет компьютером, получает очень большое преимущество во всех областях жизни. Многие специальности в области строительства, дизайна, издательского дела, науки, преподавания стали невозможны или затруднены без компьютера. Специалист, который пользуется компьютером, всегда значительнее и занимает более высокое положение, чем не умеющий. Специалист с Юга очень часто отличается от специалиста с Севера именно этим – он не владеет компьютером. Овладеет – и станет «не хуже».

В мире изготовлено порядка миллиарда этих умных машин, и число «компов» все растет. Пользователей сети «Интернет» сегодня порядка 500 миллионов человек, из них больше миллиона – в России.

Можно сказать, что Север – это и есть компьютерный мир. Если житель Юга овладевает компом и начинает принадлежать к компьютерному миру, он сразу становится частью культуры и экономики Севера. В России и во всем мире живет немало людей, которые территориально обитают на Юге – но выполняют работу

жителя Севера и получают доход тоже жителя Севера. Компьютер – ключ к образу жизни, уровню доходов Севера. А воспользоваться этим «ключом» можно, даже живя в самых глухих уголках Юга.

Цена образования

Чтобы зарабатывать такие или даже бóльшие деньги, необходимо занять положение в самых высоких звеньях цепочки. С каждой операцией, с каждым звеном цепочки стоимость продукта увеличивается. Квалифицированный труд стоит в десятки и сотни раз больше неквалифицированного.

Даже в США продавцы в магазинах или разнорабочие живут вовсе не так уж роскошно. То есть на еду хватает, одеждой и жильем они обеспечены куда получше индусов – но для своего общества они обеспечены мало. Многие потребительские блага практически закрыты для них. Не они вселяются в двухэтажные особняки, не они ездят отдыхать на Гавайские острова. В случае серьезной болезни они рискуют не оплатить счетов страховой компании.

А главное – они занимают в этом обществе очень низкое положение, и у них мало возможностей его изменить.

Образование в США платное – но банки охотно дают ссуды будущим студентам для учения. Специалист вернет затраченное с лихвой – он будет иметь доход в несколько раз больший, чем разнорабочий, продавец в магазине готового платья или работник на автозаправке.

Капитализм, который навсегда

Для того, чтобы работала компьютерная экономика знаний, услуг и информации, пришлось лишить капитализм всяких ограничений.

В Англии XVII века было представление – сколачивая состояние, надо остановиться на сумме в 50 тысяч фунтов стерлингов. Почему?! Потому, что потом можно перестать «делать деньги» и жить помещиком, лендлордом.

А большая часть человечества в том же XVII веке жила вообще вне всякого капитализма.

В наше время никто не может остановиться без риска потерять сразу – и все. Американский миллиардер Поль Гетти любил рассказывать о том, что в его корпорации он работает больше всех: часов по 14–15. Так и есть – владельцы капитала, главы фирм – те, кого называют «хозяевами жизни», – работают больше и отчаяннее всех.

Не рассчитывайте, что можно накопить капитал, а потом отдыхать и развлекаться. Этот номер у вас не пройдет!

Сегодня капитализм проникает везде. Когда-то существовали области жизни, в которых был капитализм, и области жизни, в которых капитализма в помине не было. Например, семья. То есть всегда были дамы, выбор которых определяла толщина кошелька их избранника. Но еще сто лет было совершенно немыслимо, чтобы жена отреклась от разорившегося мужа. Такую сразу осудило бы все общество.

В наше время в учебниках для начинающих предпринимателей пишется вполне откровенно: неудачные проекты неизменно вызывают волну разорений и разводов.[16]

Тут правила игры показаны совершенно непринужденно: теряешь деньги? Вместе с ними теряешь и семью. А что? Все нормально. Это когда-то давно, в древние, седые времена, одни женщины жили в нормальных человеческих домах, а совсем другие – в публичных. Времена меняются, нравы становятся все прогрессивнее и прогрессивнее.

Некоторые виды бизнеса прямо превращают в деньги все дружеские, семейные, соседские, родственные связи. Скажем, сетевой бизнес: построение сети начинается с того, что новичок составляет список всех, кого он знает. Родственники, друзья, коллеги, вахтер школы, в которой учился… Друг приятеля, с которым виделся пятнадцать лет назад… Вроде все…

– Стоп! А ты вроде в гостях был у своей учительницы? У нее же племянница была?

– Ну да, была… Телефон давала.

– Ну вот! И ее в список.

Составляет новичок список и обзванивает всех, встречается со всеми включенными в него – и с одной целью: вовлечь этих людей в сеть, сделать бизнес на всех своих знакомствах.

Да и в «классическом» бизнесе… Ты учился вместе с банкиром?! (Его сыном, племянником, другом, сыном друга?!) Деловые люди таких возможностей не упускают.

Вам случилось совершенно случайно оказать услугу главе строительной фирмы (его сыну, свату, невестке, другу, соседу)… Деловые люди знают, что такие возможности не повторяются.

Настоящий бизнесмен даже во сне делает бизнес и во время интимного свидания четко просчитывает, сколько вкладывает и получает.

Законы капитализма определяют жизнь общества

Все, что не приносит прибыли, не развивается. Как бы это ни

было нужно и полезно!

Нужны детские садики, нужна медицинская помощь старикам, нужна профилактика для самолетов. Ну да… все это действительно нужно… Но денег нет, а значит – ничего этого не будет. Не пойдут дети в детские садики, подохнут без лечения старые хрычи и хрычовки, будут биться самолеты, на полпути врезаясь в землю.

Доходов транснациональных корпораций за один год достаточно, чтобы навсегда покончить с голодом на всей Земле. Если взять доходы за два года – навсегда исчезнут болезни и невежество.

Надеюсь, вы понимаете, что они никогда не исчезнут? А если и исчезнут – корпорации здесь ни при чем?

Но развивается все, что только приносит доход. Торговать водкой – непочтенно. Быть торговцем наркотиками – это нехорошо. Проституция – стыдно, неприлично.

Но в любой стране торгуют водкой и наркотиками, занимаются проституцией и организуют публичные дома. Почему? Выгодно. Приносит доход. Лично вы не будете в этом участвовать. Ну и пожалуйста, капитализм никого не принуждает. Но всегда находятся те, кто участвовать – б уду т.

По телевизору идут пошлейшие программы? Американские мультфильмы пропагандируют насилие и злобу? Родители в ужасе от «Тома и Джерри» – от зрелища мышей, которые прибивают кота к полу гвоздями и при этом хохочут? Но эти мультфильмы шли, идут и будут идти – потому, что в них вложены деньги, и потому, что какой-то процент людей хочет именно таких мультиков.

Издавать научно-популярные книги невыгодно. А боевики с голыми задницами и лужами крови на обложке – вполне даже выгодно. Не верите? Тогда сходите в ближайший книжный магазин и посмотрите, что продается и в каких количествах.

Психологические последствия торжества капитализма

Когда-то, в невообразимо древние времена, всего 30 или 40 лет назад, человек мог быть беден и при том считать себя успешным человеком, а свою жизнь – состоявшейся. И все окружающие тоже считали его успешным и состоявшимся.

Можно было жить там, где нет никакого капитализма и в помине, – например, в академической науке. Теперь не так. Неважно, что ты делаешь и как. Не имеет значения, какой ты человек и каким путем пришел к богатству. Главное – ты получил вожделенные, драгоценные, обожаемые, самые-самые главные в

мире, не имеющие сравнения решительно ни с чем, в сто раз более важные, чем что бы то ни было иное… Как?! Вы не поняли, о чем речь?! О деньгах, разумеется.

Посеяли вы пять сольдо на Поле Чудес или стояли с кистенем на большой дороге, выиграли миллион по трамвайному билету или торговали наркотиками – не важно. Главное, вы сели за руль своего «ландкрузера», сунули во внутренний карман толстую пачку грязных серо-зеленых бумажек… Да! Не забыть револьвер! А то вдруг какая-то сволочь посмеет нарушить покой богатенького и почтенненького человека.

И смело ставьте свой «ландкрузер» возле остальных, где ставят их люди вашего теперешнего круга.

Вы закопали пять сольдо, а они вдруг не проросли? Ха-ха! Зато кот Базилио и лиса Алиса вырастили свое Дерево Чудес – на таких вот, как вы, дураках.

Вы побрезговали стоять с кистенем или торговать наркотой? Ну и дурак! Вот кто не побрезговал – те и подруливают туда, где тусуются «хозяева жизни».

Если у вас нет денег – грош цена всем вашим качествам. И уму, и таланту, и высокому образу мыслей.

Грош цена – в самом буквальном смысле слова.

Кстати, жены эмигрантов из России не так уж часто блюдут супружескую верность. Логично! Ведь они и ехали в Америку или в Германию для того, чтобы разбогатеть. Муж многократно всячески обсуждал, как это важно: добиться успеха. Ехали за успехом, понимаемым просто – как деньги. А тут приехали, и оказалось – он-то и не получает того, на что рассчитывали оба.

Так почему бы дамам не торгануть их собственным капитальцем? Тем паче, сделать это можно вполне прилично. Никакой «панели», как вы могли подумать! Дамы выходят замуж за людей побогаче – и только.

С точки зрения капитализма, они делают правильный выбор.

Многие не гнушаются никакими, даже самыми бесчестными способами, чтобы разбогатеть. А почему бы и нет? При виде богатых все готовы на любые услуги. Все преисполнены благости в присутствии богатых. Почему бы людям и не стараться как можно быстрее достигнуть этого блаженного состояния?

А кого еще уважают в нашем обществе? Ученость? Святость? Трудолюбие? Честность? Только в одном случае – если они умеют превратить свои таланты в доллары.

Так писал о своем обществе один американский публицист – еще в 1960-е годы. Вам не нравится? Но теперь и мы так живем. Скажите спасибо тем, кто завывал на площадях в конце 1980-х годов, требовал жить, «как во всех цивилизованных странах».

Скажите спасибо или зашибите их кирпичом, – как больше хочется, но в любом случае помните: возврата не будет.

Оголтелая погоня за коммерческим успехом ведет к неврозам и психозам, люди разрушают свое здоровье в судорожной погоне за призраком золотого тельца. Тот, кто не успеет, – зачислит себя в неудачники и тоже наживет новые неврозы и психозы. В Мекке наших «демократов» разлива конца 1980-х, в Америке, на психотропные средства тратят больше денег, чем на сердечные. Статистики по России нет. Случайно ли?

Преимущества капитализма

Но капитализм имеет и свои преимущества! Есть прелести капитализма – то, чем он прельщает людей.

Главная прелесть капитализма: свобода!

Если вы сделали деловую карьеру, вы не свободны от множества вещей: от деловых партнеров, конъюнктуры рынка, заказчиков и банков. Все так! Но вместе с тем вы становитесь свободны от болезней, голода, случайностей, превратностей судьбы.

Недавно пожилой учительнице Дмитрия Хворостовского сделали операцию – стоила она 18 000 долларов. Если бы ученик этой пожилой дамы был победнее – ей пришлось бы умереть уже несколько лет назад. Она жива – потому что ее ученик сделал фантастическую карьеру.

Но самое главное: вы становитесь свободны от общества и государства! Сегодня даже трудно представить себе, от какой чудовищной несвободы избавил капитализм наших предков. Разбогатев, вчерашний крепостной навсегда избавлялся сам и избавлял своих близких от порки на конюшне, ломания шапки, от страшного положения «дворового человека», насильственной выдачи замуж или сдачи в рекруты.

Так было не только в России! С каким достоинством беседует с «милордом» владелец железоделательного предприятия с промышленного севера Англии – самостоятельный, прагматичный, уверенный в себе!

Сын этого буржуя намеревается жениться на одной из служанок «миледи», и он пришел в дом дворянина, как равный к равному. Детски обидчивый, капризный «милорд» может думать все, что угодно, – но буржуй от него не зависит! «Буржуй» считает, что его сыну нужна образованная жена, – и ему плевать, что школу для девочек, организованную миледи, милорд считает вполне достаточной. Он считает иначе – и баста. И будет так, как решил он, а не милорд.[17]

Конечно, максимальную свободу давал именно либеральный, ныне покойный капитализм. Тогда, в XIX веке, человек любого

происхождения, действительно мог стать невероятно свободным от условностей, от давления общества.

И была такая поговорка: «Хозяин – барин».

Не одно золото ищут на севере герои Джека Лондона! Дико невежественные, примитивные, они тем не менее могут обогатиться и тем самым утвердить свое право жить так, как им хочется. И плевать они хотели на тех, кому это не нравится. Как старик из рассказа Джека Лондона: семья потеряла все свое состояние, а старик вернулся с Клондайка с деньгами – и все откупил обратно.[18]

Принято высмеивать купчиков из пьес Островского, считать их эдакими нелепыми самодурами. Но ведь и эти купцы пусть уродливо – но утверждают свою личность! Вот хотят жить именно так – куролесить, бить зеркала и полицейских – и могут себе позволить!

Так и сегодня обеспеченный буржуй может жить где он хочет, делать что ему нравится и быть свободным от всего, что ждут и что хотят от них другие.

Вторая прелесть капитализма: это товарное изобилие. Можно сколько угодно ругать капитализм, а все же приятнее, когда всё необходимое для жизни,

ну, почти всё,

можно пойти и купить. Читатели постарше могут помнить еще советскую власть. Тогда жить было нетрудно, но вот «пойти и купить» можно было не всегда и не все. Тот, кто помнит внезапно вспыхивающий дефицит на мыло, электролампочки, мужские трусы, наволочки, сахар или чай, особенно трепетно относятся к этой прелести капитализма.

Напомню еще – все 1970–1980-е годы, добрые двадцать лет, страшным дефицитом были хорошее женское белье, обувь, косметика. И книги. Эти виды дефицита не «вспыхивали», а никогда не исчезали. Совсем.

Крик:

– Девки, колготки «выбросили!»

И учреждение пустеет: все помчались добывать «дефицит».

Помню, как в 1982 году спускался по обледеневшим ступенькам, прижимая к груди купленные колготки: для всех! Для мамы… Для жены… Для подруги… Для жены друга…

Тем, кто громче всех ругает капитализм, было бы полезно эдак на месяц вернуться в Советский Союз.

Третья прелесть капитализма: это технический прогресс.

Его тоже полагается ругать, но ведь именно техническому прогрессу мы обязаны строительством множества

комфортабельных домов, изобилием еды из разных регионов мира, как и изобилием лекарств.

Тем, кто особенно рьяно ругает технический прогресс, было бы особенно полезно с месяц пожить в курной избе, добывая пропитание путем вскапывания и прополки огорода (не шести соток, а эдак с полгектара). И приготовляя пищу на плите, которая топится дровами.

Человек в мире капитализма

Вечная погоня за рублем (долларом, евро… нужно вставить) иссушает душу человека, порождает неврозы. Капитализм делает неудачниками тех, кто не может или не умеет превратить в капитал свои таланты.

Но еще он заставляет человека быть ответственным и самостоятельным. Он никого и ни к чему не принуждает. То есть правила игры существуют, и если хочешь успеха, ты будешь следовать этим правилам. Хочешь изменить правила? И это можно, если ты обладаешь достаточной силой. Но если и не обладаешь – пожалуйста, решай сам – играть по этим правилам или не играть, никто тебя не неволит.

В СССР и общество, и государство просто требовали: получай образование! Лечись! Учись! Заводи семью! Голосуй за нерушимый блок коммунистов и беспартийных!

Теперь никто и ничего не заставляет.

Не получил образования? И не надо.

Не вырвал зуб? И пожалуйста, ходи с гнилым. За то, чтобы вырвали, придется еще и заплатить.

Не хочешь зарабатывать денег? И на здоровье, без тебя найдутся желающие.

Не хочешь иметь семьи? Твое личное дело.

При капитализме волей-неволей всю ответственность за свою жизнь приходится брать на себя.

Человек любит толковать о свободе, но еще важнее для него переложить ответственность за себя – на другого. Не очень важно, на кого: на отца, родителей и дедов, наследственность, правительство, аристократию, богачей, начальство, евреев, капиталистов или коммунистов. Если кто-то держит и не пускает – он и отвечает за твою жизнь. Он-то и есть главный супостат.

Исчезновение советской власти стало исчезновением супостата для очень многих и многих, вовсе не только диссидентов. Вечные младшие научные сотрудники или горе-литераторы в СССР легко объявляли себя непризнанными гениями, которых не пускают в творческое поднебесье КГБ и ЦК

КПСС. Теперь супостат исчез, а гениальных теорий и великих литературных произведений как не было – так и нет.

Точно так же лихие ложные беженцы в Европе обожают рассказывать, как их в России обидели злые антисемиты: не хотели печатать их гениальные произведения! Теперь, уже в Европе, они спиваются и грустят: не на кого свалить свое убожество.

Это не чисто российская проблема! Вспомните, как рьяно ругал правительство запойный отец Гекльберри Финна.[19] А в современных США пришлось вводить термин «виктимизация» – от латинского «виктимис» – жертва.

– Ну чего вы хотите от человека, предков которого привезли в Америку в цепях! – заявляет наркоман или преступник.

Хорошо, что в России пока не додумались: пью водку, колюсь героином потому, что моих предков пороли на конюшне. Ну ничего, еще дойдем, догоним Америку.

Глава 3. В мире сверхгородов

Где хорошо – там и родина.

Римская поговорка

Агломерация и мегалополисы

Слово «агломерация» пришло из геологии. Означает оно слияние, слипание кусков однородной породы. Слипание городов.

Город растет, включает в себя другие населенные пункты. В XVII веке городок Гринвич лежал довольно далеко от Лондона, ехать надо было несколько часов (на лошадях). Сегодня Гринвич – один из районов Лондона.

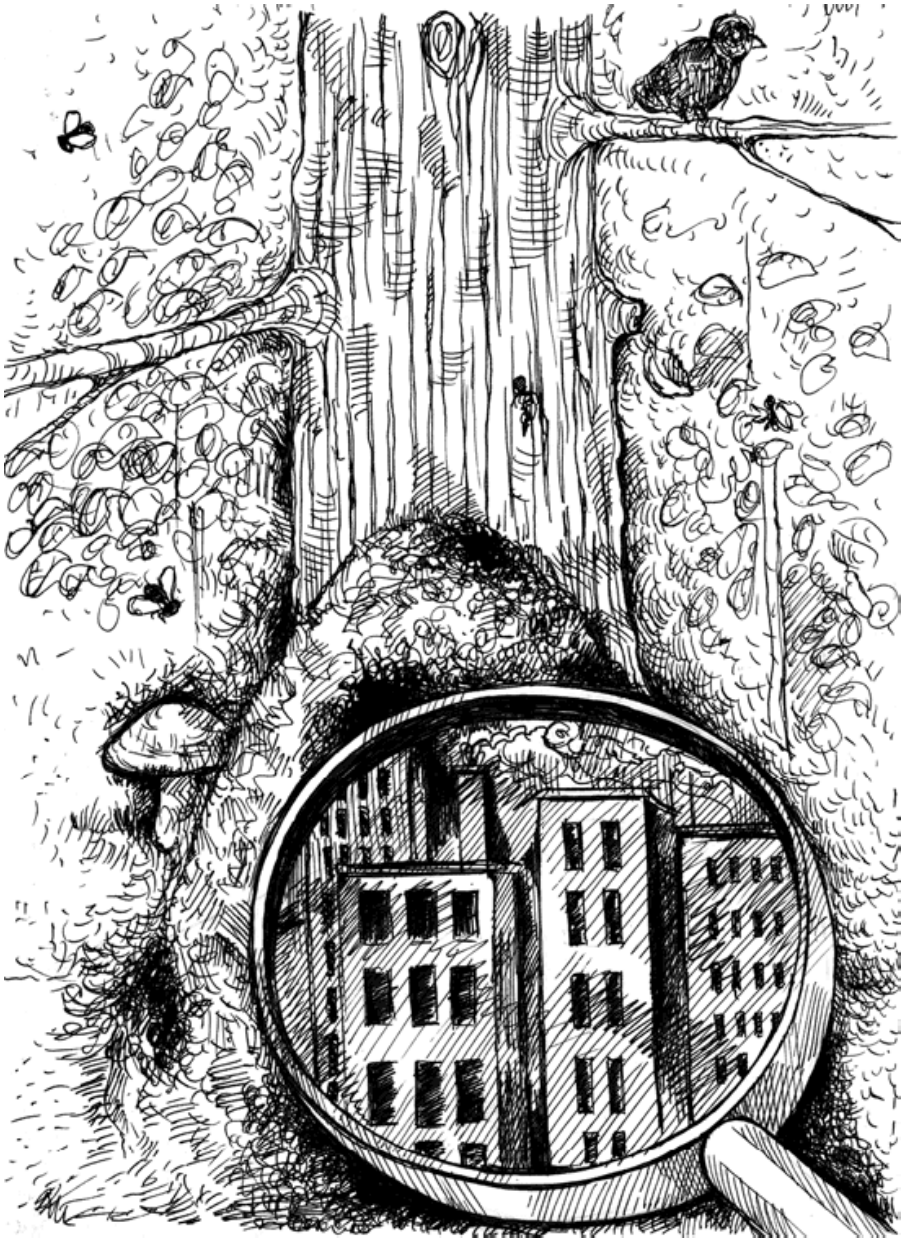
Версаль построили в начале XVII века, как особый королевский город, путь из Парижа в Версаль занимал целый день. Сегодня Версаль – почти что пригород Парижа.

В XIV веке Серпухов был не менее важным городом, чем Москва. Сегодня он – один из 170 населенных пунктов, входящих в Московскую агломерацию. 170 – это сохранившихся. В 1939 году московские археологи вели раскопки курганов «у села Черемушки, среди довольно густого леса, там, где сейчас находится Юго-Западный район столицы».[20]

История агломераций уходит в глубь веков: ими были Рим и Афины, Александрия и многие города средневекового Китая.

В XVII веке агломерациями стали Лондон, Париж и Амстердам. Это были маленькие агломерации, с населением «всего» в 700–800 тысяч человек. К началу XX века население Большого Лондона и Большого Парижа достигло 8 миллионов человек.

Еще в начале XX века многим казалось странным, даже болезненным невероятное скопление домов, улиц и площадей, которое тянется на десятки километров. Джек Лондон рассказывает историю про двух детей, брата и сестру, которые решили выйти из города Лондона, в поле и в лес. Весь день шли они и никуда не пришли, – город был слишком громаден. Благотворители устраивают для детей однодневные выезды за город, «дети хотя бы узнают, что представляет из себя лес и поле, и таким образом то, что они читали в книжках, приобретает для них новый смысл».[21]



К середине XX века такие же агломерации возникли почти во всех странах мира. Мехико, Монтевидео, Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айрес в Латинской Америке, Бомбей, Шанхай, Сингапур и Джакарта в Азии, Каир в Африке – все эти типичные агломерации – громадные города, состоящие из слепившихся вместе самостоятельных прежде городов.

Население этих агломераций Третьего мира еще больше, чем европейских, а жизнь в них куда более сурова. Из Бразилии

пришло слово «бидонвилль» – район, дома в котором построены из старых бидонов (откуда и название), листов картона, обрезков досок, битых, выброшенных строителями кирпичей и так далее. К началу 1960-х годов из 8 миллионов населения столицы Венесуэлы, Каракаса, 5 миллионов жили в бидонвиллях. Из 11 миллионов населения Большого Рио-да-Жанейро – 7 миллионов. Из 8 миллионов жителей Большого Бомбея – 6 миллионов.

И все равно агломерации росли – даже в бидонвиллях жить было лучше, сытее и интереснее, чем в бесчисленных деревушках и городках. Некоторые из этих тропических деревушек очень красивы – но даже в лучшие времена часть людей жила в них впроголодь. А если наступала засуха, неурожай, они «забивают двери и окна своих лачуг и идут длинными спотыкающимися когортами, куда глаза глядят… мучимые всеми страданиями, еле держась на ногах, изнуряемые поносом и крича от ужасов… они продвигаются вперед, задыхаясь, хрипя. Пятилетние дети возвращаются к ползанию на четвереньках. Они продвигаются, уже превратившись в скелеты, теряя зубы и волосы, с почерневшей кожей, присохшей к костям… Продвигаются, отмечая крестами скелетов путь… к побережью».[22]

К 1970-м годам 40 % населения США жило в 16 громадных агломерациях. 60 % населения Британии – в трех агломерациях, 40 % населения Франции в двух агломерациях, 45 % населения Уругвая в одной агломерации, 40 % населения Аргентины – тоже в одной агломерации, 40 % населения Греции – в одной агломерации. Примеры можно приводить до бесконечности.

Но агломерации продолжали расти! Как раньше сливались города, теперь сливались агломерации, границы между ними размывались.

Вдоль атлантического побережья США возник район сплошной застройки, который тянется на 1000 километров и достигает до 200 километров в ширину; это объединились агломерации Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии, Балтимора, Вашингтона. Здесь живет больше 40 млн. человек – каждый седьмой американец.

Для таких сверхгородов пришлось найти еще один термин: мегалополис. Само слово состоит из двух греческих корней: «мегалос» – большой, и «полис» – город. Иногда его упрощают: «мегаполис».

В США возник еще один мегаполис: Южнокалифорнийский, с населением в 15 млн. человек. В Японии – Токийско-Осакский (55 млн. человек). В Германии – Рейнско-Рурский (12 млн. человек), в Британии – Лондонско-Ливерпульский (30 млн. человек).

Мегалополисы возникают и в слаборазвитых странах – в Бразилии между Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, протяженностью почти в 500 километров и с населением в 35 миллионов человек. В нем живет каждый пятый бразилец. Буэнос-Айрес и Мехико разрослись так, что их уже и агломерациями не назовешь.

В России к началу XX века агломерациями были Москва и Петербург. При советской власти рост городов старались сдерживать – но агломерациями стали Киев, Казань, Новосибирск, Пермь, Екатеринбург—Свердловск, Омск, Ростов-на-Дону, Воронеж, Ташкент, Самарканд, Алма-Ата.

Уже начал формироваться Московско-Петербургский мегалополис – вдоль железной дороги. Протяженность этого мегалополиса составит порядка 600 километров, население – до 50 миллионов человек.

Сейчас в этом районе живет до 30–35 миллионов человек, и никуда уезжать они не собираются.

До 80 % населения России концентрируются в трех регионах: Московско-Петербургский мегалополис, Кубань-Ставрополье, от Терека до Ростова-на-Дону, хлебородный теплый юг (здесь население распределено более равномерно).

Третья область концентрации – окрестности Транссибирской магистрали, Урал-Сибирь. Здесь от Перми до Иркутска живет до 30 миллионов человек. 25 миллионов из 30 миллионов жителей Сибири обитают в пределах 200 километров к северу или югу от Транссибирской магистрали.

Преимущества мегалополисов

В каждом крупном городе концентрируется капитал: та самая финансовая власть.

В агломерациях и мегаполисах очень разнообразное хозяйство (говоря научным языком – гетерогенная инфраструктура).

В них всегда требуются более разнообразные работники. В Нью-Йорке работают люди больше чем 3 тысяч специальностей. В столице штата Алабама Монтгомери с его 250 тысячами населения – не более 500. А в каком-нибудь Серебряном Ручье, где живет 3 тысячи человек, специальностей может быть 20–30. Чуть что посложнее – зуб вырвать, – и уже надо ехать в другое место.

Основные учебные заведения тоже лежат в агломерациях. Прошло время, когда университеты старались располагать подальше от шума городского. То есть университеты никуда не переместились – но разрослись города, трассы связали учебные

заведения и остальной мегалополис.

Все это приводит к тому, что в агломерациях легче, удобнее вести экономическую деятельность. И выгоднее. Чем крупнее населенный пункт – тем больше денег дает одна и та же работа.

За одну и ту же работу в Нью-Йорке и в глубине штата Пенсильвания или Виргиния вы получите разную плату. Минимальная плата за работу в США – 5 долларов в час, меньше платить не разрешает закон. Но фактическая почасовая плата в Нью-Йорке – 15,5 доллара, а вот жители штата Айова в среднем заработали в 2000 году 7 долларов в час. Индусам бы да такие денежки! Но для США это мало.

И во всех остальных странах такая же разница. В Европе она еще не очень велика – невелика Европа, один город сменяет другой. А вот в Китае, в Латинской Америке или в России разница очень заметная.

В Китае есть города (Шанхай, Пекин, Харбин), где уровень жизни приближается к уровню жизни Европы. А есть удаленные от городов и трасс деревни, где и деньги не очень нужны. На них все равно нечего будет купить, ведь в эти нищие деревни все равно ничего не завозится.

В бразильском Сан-Паулу официант зарабатывает больше, чем рабочий с квалификацией в городке Арагуана в мастерской шиномонтажа. Ведь Сан-Паулу – промышленный гигант, центр мегаполиса с населением около 11 млн. человек, а в Арагуане проживает чуть более трех тысяч.

Общая закономерность: чем больше город, тем больше там платят за одну и ту же работу. Особенно хорошо платят в самых больших агломерациях и мегалополисах.

Рядовому человеку удобнее жить в мегалополисе. Всего много, все разнообразное, какую-нибудь работу да найдем. Ведь даже и в бидонвиллях порой недоедают, нуждаются в более разнообразном питании – но от голода почти никогда не умирают.

К тому же тут больше шансов. Даже с хорошей работой и зарплатой в маленьком городке вот тебе потолок – и все, и выше не прыгнешь. В агломерации всегда есть хоть маленький, но шанс.

В Аппалачах, буквально в 100–200 километрах от Нью-Йорка, есть районы, где основное население состоит из безработных и пенсионеров. Встречаются и молодые здоровые жлобы – но работать они не хотят, сидят на пособии по безработице. По понятиям Юга, живут они очень хорошо. По понятиям США, живут они крайне бедно.

Совсем рядом переливается всеми красками деловой рай, где не очень трудно заработать во много раз больше… Они бы и хотели потреблять – но для этого надо что-то делать… А вот этого-то они как раз и очень сильно не желают. Лучше уж не потреблять, но «зато» вставать посреди дня, лениво бродить без дела, прихлебывать дешевое вино и трепаться с приятелями.

Новая инфраструктура мира

У каждой агломерации есть центр – средоточие финансовой власти, и есть периферия, население которой работает в центре, получает свои не очень большие деньги… и знает свое место.

Это хорошо видно на примере Москвы – центр этой агломерации очень хорошо очерчен Кольцевой дорогой. Есть мир в пределах Кольцевой дороги, и есть мир за ее пределами; два мира, два образа жизни. Та к устроена любая агломерация, только приметы центра и периферии в них другие. Чем больше агломерация, тем больше по размерам и населению как центр, так и периферия, но принципиально ничего не изменяется.

С агломерациями связаны населенные пункты поменьше. Промышленное производство в этих населенных пунктах связано с производствами агломерации, работает по заказам из ее центра. Это выгодно центру – чем дальше от агломерации, тем меньше стоит один и тот же труд. Это выгодно периферии – без финансовых влияний центра она будет жить еще хуже.

Так щупальца агломераций протягиваются далеко вокруг, втягивая многие и многие населенные пункты – в том числе вдалеке от агломерации. И хорошо, если протягиваются! Давно прошли времена, когда вдали от городов стояли благополучные, уверенно-сытые деревни. Этого нет. Там, где нет возможности сбывать свою продукцию, невыгодно сеять хлеб и разводить скот. Там умирает всякая жизнь, а люди уходят поближе к трассам и городам.

Это очень наглядно видно из окон поезда, идущего по Транссибирской трассе. Еще лет 10–15 назад, до 1995 года, везде паслись стада, почти все видное в окна пространство было распахано и засеяно. Сейчас поля и скот видны лишь вблизи крупных городов – не дальше 50–60 километров. Пригородное хозяйство никуда не исчезло; как ни пугали нас великие «патриоты», города вовсе не вымирают от голода, продуктов даже стало больше, и они разнообразнее. Но вдалеке от городов земля лежит пустая, заброшенная. Поля поросли травой и зарастают кустарником; лет через 10–20 на них начнет восстанавливаться лес.

Жизнь и хозяйство человека расположены теперь не так равномерно, а «пятнами». Тут есть даже свои преимущества – появились большие пространства земли, на которые резко ослаб прессинг человека. Там восстанавливается дикая природа, вновь появляются животные, исчезнувшие тридцать и пятьдесят лет назад. На расстоянии 100–200 километров от Красноярска есть много мест, где вновь появились косули, барсуки и медведи, которых не видели с 1960-х годов.

Это вовсе не особенность Сибири! В городе Плесе – левитановские места, Ивановская область – мне показывали мальчика, который с отцом каждый год «берет» медведя или двух. Это не особенность России! В часе езды от Франкфурта-на-Майне можно за час собрать ведро прекрасных рыжиков.

Может быть, когда-то леса Германии и были похожи на ухоженные парки. Сегодня есть и такие, но кроме них вдали от городов шумят сосняки, в которых вполне можно заблудиться.

Чем дальше от центра агломерации – тем больше нищеты и убожества, отчаяния и безнадежности, – вплоть до полного исчезновения цивилизации. Чем ближе к центру, тем жизнь становится все более и более сытой, обеспеченной, все ярче, интереснее и современнее.

Система мегалополисов

Любая агломерация и мегалополис хорошо связаны с другими агломерациями и мегалополисами. Между ними постоянно летают самолеты, ходят поезда, теплоходы и автобусы. Между ними прекрасная связь: телефон, телефакс, факс, электронная почта.

Красноярск отделен от Москвы 3500 километров – но его отделяет от Москвы всего 5 часов лета на самолете. Село Ермаковское на юге Красноярского края отделяет от Красноярска всего 500 километров – но самолеты до него не летают, а

автобусом вы будете ехать 10 часов.

Глушь? Вы не знаете, что такое глушь. Ермаковское – это районный центр, он лежит на трассе, и в него ходит автобус. В Красноярском крае много сел, в которые вообще не ходит транспорт. Добираться до них вы будете машиной, и дольше, чем будете лететь до Домодедово или Внуково.

Красноярск лежит от Нью-Йорка в 12-ти часовых поясах – как раз на другом конце «шарика». Но до самых глухих уголков, лежащих вдалеке от трасс, вы будете добираться дольше, чем до Нью-Йорка.

Причем с Нью-Йорком вы легко свяжетесь по телефону, пошлете факс или бандероль. А в самых глухих деревнях вообще нет факса, телефона и почты.

Да что в деревнях! Минута разговора с Москвой обойдется вам в 2 рубля 50 копеек. А с Иваново – уже 6 рублей. С Боровском Калужской области – в 8 рублей (так было в 2003 году; сейчас цифры другие, но суть та же).

Агломерации и мегалополисы хорошо связаны друг с другом – намного лучше, чем каждый из них связан со своей периферией. Мегалополисы и агломерации – это самые важные узлы инфраструктуры в масштабах земного шара. Система связанных между собой мегалополисов в масштабах Земли – это новая система организации жизни человечества.

В мегалополисах и агломерациях живет больше половины населения Севера, от 50 до 20 % населения стран Юга. Жители мегалополисов владеют основным национальным богатством, а остальным остаются крохи.

Это особенно заметно на Юге – чем беднее страна, тем сильнее контраст между богатыми городами и бедной, а то и удручающе нищей периферией.

Глава 4. В мире новой инфраструктуры

Из сел вливается река людей… И истребляется в них. Рабочий, чей дед или хотя бы отец родился в Лондоне, – это редкость, какую и не найдешь.

Д. Лондон

Посмотрите на многие картины французских, голландских, немецких художников XVIII – начала XX веков, где изображается деревня. Совершенно российские виды: деревенское стало вброд переходит реку… Девушки собирают грибы у обочины проселочной дороги, без всякого покрытия. Старуха ведет куда-то привязанную за рога корову.

Идиллия! …тем более идиллия, что все это в прошлом; ничего подобного во Франции больше нет.

Хорошо хоть, остались картины.

В Британии деревня вымерла еще в 1940-е годы; во Франции в 1960-е. Предприниматели, которых у нас упорно называют «фермеры», составляют 3–5 % населения стран Европы, а то и меньше. Все они закончили колледжи, а то и университеты: в Британии, не получив специального образования, человек не имеет права заниматься сельским хозяйством. У «фермеров» – капитал, техника, собственность на землю, знания, связи и положение в обществе.

Хозяйство специализированное – зачем выращивать все, что нужно для потребления? Мы производим молоко, а мясо, хлеб и овощи можно купить в магазине. Зачем выращивать кур на яйца или кабачки в огороде? Это отнимает время, а время – деньги. Хорошо продавая молоко, можно снабдить себя и яйцами, и кабачками.

Парадокс, но многие французы и британцы в городах сами выращивают овощи… Считается, что такие овощи вкуснее… И еще, наверное, людям просто хочется возиться в земле и что-то на ней выращивать. Даже людям среднего класса из больших городов. Горожане чаще выращивают для себя овощи, чем жители деревень!

На производствах молока, мяса, хлеба и овощей нет ничего от духа прежней деревни. Это именно что производства, аграрный

бизнес, и живут на таких производствах те же самые люди среднего класса – одна из множества специализированных групп специалистов. А деревни с плясками, общей жизнью, криком петухов и доением коров – ее нет.

Французы среднего поколения едут «посмотреть на деревню» в Польшу или в Россию. Они еще выросли в селе, где по утрам орали петухи, а вечером пылило, возвращаясь домой, стадо коров. Став взрослыми, они не могут найти во Франции ничего подобного. Они едут в страны, где деревня пока еще есть.

Пока сохранилась, еще не вымерла.

Но и у нас деревня исчезает на глазах. Что происходит с деревнями и селами? Появляется небольшой, несколько процентов, слой сравнительно богатых, экономически сильных предпринимателей. Тот самый – с техникой, собственностью и капиталом. Пока без высшего образования…

Хотя молодежь, чаще всего, оканчивает сельскохозяйственные институты. Осталось одно поколение.

А остальные? Они не в силах прокормиться в деревне… По крайней мере, прокормиться привычно, «как всегда». Всегда начальство давало что-то заработать, что-то украсть; работа была тяжелая, но жить можно было легко – в смысле, бездумно.

Жизнь изменилась, нужно меняться самим… Но… как?! Они не умеют. Ведь кто остался в деревне после того, как добрые сто лет народ бежал и бежал в города? Первый массовый отток из российского села пришелся еще на 1860–1880-е годы: стоило дать крестьянам личную свободу, как сотни тысяч людей потекли в Петербург и в Москву.

В 1930-е годы деревня опустела на треть. После войны (уцелевшие солдаты смогли сбежать из деревни) и особенно после смерти Сталина (колхозникам дали паспорта) – еще на треть. В 1970–1980-е годы уезжали почти все, кто поступал в ВУЗы и мог потом устроиться в городе.

Кто оставался в деревне? Кто входит в эти 38 % сельских жителей по данным 1989 года?

В первую очередь тот, кто органически не переваривает никаких вообще перемен. Любых. Кому даже изменение названия с «колхоза» на «акционерное общество» уже мучительно, а уж необходимость жить не так, как привык, – совершенный конец света.

Часть этих людей, конечно, все-таки сможет

приспособиться… Будет ныть, ругать все на свете, агрессивно орать, понося власть, но приспособится. Кто-то рукастый и меньше пьющий прибьется в работники к богатому соседу. Кто-то помоложе сбежит в город.

Но большая часть сельских жителей все двадцать лет после 1991 года только доворовывает то, что осталось от советской власти, от прежних колхозов и совхозов. Уже почти совсем доворовали и вовсю начали воровать друг у друга. Воровали бы и у богатого соседа… Но тут, понимаете, какое дело… У богатого соседа собственность – не колхозная, она у него своя собственная. И кто ворует у соседа, тот частенько оказывается в тюрьме.

В некоторых деревнях до трети мужского населения «сидит»; их заброшенные дома-развалюхи особенно бросаются в глаза на фоне красно-кирпичных особняков в два этажа.

Второй контингент, который сразу заметен в селе, – старики и старухи. Их больше половины населения многих и многих деревень: ведь средний возраст сельского жителя России давно перевалил за пятьдесят лет.

А средний возраст программиста явно ниже 30 лет.

По статистике в конце советской власти, в 1989 году, в деревне жило 38 % населения. 24 % из них занято было в сельском хозяйстве.

Статистики на сегодняшний день у меня нет, но уже ясно – сейчас обе эти цифры намного меньше. Перспектива? Она проста… К 2030 году в России в селе будет жить не больше 10 % населения.

2–3 % жителей всей страны, четверть-треть сельских жителей, будут жить в крепких двухэтажных домах из красного и белого кирпича, ездить на хороших дорогих машинах по асфальтированным дорожкам, учить детей в ВУЗах, а некоторые из них даже будут постоянно читать книги.

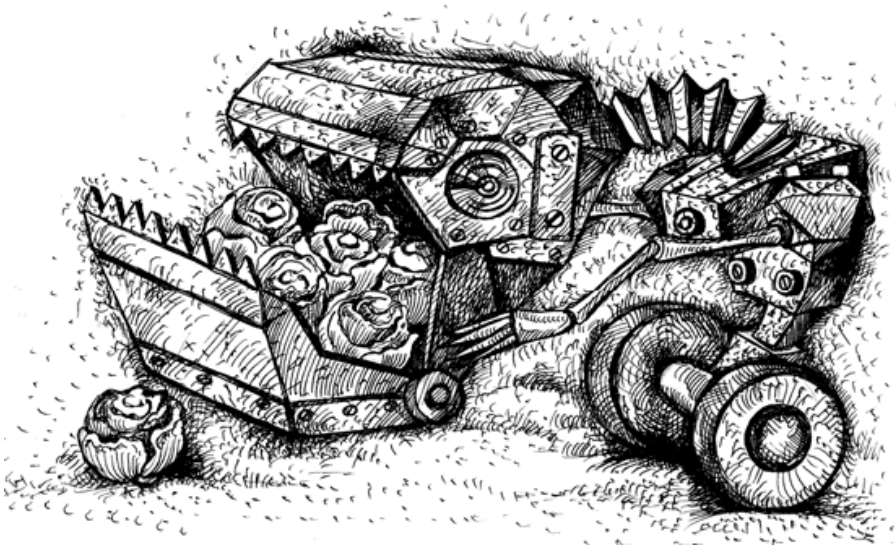
Остальные не получат образования, не приучатся читать, а по телевизору будут смотреть совсем другие программы, чем первая треть.

Но это – 10 %. А остальные?! Они исчезнут: умрут от пьянства или уйдут. Уйдут в города или в лагерь. Или уйдут в город после лагеря. Или попадут в лагерь уже после того, как уйдут в город.

Российская же деревня 2030 года станет такой же, как французская и немецкая:

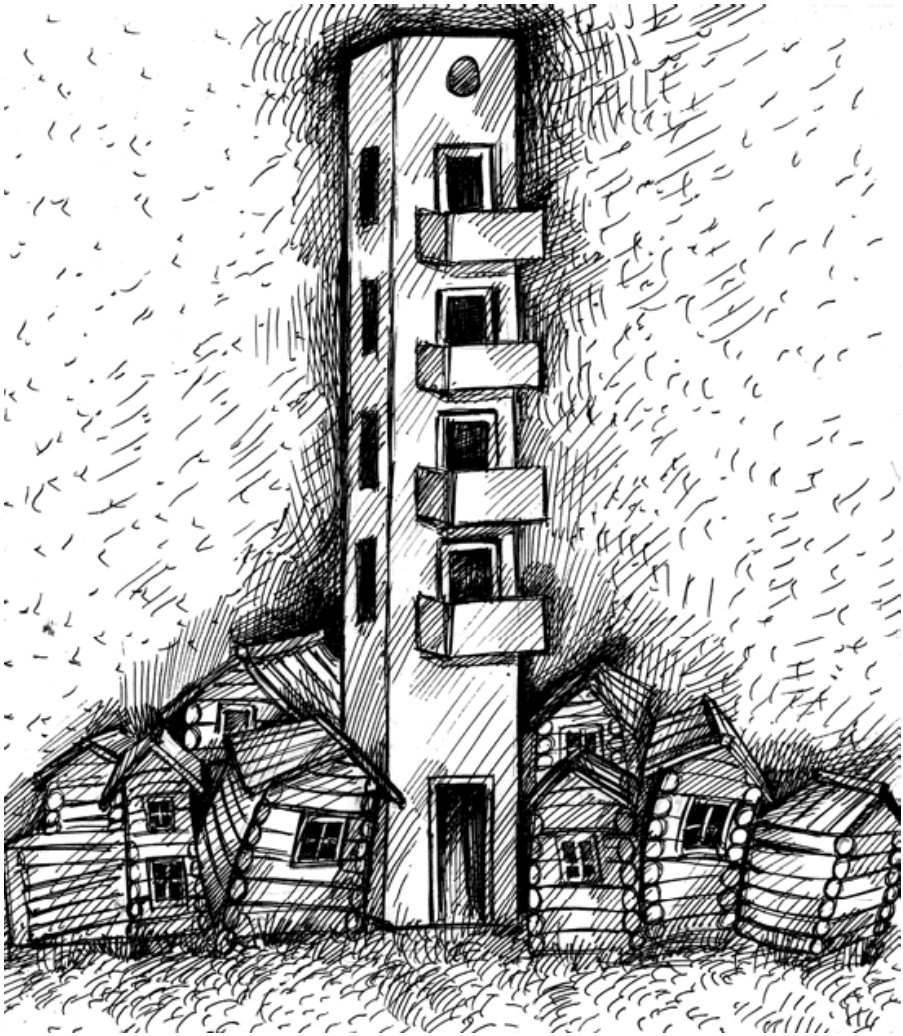
без петухов и коров.

Если не заниматься выдумками и не тешить себя глупыми сказками, то неизбежная судьба русской деревни – быстрое и безнадежное вымирание. Здесь тоже нет ничего нового, ничего, отличающего Россию от других стран.



Сельская жизнь? Или жизнь пригорода?

На первый взгляд, в наше время «сельская» жизнь популярна. «Я переехал в деревню!» – гордо заявляет человек выше средней обеспеченности. Но что называют «сельской» жизнью в Британии, Франции или Германии? Под псевдонимом «сельская» скрывается пригородная жизнь. В 1990 году россиянин выезжал из города и попадал в мир сельского хозяйства и мелкого местного производства, мало связанного с большим городом.



Сегодня инфраструктура совершенно иная. Там, где до города можно добраться за час или два езды на машине, живут те же самые горожане. Удобнее иметь особняк, чем квартиру: свежий воздух… больше приватного пространства… садик-огородик… тишина…

Но даже инфраструктура совсем другая: населенные пункты теперь мало связаны друг с другом, но хорошо связаны с городом. По сельским дорогам едут машины горожан и скоростные автобусы. А местных маленьких автобусов, связывавших село с селом, стало в несколько раз меньше. Местами они вообще исчезли. На озере или по реке ходил местный катер, возил людей? А теперь некого возить. На реке-озере есть моторные лодки и яхты горожан, местного транспорта нет.

Продукты? Если не абсолютно все, то многое вы привезете с

собой или купите в «деревне», но в точно таком же магазине, какой есть и в мегалополисе. А если вам будет нужно, вы купите в «деревне» и одежду, и все нужное для быта, и для строительства… Та к же точно и по тем же ценам, что в городе.

Европейцы, заставшие деревню, ностальгируют по ней – несмотря на «сельскую» жизнь значительной части среднего класса. В Россию это тоже приходит. «Побыть в деревне» сегодня – это побыть не в лесу и не на реке, а среди дачной застройки.

Путешествия по родной стране?

Конечно же, вполне можно жить в агломерации и притом найти время и место свозить детей, подростков в разные исторические города и усадьбы России, поплавать на байдарках по рекам, пособирать грибы в сосновом бору и лесные орехи в дубраве. Элита и средний класс, по крайней мере, найдут для этого и деньги, и время. Вопрос – найдут ли они такое желание…

Не будем чрезмерно обобщать – но для какой-то, и немалой, части детей становится привычным и естественным ландшафт дачного поселка, но не леса, поля или озера. Ландшафты России, в которых живут жители периферии и в которых разворачивалась история их народа, остаются для них экзотикой. А слон в зоопарке реальнее, чем обычнейшие корова или курица.

Без крестьян

Всегда говорили «народ» – а понимали «крестьянство». Патриархальное крестьянство составляло большинство населения и в Древнем Египте, и в Древнем Риме. Абсолютное большинство, больше 90 % всего народа. В городах и дворянских поместьях Европы XVIII века обитали от силы 5–6 % жителей континента.

Положение вещей изменилось только в XVIII–XIX веках, и то не везде, не сразу и не полностью. Даже в Британии, самой городской стране мира, в 1800 году в городах жило 50 % населения, в 1850 году – 65 %.

Крестьянство было хранителем нравственного здоровья народа, его практической сметки, представления о самом себе. Крестьянство несло в себе то, что весь народ хотел думать и знать о самих себе.

Еще в 1930-е годы немецкий философ Хайдеггер писал о своей соседке по даче: мол, совершенно неграмотная 80-тилетняя женщина чувствует и понимает что-то очень важное о мире… Что-то, чего не понимает философ с учеными степенями.

Еще в середине XX века русская интеллигенция охотно

рассуждала о том, что крестьяне лучше рабочих: они более нравственные, более «правильные», заняты более благородным, возвышающим человека трудом, живут в гармонии с природой.

Большинство образованных людей считали крестьян честнее, порядочнее, трудолюбивее «образованных» и «городских».

А самое главное – самый образованный, самый культурный человек хорошо знал крестьян и привыкал к мысли: их большинство.

Самые образованные, самые культурные, самые далекие от сельского труда аристократы, самые умные интеллектуалы, самые богатые торговцы и банкиры жили как исчезающее меньшинство, окруженные морем крестьянства.

И сами они, аристократы, интеллектуалы и богачи, жили во многом так же, как крестьяне: без особых удобств, пользуясь самыми простыми вещами, довольствуясь грубой пищей и простой, но удобной одеждой. Что едят герои русской классики, рассказов Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого? Каши, супы, ботвинью, репу, огородные овощи. Только осенью, по холоду, в их рационе появляется мясо.

Вы были в имениях русского дворянства, читатель? В Михайловском Пушкина, в Тарханах Лермонтова, в Ясной Поляне Толстого? А вы побывайте, и обратите внимание – удобства самые минимальные. Мылись – в бане, уборная на улице, а в каждой комнате барского дома жил не один человек, а как минимум – два-три.

Эти богатые и знатные привыкали жить в ландшафтах своей страны и чувствовать себя в них, как дома. И привыкали довольствоваться самыми минимальными удобствами.

Горожане жили в большем комфорте, но и в городах ванные комнаты и канализация появились поздно, во второй половине XIX века. Даже в 1900 году 60 % британских и французских горожан, 85 % русских горожан не имели ванных комнат и туалетов.

Ведь города были маленькими, леса и поля начинались сразу за городской стеной.

В XX веке города разрослись, но люди все принимали это как что-то нежелательное, как недостаток. Они упорно воспитывали детей так, словно им предстоит жить среди лесов и полей, в наборе привычных ландшафтов: в лесах, рощах, степях, полях, садах, лугах, сенокосах, выпасах. Человека с детства учили жить в этих ландшафтах и получать от этого удовольствие.

Виталия Бианки любили и читали три поколения россиян: всем были интересны его истории про мышонка Пика, синичку Зиньку, лесную газету и куропатку Оранжевое Горлышко. На этих

книгах три поколения учились знать и любить свою землю.

Мегаполис – вмещающий и кормящий ландшафт

Житель мегалополиса живет не в России, а… в мегалополисе. Он не видел и не знает полей и лесов, никогда не ночевал в стогу сена и на берегу тихой речки в Средней полосе.

Ему не очень понятно поведение героев Льва Толстого – богатые люди, а вскакивают чуть свет, бегут с ружьями стрелять вальдшнепов! Явно ведь, для этого нет никакой необходимости – так зачем же они валяют дурака, рискуя простудиться и заболеть?

Все мегалополисы и агломерации Земли – это принципиально один и тот же ландшафт. Если агломерация выросла вокруг старинного города и сохранилось старое ядро – то и оно очень похоже. В Кракове вы часто будете чувствовать себя почти так же, как в историческом центре Петербурга, а на Курфюрстендамм в Берлине ощутите себя почти на Садовом кольце.

В новых же кварталах, среди типовых домов, вы тоже окажетесь «дома», где бы вы ни находились. Возле одной девятиэтажки во Франкфурте автор сих строк буквально затряс головой: здание страховой компании оказалось совершенно таким же, как здание Института защиты растений в Пушкине под Петербургом.

Все жители всех агломераций живут в похожих домах, видят из окна похожие ландшафты, слышат как фон своей жизни один и тот же шум большого города. Они ведут похожий образ жизни, пользуются похожими, а то и совершенно одинаковыми компьютерами, стиральными машинами и газовыми плитами, ездят на очень похожих автомобилях и автобусах.

Различия есть, и, скажем, немецкий S-Bann или французский Rer – это вовсе не метро, а эдакий гибрид метро с электричкой: в центре города S-Bann едет под землей, а вдали от центра выходит на поверхность. Впрочем, и в московском метро есть участки, где поезд едет поверху. И вообще – вагончики почти такие же, сумма сходства больше суммы всех различий.

В результате у жителей всех мегалополисов между собой много общего, при различиях языков и культур они неплохо понимают друг друга. У жителя каждого мегалополиса от Японии и Бразилии до Москвы больше общего друг с другом, чем у жителей каждого из них с жителями периферии этого же мегалополиса.

Значительная часть молодых жителей мегалополисов (не заставших другой жизни) уже сегодня не знают природу своей страны. В перспективе их дети-внуки не будут уметь находиться в

природных ландшафтах, будут ощущать их как нечто чужое, возможно, даже как нечто неприятное.

Это создаст трудности и при изучении русской истории.

Для этих людей окончательно станет совершенно чужой и непонятной деревня и деревенская жизнь. В их мире не будет ничего даже отдаленно похожего. Люди, у которых были бабушки в деревне или ездившие в деревню на дачу, к знакомым, будут испытывать ностальгию и поедут в деревни куда-нибудь в Среднюю Азию, в Азербайджан или на Передний Восток – как сегодня французы ездят в Россию.

Но новое поколение, выросшее «после деревни», уже будет другим. Почему бы и нет? Но возникнет проблема понимания русской истории, культуры, литературы.

Страницы Толстого или Пушкина, где описывается, как вечером возвращается деревенское стадо, как косят сено и сметывают стога, как носят бадейками воду… Все это станет окончательно незнакомым и не будет возбуждать никаких положительных эмоций.

Глава 5. В мире техногенной цивилизации

Жизнь в Лондоне опасна из-за чудовищной грязи и скученности людей.

Газета «Таймс», 1790 год

Для начала – жилища

Сотни тысяч лет люди жили в природных ландшафтах; лес или степь начинались сразу за порогом их дома.

Бродячий охотник сам не знал сегодня, где он окажется завтра. Он вел себя легко и бездумно: природа не только сама его кормит, она сама за ним и убирает. Охотник легко бросает любую старую вещь, любые объедки где попало.

Народы бродячих охотников, которые дожили до наших дней, очень симпатичны: улыбчивые, жизнерадостные. Но этих людей почти невозможно приучить не мусорить там, где они живут. Когда в XX веке советская власть пыталась поселить их в современных поселках, они загаживали дома так, что просто делалось страшно. У них не было ни малейшего представления о санитарии и гигиене; им вовсе не было уютнее там, где не воняет и не валяется ничего гниющего.

Точно так же вели себя индейцы и эскимосы в обоих Америках. Приводить примеры из их жизни даже безопаснее – а то в наше время у всех, даже самых первобытных народцев, появились свои адвокаты и доценты различных наук, бизнесмены и политические деятели. Все они очень нервно относятся, если об их сородичах говорят что-то им лично неприятное. Вы можете говорить правду или нет – это не будет иметь никакого значения. Важно, чтобы люди этого маленького народа не почувствовали себя «обиженными», не оскорбились бы и не стали бы со мной судиться.

Скажем, одну мою знакомую чуть во Франции не привлекли к ответственности, когда она спросила у знакомого африканца, много ли людей он лично съел. Осудить умную женщину не удалось – ее адвокат представил больше ста… кажется, 137 примеров того, как африканцы съедали европейских миллионеров. «Но не было ни одного случая, ваша честь, – обратился адвокат к судье, – когда французские кюре съели бы хоть одного негритянского шамана».

Марфу отпустили, хотя и строго предупредили: говорить о

том, что злобные французские колонизаторы обидели африканцев, можно. А вот что замечательные африканцы ели проклятых колонизаторов – это говорить нехорошо.

Так что лучше я, от греха подальше, буду приводить примеры из жизни индейцев и эскимосов – они живут далеко; это граждане США и Канады, им до меня не добраться.

Уже давно, в 1960-е годы, супруги Бинфорд провели интересный эксперимент: они вели раскопки селений эскимосов и индейцев, в которых жили еще в начале XX века. Можно было раскопать, попробовать реконструировать жизнь в этих поселках, а потом спросить стариков – правильно ли они поняли. Супруги хотели понять, какими возможностями реконструкции располагает археология…

Иногда они судили обо всем правильно, но гораздо чаще ошибались. Например, они никак не могли объяснить причину, по которой забрасывался тот или другой поселок. Бинфорды сочиняли какие-то грандиозные причины: нападения врагов… ухода диких животных в другое место… болезней… голода…

– Все проще! – смеялись старики. – Место очень загадили, воняло так, что трудно стало жить. Вот мы и перенесли поселок во-он туда… Совсем рядом, но место пока было чистым.

А спустя несколько лет приходилось опять переселяться…

Охотники могли расселяться; они жили в среде, которую загадить невозможно, и было их мало, очень мало. Ученые называют разные цифры, но к концу Великого Оледенения, 10–11 тысяч лет назад, на всей Земле жило от одного до трех миллионов людей.

Впрочем, даже у охотников было место, в котором они жили постоянно и которое можно было загадить: жилище.

Не у всех охотников были постоянные (называя по науке, стационарные) жилища. Они были только там, где было очень много диких зверей и можно было долгое время никуда не перекочевывать. В постоянных жилищах из костей мамонта и других диких зверей жили в приледниковой зоне в эпоху Великого Оледенения. Такие жилища очень разнообразны: и круглые, и овальной формы, и небольшие, диаметром 2–3 метра, и огромные, диаметром до 9 метров.

Все стационарные жилища делались в главном одинаково: на основу из костей и жердей натягивался полог, сшитый из шкур. В жилище вел низкий ход или лаз. Внутри горел костер или два-три костра. Окон не было. Судите сами, какая чудовищная духота и вонь царила внутри этого жилища к концу долгой суровой зимы, к марту месяцу.

Некоторые ученые всерьез считают, что условия жизни

внутри жилища – причина меньшей продолжительности жизни женщин. Ведь мужчины большую часть времени проводили вне жилища, на свежем воздухе. Женщины и маленькие дети почти всю зиму сидели в смрадном антисанитарном полумраке, они чаще болели, а болеть-то приходилось в таком месте, где и здоровому находиться непросто.

К счастью, первобытный человек был в состоянии загадить только собственное жилище и его самые ближайшие окрестности.

Продолжение – деревни

7–8 тысяч лет тому назад на Земле появились первые деревни и укрепленные городища. Тогда приручили первых животных, начали высевать первые культурные растения в поймах рек. Появилось сельское хозяйство, и несколько сотен, даже тысяч человек смогли жить оседло, всю жизнь на одном месте. Крестьяне были сыты намного чаще, чем охотники и собиратели. Их труд давал намного более стабильный доход, и к тому же зерно можно было накапливать. Кукуруза, рис, пшено и пшеница могут лежать и 20, и 30 лет и не портиться. Если откладывать даже самую небольшую часть урожая, этого хватит на черный день.

Бродячие охотники хотели бы поживиться этими запасами, но в городах и селах жили сотни и тысячи людей, а охотники не могли собрать в одном месте больше ста или двухсот воинов – большему числу попросту не хватило бы пищи в одном месте. Крестьяне могли не бояться за свое достояние.

Крестьянское население затапливало Передний Восток, Балканы, Средиземноморье. За считанные сотни лет там, где кормились тысячи, стали кормиться сотни тысяч. Исчезал страх голода, зависимости от слепых сил природы. Эту проблему удалось решить навсегда. Но возникали новые проблемы… Например, проблема загрязнения.

Крестьяне волей-неволей приучались к порядку: территорию поселка можно было превратить в помойку за считанные дни, самое большее – недели. Короткий срок – и в поселке жить уже невозможно: тучи мух и их личинок, отвратительный запах… и болезни. С ними происходило то же, что с женщинами в стационарных жилищах охотников на мамонта.

Люди редко по-хорошему усваивают даже самые полезные вещи. Но беды и катастрофы учат их совершенно замечательно! Наверное, потребовалась не одна эпидемия, чтобы научить людей не швырять объедки где попало, выносить или хотя бы закапывать кухонные остатки, подметать и убирать в деревне и городе,

делать помойки за пределами поселка.

Наверное, немало людей последовало за предками, которых безутешные родственники хоронили в больших керамических кувшинах, под полом жилища. Бродячие охотники оставляли покойника там, откуда уходили, часто вообще не делая могилы. Крестьяне пытались оставить предка там, где живут сами. Само по себе стремление не расставаться с любимым стариком даже симпатично… Но возникали последствия…

Глина хорошо «держит» любую заразу, но если много людей умирало от какой-то инфекции, никакая глина не спасала. Людям пришлось делать кладбища отдельно от своего дома. А те, кто не хотел изменяться, рано или поздно вымирали.

В историческое время

Первая канализация появилась еще на Древнем Востоке, 4–5 тысяч лет тому назад. Это были канавы, которые выводили из города нечистоты. 2–3 тысячи лет назад канавы стали покрывать деревянными или керамическими крышками, потом научились делать специальные трубы.

Помойки и канализация были в городах Греции и Рима, средневековой Европы. И все-таки города были скученными, грязными, неаккуратными. Во многих местах нечистоты выливали прямо на улицы, и даже если были канализационные канавы, это мало меняло дело: ведь нечистоты текли прямо вдоль улиц.

Если были уборные – то такие же «будочки», как в наше время в деревнях и на садовых участках. Нечистоты из заполненных ям вычерпывали специальными черпаками на длинных рукоятках и вывозили в огромных бочках, по ночам. Откуда и оборот в русском языке: «ночное золото». Что это значит, молодежи уже трудно понять.

Вывозить мусор было трудно – ведь не было автомобилей. Выбрасывали мусор недалеко, и город быстро обрастал помойками. В Древнем Новгороде хозяева старались не выметать со двора, а мести мусор с улицы на свой двор: тогда двор становился выше окружающих усадеб, и текло не в этот двор, а из него к соседям и на улицу.

В Новгороде в слое XIV века на Ильиной улице обнаружили громадный слиток свинца весом порядка 150 килограммов. Анализ состава металла показал: слиток свинца происходит из окрестностей Кракова. Вес слитка полностью соответствовал нормам, которые были приняты тогда в международной торговле; слитки такого веса и поставляла Польша в другие страны.

На слитке видны клейма с изображением орла и буквы «К»,

увенчанной короной. Орел – «ожел бялый», до сих пор служит символом польской государственности, клеймо же в виде буквы «К», увенчанной короной, принадлежит польскому королю Казимиру Великому.

Страшно представить себе, какая поистине чудовищная грязь царила в городе, если в нем «затерялся» незаметно золотой слиток в полтора центнера весом! Не говоря ни о чем другом, такой слиток даже в наши дни представляет собой немалую ценность, а уж в XIV веке это было целое состояние. Представляю, как искали его, как сожалели о потере…

В культурном слое Парижа находили золотые и серебряные украшения, вполне целые, пригодные для использования металлические гребни и бусы. Их роняли в грязь и уже не могли отыскать.

Чище было в городах новых, возникших впервые там, где раньше не было таких центров концентрации людей. То есть там, где еще не загадили.

Чистая вода

Жители первых городов брали воду из ручьев и рек – такую же чистую, как охотники и собиратели. Но вот вода пошла к поселкам через каналы… Потому что сами поселки стояли не на берегах рек, а на берегах каналов.

Позже вода поступала через водопровод… Римляне построили целую сеть водопроводов-акведуков по всей Южной Европе. Одно время некий ученый даже «открыл» причину гибели Рима: все дело, «оказывается», в использовании свинца! Свинцом заливали стыки тру б – а значит, всякий пивший эту воду получал вместе с ней и частички этого не очень полезного металла…

Причины гибели Римской империи, конечно, гораздо сложнее, но что воду пили не родниковую – это факт. И чем больше город, чем в более населенной местности он стоял – тем хуже была вода.

В XIX веке появились фильтры и отстойники, воду начали дезинфицировать… И тем не менее всякий легко сравнит качество колодезной, деревенской воды и водопроводной. Какая лучше, читатель знает и без меня. А если вы, дорогой читатель, пробовали воду из ледника или бывали на Байкале… Поверьте на слово: сравнивать эту воду с водопроводной – то же самое, что сравнивать самогон и шампанское высокого качества.

В середине XX века воду из Байкала, из озер Канады, из ледников Гренландии начали продавать. В Париже бутылка такой воды стоит больше, чем бутылка шампанского или хорошего

коньяку.

Писатели-деревенщики хорошо описывали шок, которую житель деревни испытывал от столкновения с городом. Одна из частей такого шока: парень на рынке продавал… воду! Покупать и продавать чистую воду для жителя деревни было примерно то же, что продавать и покупать воздух. Но ведь сегодня это происходит во многих городах мира, включая Москву и Петербург.

…А началось все с невинного канала.

Чистый воздух

У жителей городов Рима, Средневековья и Европы XVII–XVIII веков не было двигателей внутреннего сгорания. Но у них были лошади, и они вынуждены были топить в своих жилищах. Воздух в городах и деревнях отравляли не только отходы жизнедеятельности людей, но и отходы жизнедеятельности животных. В деревнях это мало сказывалось, потому что людей и животных в одном месте скапливалось меньше. В городах смрад стоял просто чудовищный.

Запах дымка очень приятен – особенно если вы можете понюхать в свое удовольствие, а потом отойти в сторону. Даже у вечернего костра экспедиции дым уже начинает мешать. Идиллическая картина дымков из деревенских труб очень мила – если не приходится дышать одновременно дымом из 100–200–300 труб: например, когда деревня лежит в низинке, а ветра нет.

В городах дым в безветрие застаивался, над городом колыхалось безобразное серо-рыже-желтое облако. Слова «смог» тогда не было, его изобрели позже, в Англии XVIII века. Но это был именно смог, и описание такого облака смога над Москвой, Лондоном, Парижем, Краковом есть в документах XIV–XV веков.

> *Паровых машин и двигателей внутреннего сгорания еще нет – а смог уже очень даже есть.*

На севере Европы топить приходится постоянно по нескольку месяцев в году. Дым становится просто опасным из-за концентрации. Тем более, в Европе все чаще топили не деревом, а углем – этот дым вреднее для здоровья и опаснее. Англичане не случайно первыми заговорили о смоге, причем задолго до появления первого автомобиля и даже паровоза.

Во время самых сильных смогов в Лондоне на улицах жгли костры. Дыма не становилось меньше, но люди хотя бы могли видеть, куда идут. А то ведь в смоге можно было заблудиться, и

случалось, люди терялись и задыхались.

Вам не доводилось, читатель, захлебнуться ароматным дымком возле костра или в деревне, когда на вас понесет дымный шлейф? Разок за зиму это даже весело – еще один признак зимы! А если вы не можете выйти из дымного облака, потому что некуда уйти? Чем сильнее холод, тем вообще труднее дышать: в воздухе меньше кислорода. А тут еще дым…

Зимой 1800 года в Лондоне вышли и никуда не дошли 84 человека, из них 27 детей. Задохнулись от смога.

Еще в начале XX века в русских городах, в том числе в Петербурге и Москве, топили дровами. В суровую зиму 1948 года на улицах городов Сибири горели костры – как в Лондоне 1800 года.

Эволюция микробов и болезней

Первобытный человек жил в среде более чистой, чем мы. Болезнетворным микроорганизмам было негде развиваться, это раз. Им было негде и не в ком эволюционировать, это два. Люди жили небольшими группами по 30, по 50 человек – большее число людей не смогло бы прокормиться в одном месте охотой, рыбной ловлей и сбором съедобных растений. Конечно, такие группы время от времени встречались, обменивались сведениями о мире, камнем и продукцией ремесел, шкурами, женихами и невестами. Но встречались редко, от силы два-три раза в год, и быстро расходились, чтобы большую часть года жить теми же маленькими группками.

Если в такой крохотной общине вспыхивала заразная болезнь, эти 30 или 50 человек вполне могли исчезнуть без следа. Во легендах и эпосах всех народов мира есть упоминания, как нашли в лесу ребенка или как приблудился чужой человек, говорящий на непонятном никому языке… Последние, кто уцелел от вымершего рода или племени.

Но вот появились поселки, где живут вместе сотни и тысячи людей… Эти толпы постоянно общаются с другими людьми, тоже живущими в многолюдных поселках… Тут уж болезнетворным микробам – раздолье. И чем больше вокруг было грязи, мух и помоек – тем лучше чувствовали себя и микробы.

Главное направление развития общества состояло в том, чтобы антисанитарии стало поменьше… Но и в том, чтобы люди приспособились, приобрели иммунитет даже к самым страшным заболеваниям. И уж хотя бы к заболеваниям повседневным, обычным – типа гриппа или ангины. Микроорганизмы развивались, по-своему совершенствовались, появлялись все

новые штаммы. Но потомки заболевших и выздоровевших или вообще не заболевали всей этой гадостью, или болели не так тяжело, как предки.

В каждой местности, на каждом континенте болели по-своему, своими наборами болезней, и приобретали иммунитет именно от них, а не от болезней «вообще».

Есть много свидетельств того, как страдали и умирали туземцы, заразившись от матросов торговых кораблей или переселенцев какой-то пустяковой (для европейцев) хворью, вроде гриппа. Даже людей больших цивилизованных народов Востока охватывали самые натуральные эпидемии. А некоторые первобытные племена вообще исчезли с лица Земли. Известен случай, когда в Южной Америке ученые из экспедиции Александра Гумбольдта расспрашивали… попугая. Ручной попугай знал слова из языка племени, поголовно вымершего от оспы. Было это в самом конце XVIII столетия.

А в середине XVIII века в Сибири почти поголовно вымерли от оспы маленькие народцы аринов и асанов. Уцелели в основном… метисы. Те, у кого был иммунитет. Большая часть народа, несколько тысяч человек, ушла в небытие за считанные месяцы. Сегодня в Красноярске живет человек по фамилии Аринчин; ему приятно думать, что он происходит от кого-то из аринов, после гибели племени прибившихся к русским. Если даже и так, это ничего принципиально не меняет.

В 1842 году Франция официально объявила остров Таити

своей колонией. Тогда на этом идиллическом острове жило больше 200 тысяч человек. К 1900 году осталось 20 – население почти поголовно вымерло от занесенных европейцами болезней.

На Маркизском архипелаге в середине XIX века жило больше 100 тысяч человек… К началу XX-го – от силы 5–6 тысяч. В 1939 году Тур Хейердал познакомился с последним представителем племен, живших на восточном побережье острова Фату-Хива, – со старым людоедом Теи Тетуа.[23] Он пережил всех детей и внуков, и вообще весь свой народ. А на острове Мотане вообще не осталось населения.

В XX веке на «самом уединенном острове в мире», на острове Пасхи, каждый год жители влежку лежали после посещения чилийского военного судна. Их косил грипп, который они называли «коконго». Каждая эпидемия уносила несколько человеческих жизней. А ведь это – уже те, кто приспособился. Последние 150 туземцев, выжившие из всех 5 или 6 тысяч, живших на острове Пасхи в 1850 году.

Может, европейцы какие-то особенно жизнеспособные? Ничего подобного! Тропические болезни, хвори древнего Востока косят нас так же беспощадно, как косит грипп жителей Полинезии.

В 1790-е годы на острова в Карибском море обрушилась тропическая лихорадка. Негры-рабы и не почесались от нее, а вот европейцы погибли почти все. Эта лихорадка стала одной из причин быстрого «освобождения» острова Гаити от европейцев и приобретения им независимости: негритянская армия Туссен-Лувертюра почти не встречала сопротивления, и в 1800 году он подчинил себе весь остров.

Имейте это в виду, господа, если поедете в тропики. То есть в наше время есть эффективные лекарства от всего на свете, в том числе и от тропических хворей, но вот успеют ли вас даже начать лечить – это вопрос. Ведь иммунитета против именно этих болезней у вас нет.

Впрочем, приспосабливаться к болезням друг друга мы начинаем уже лет 200. Цивилизация перемешивает людей, несет болезни одних другим. Возьмите холеру… Родина этой страшной болезни – долина Ганга и его притоков, в Северной Индии. Караваны двигались медленно, и заболевшие холерой обычно успевали умереть по дороге в чужие края. До XIX века холера всего несколько раз вырвалась на Передний Восток, в Китай и в Европу. Каждый раз это приводило к грандиозной пандемии, умирали десятки миллионов.

Но все это были мелочи жизни, пока англичане не проложили в Индии железные дороги… Намерения у них были самые

лучшие, и железные дороги очень помогли Индии стать и более богатым, и более современным государством. Но еще по железной дороге поехали больные холерой… Они ехали быстро и не успевали умереть. Их ссаживали по дороге, и больные заражали множество людей на своем пути. Заболевшие уже в больших портовых городах садились на пароходы и очень быстро приезжали в Европу.

Англичане возили на пароходах множество самого разного люда, этот люд ехал дальше по своим делам и в свои страны… Остальное, думаю, понятно. В 1830 году А. С. Пушкин потому и сидел в Болдине, что не мог выехать: везде был объявлен карантин. Правительство принимало самые верные меры, запрещая людям передвигаться, а заболевших изолируя в специальных холерных бараках: часть спасут, а если и не спасут – они не заразят остальных.

Население не желало понимать мер правительства и отвечало на заботу «холерными бунтами», убивало врачей, чтобы они «не травили народ».

В 1848 году в России заболело холерой 1 700 000 человек. Примерно 700 000 из них умерли; почти половина из них – дети.

В наше время по миру ходит не меньше, а больше заразных болезней, чем в XIX веке. Просто мы с ними уже умеем справляться.

Приспособившиеся к загрязнению

Вывод простой – все началось вовсе не в XX веке. Уже много веков, всю историю цивилизации горожанин подвергался новому типу естественного отбора – на загрязнение.

Жители Переднего Востока и Средиземноморья подвергаются ему уже несколько тысячелетий. Жители Европы (в том числе Руси) – 2–3 тысячи лет.

Цивилизация – это способность жить там, где воздух и вода отравлены самим человеком. По мнению некоторых ученых, человек X–XV веков не мог бы и нескольких часов прожить в атмосфере современного города, есть нашу пищу, пить нашу воду. Проверить это можно будет только когда изобретут «машину времени», не раньше, но есть много оснований думать именно так.

Это касается и болезнетворных бактерий. В лесах и степях их не так много… А в жилищах людей, на улицах городов мы буквально дышим взвесью из возбудителей самых страшных болезней. И как-то вот не заболеваем, а если и болеем – не катастрофично.

Мы приспособились к жизни в среде, где в воздухе постоянно присутствуют возбудители опаснейших болезней. К жизни в зловонии. К жизни в среде, где легкие работают на половину своей мощности.

Все, кто не смог приспособиться к жизни в такой среде, – вымерли. И продолжают вымирать, потому что как только исчезают прежние виды загрязнений, как тут же появляются новые.

Сейчас появились новые формы загрязнений, которых не было у предков. Жизнь испытывает нас на способность обитать в среде, загрязненной радиоволнами, продуктами атомного распада, излучениями и химией. Люди становятся все менее восприимчивы к этим видам загрязнения (а кто не может приспособиться – вымирает).

Всю историю городов известно: из въехавших в город выживают не все! То есть мало кто умирает или вынужден вернуться назад (хотя есть и такие). Но не все имеют жизнеспособных детей. Данные разные, точно никто не считал. Но, по разным сведениям, приспосабливаются к жизни в городах не более 30–50 % сельских жителей. Остальных город отбраковывает, как не способных приспособиться.

Перспектива одна: все более жесткий отбор.

В одном фантастическом романе искусственные люди прекрасно могут жить при любом уровне загрязнения среды – хоть на помойке. А «естественные» – не могут, и постепенно вытесняются в резервации, где специально для них среду поддерживают в привычном для них состоянии. Авось выживут хотя бы в заповедниках…

Юмор юмором, но все обстоит именно так.

Часть II. Жизнь в цивилизации

Глава 1. В мире неслыханных богатств

Бог богатством благословил и отчета по нему потребует.

П. П. Рябушинский, миллионер XIX века

Современный человек обожает жаловаться на бедность, сравнивать себя с соседом, а свою страну – с другой, более богатой. Но статистика – страшная наука! Она неопровержимо свидетельствует – мы все просто купаемся в неслыханном, невероятном богатстве. В богатстве, которое прадедам и даже отцам показалось бы немыслимым, невероятным, чрезмерным.

Судите сами: с 1945 по 1991 год на Земле произвели больше товаров и услуг, чем за всю предшествующую историю человечества. А потом, с 1991 по 2011, произвели еще столько же.

– А нищие?! Что, в наше время нет нищих?!

– Нищие в наше время есть. Но вот первый вопрос: кто эти нищие? Всегда был и есть определенный процент людей, которые не хотят или не способны зарабатывать на свой кусочек хлеба.

Можно спорить, какое именно число этих людей живет в каждом обществе… Но, в любом случае, их немало, не меньше 5–6 %. В наше время нищие – это в основном вот такие бедолаги, которые никак не в силах вписаться в общество и научиться делать хоть что-то полезное и нужное. Их жаль, но они сами выбрали этот путь.

В наше время почти нет нищих, которые могут, хотят, но не в силах заработать на хлеб. То есть они есть – но их немного, и в большинстве они живут в самых бедных странах мира.

– А умирающие с голоду в Африке?! Например, в Сомали?!

– В наше время с голоду умирают только там, где с этим никто не пытается бороться. В Сомали власть принадлежит враждующим между собой кланам. Их вождям плевать, умирают ли люди от голода, а некоторым даже выгодно – пусть голодающие валом валят на вербовочные пункты. Тогда можно будет выбрать самых здоровых, сильных парней, а остальных отправить умирать.

Вот в Индии власть стала бороться с голодом, и очень быстро голод отошел в область страшных сказок. Еще в конце 1940-х годов в Индии каждый год умирало до миллиона человек. В полночь на 15 августа 1947 года Индия стала независимым

государством, и последний индус умер от голода в 1960 году, всего через 13 лет после достижения страной независимости. Индусское правительство ХОТЕЛО победить голод – и оно СМОГЛО это сделать.

А в старину – никто НЕ МОГ. Даже в Англии.

Возможно, правительства средневековых государств тоже хотели, чтобы их подданные не умирали от голода. Но голод в XII, XIV, даже в XVI веках – самое обычное, повседневное явление и в Европе, и в Китае, и в Индии, и в Африке. Везде, по всему миру. Только в Китае пытались бороться с голодом – перебрасывали рис из благополучных провинций в неурожайные; иногда удавалось спасти часть населения.

В Европе даже XIX века голод – явление пусть не массовое, но обычное. Потому что с голодом справиться НЕ МОГЛИ. Даже в самых богатых обществах Земли образца 1850 и даже 1900 года.

А в наше время голодают только там, где никто с голодом не борется, где правительство стран устраивает голод.

Как только в Сомали придет к власти правительство, которое будет защищать национальные интересы, голод там прекратится. Вот как в Индии прекратился через 13 лет после прихода к власти Индийского национального конгресса.

В наше время умирают с голоду только там, где это устраивает правительство.

О первичных потребностях

Хорошо, что разговор зашел о голоде. А то ведь чаще всего при разговоре о бедности и богатстве речь поднимают о легковых машинах, об омарах на ужин и поездках на экзотические острова. То есть о том, что иметь приятно (по крайней мере полагается к этому стремиться), но что совершенно не обязательно.

Вообще-то, говоря о бедности и богатстве, ученые говорят об удовлетворении «первичных потребностей», то есть обеспеченности жильем, одеждой и пищей. О том, что такое «вторичные потребности» и как их отделить от первичных, можно спорить, но думаю – главное понятно.

Про обеспеченность едой уже говорилось. Добавлю только, что средства транспорта связали весь земной шар. В Южном полушарии осень – это весна Северного полушария. И вот мы в феврале – марте едим фрукты, созревающие в Новой Зеландии или в Аргентине. И круглый год можем есть бананы, выращенные в Африке, за 12 тысяч километров от места потребления.

Точно так же и холодильники почти уничтожили то, что ученые называют «сезонностью потребления пищи»: мясо мы можем есть и в самую страшную жару.

Обеспеченность жильем

Европейская норма обеспеченности жильем – по комнате на человека плюс еще одна общая комната на семью. Минимальная обеспеченность для бедняков: по комнате на человека минус одна комната. Семья из четырех человек – в трех комнатах. У супружеской пары своя комната – и у каждого из двух детей по комнате.

Размер комнат здесь не так важен, как сам факт раздельной жизни – у каждого есть хоть какой-то, но свой угол.

> *Надо быть сказочными богачами, чтобы установить такие нормы.*

Сейчас во многих городах России действуют музеи купеческого или мещанского быта. Чаще всего располагаются они в старых купеческих особняках. Так вот – здания эти чаще всего с тесными узкими лестницами и коридорами, с низкими потолками.

– Зато 12 комнат – и на одного!

– В том то и дело, что вовсе не на одного. Громадный дом в 2 этажа, 12 жилых комнат… Но разве в нем жил один купец Иванов? Ничего подобного!

Жил купец, его жена и двое взрослых сыновей с женами и детьми. У старшего сына – жена и пятеро, у второго – жена и трое детей. Еще жили две незамужние дочки, последние из выводка, старшие три уже замужем, живут не в этом громадном доме.

– Н-да… Уже, получается, жило 16 человек… Но ведь все равно – 12 комнат!

– Не торопитесь. В комнате жила еще прислуга. С каждой дочкой – по девушке для услуг, кухарка, кухонный мужик, два кучера, две горничных…

– И все жили здесь же?!

– Конечно. Все, кроме кучеров – у тех были свои семьи и свои дома в сторонке. А вон та комнатка за кухней – это для кухарки и для горничных.

– Комнатка?! Она больше похожа на чулан!

– Так думали и устроители музея… Свалили в этой комнатке всякий хлам, словно она всегда была нежилой… А эта комнатушка с единственным окном у самого потолка была очень даже жилой, и жило в ней три человека. Как в современном общежитии.

Так что комнат в доме, как выясняется, было даже не 12, а 13, но жил в нем не один и даже не 16, а 22 человека. Кстати, в столовой, в гостиной и в кабинете хозяина никто не жил, и эти 22 человека обитали в 10 комнатах.

– Как же они помещались?!

– Вот так и помещались. Было тесновато, в каждой комнате жило по 2–3 человека, а все это комнаты небольшие… Кухонный мужик спал в коридоре, на сундуке. Во-он там, видите? В двух шагах от входной двери.

> *Не торопитесь жалеть кухонного мужика. В Европе прислуга иногда спала на коврике у входа в комнату – рядом с собаками.*

И это – дом купца, причем из богатых и видных. А возьмите усадьбу мещанина. Дом в 2–3 комнаты, а жильцов в нем не меньше десятка.

Вот усадьба семьи Суриковых в Красноярске. Большущий двухэтажный дом богатого горожанина «из казаков». В этом доме вырос великий художник Василий Иванович Суриков. В доме – 11 комнат, а жило в нем от 20 до 22 человек.

Крестьяне жили еще теснее. Традиционный крестьянский дом

вообще не знает разделения на комнаты. В наше время крестьянские хоромы выставлены под Новгородом в музее под открытым небом Славица, есть музей под открытым небом в Суздале… Если интересно – всегда можно поехать посмотреть. Помещения от 20 кв. м (дом бедняка), до 50 кв. м (дом богатея). А жили в этих домах человек по 30, причем из них – 2–4 супружеские пары разных поколений, старые деды и бабки, куча малолетних ребятишек.

Так жили даже вольные крестьяне Севера, а не только крепостные. Богачи, а не только голытьба.

Это уже в XX веке крестьяне стали ставить перегородки, разделять избу на комнаты, или с самого начала планировали дом из нескольких комнат. Но и эти дома, построенные в конце XIX, начале XX века, не поражают простором – стоит прикинуть, сколько в них жило людей. Владимир Солоухин очень поэтично описывает свое детство и дом, в котором он вырос. Дом построен совершено по европейским нормам, в два этажа, семь комнат. Но и жило в нем семь человек: папа, мама, дедушка, сын и три дочери.[24]

> *Намного свободнее большинства крестьян, но тоже не очень просторно.*

Дворяне были обеспечены жильем лучше? А это смотря в какое время и смотря кто. Царедворцы Екатерины и Павла, разумеется, жили в отдельных комнатах своих роскошных дворцов. Но это ведь даже не 1 % народа, это 1 % всех дворян и 0.001 % всего населения России. Несколько сотен из нескольких десятков миллионов.

Возьмем чуть менее сановитый слой дворян… В наше время усадьбы известных, сыгравших важную роль в развитии культуры людей чаще всего музеефицированы. В Михайловское Пушкина, Ясную Поляну Толстого, Тарханы Лермонтова вовсе не трудно поехать на экскурсию. Барские дома – большие, красивые, всегда из нескольких комнат. В барском доме Михайловского 9 комнат, в барском доме друзей Пушкина Осиповых в Тригорском – 8. А жило в каждом из этих домов по 10–15 человек. Барин, который обитал бы один в собственной комнате, – это скорее исключение из правила, чем само правило.

Об удобствах молчу – мылись в бане, а туалет всегда располагался на улице, злополучная деревянная будочка.

В Европе было получше. Джентльмен мог иметь дом из нескольких и даже из многих комнат, вошло в моду каждому из супругов иметь собственную спальню. Трехэтажный дом Джона Рочестера – десятки комнат, в которых живет несколько человек.

[25] Таковы же дома богачей в описаниях Диккенса.[26]

Но и в Европе для 90 % населения отдельная комната оставалась недосягаемой мечтой – даже в середине XIX века. Не верите – читайте тех, кто описывал жизнь бедноты в Европе XIX века – в те самые годы, когда Джон Рочестер романтически повстречал Джен Эйр, упав с лошади.[27]

К концу XIX века и в России появились люди, живущие прямо как сегодня – по комнате на человека. Таковы Турбины у Булгакова,[28] и не случайно Михаил Афанасьевич так нервно относился к квартирному вопросу… Он-то вырос уже в очень неплохих условиях, а после серии «уплотнений» при большевиках жить в отдельном помещении стало почти невозможно.

Но и в начале XX века такая «булгаковская» квартирная идиллия – в основном удел обеспеченных горожан, притом чаще всего в Москве и в Петербурге, а не в провинциальных городах. Да и у них эта идиллия не так великолепна, как кажется! «Один в семи комнатах!» – тявкает Шариков на профессора Преображенского. А ведь если разобраться, и в квартире Преображенского из семи комнат две – нежилые (смотровая и операционная), а в остальных пяти живут не один человек, а четверо.

Обеспеченность одеждой

Да, конечно, в XVIII веке у императрицы Елизаветы было 15 000 платьев (великий историк В. О. Ключевский добавлял, правда: «И ни единой умной мысли в голове»). Но столько платьев в XVIII веке было только у одной женщины в России – у императрицы. Стоит взять широкие слои даже очень богатых дворян – и мы увидим совершенно иное.

Наталья Николаевна Гончарова была придворная красавица. Любимица императрицы и императора Николая I (как иногда утверждают, его любовница), первая красавица Москвы.

Должность обязывает. Первая красавица Москвы должна была блистать на балах, а для того нужны были наряды. Многие писатели обвиняли Наталью Николаевну в том, что она рвалась к светским развлечениям, хотела веселой светской жизни, требовала новых нарядов; тем самым она сломала жизнь своему знаменитому супругу, Александру Сергеевичу Пушкину.

Откровенно скажем: эти обвинения совершенно лживы. Жить в Петербурге Пушкину и самому было важно – чтобы наблюдать за публикацией своих стихов, общаться с издателями… К тому же знаменитый муж Натальи Николаевны очень любил, когда его жена блистала в свете, а потом уезжала с ним, с законным

обладателем. Одевал жену вовсе не он, а богатая тетка Натальи, Екатерина Ивановна Загряжская.

Но вот любопытный сюжет: после смерти бабушки Наталья Николаевна получает две шубы… Одна – хоть сегодня надевай! Вторую приходится перелицевать – такой покрой вышел из моды. Платья тоже приходится перешивать по фигуре новой хозяйки, только одно совсем разлезлось… Приходится платье раскроить, хорошие куски ткани пустить на платьице дочери, скверные использовать в хозяйстве (на пыльные тряпки и заплатки). Но и с этого погибшего платья сняли пуговицы, чтобы перешить их на новое.

Так рачительно обходится с бабкиными шубами и платьями дворянка, владелица собственного имения, первая красавица Москвы, любимица четы императоров, жена величайшего поэта России.

> *Далеко не самая бедная и не самая обездоленная женщина в России.*

Крестьяне и горожане были обеспечены одеждой еще хуже, и вовсе не только в России. Выходной костюм американца Тома Сойера назывался «тот, другой», «по чему мы можем судить о богатстве его туалета».[29] А в теплое время года Том Сойер ходил босиком – нечего зря трепать обувь!

Рядовой человек стал лучше обеспечен одеждой после появления ткацких фабрик – в самом конце XVIII века. Дешевые ситцы сперва хлынули из Англии во весь остальной мир, потом стали производиться… фактически везде, по всей Европе. Ситцы из Иваново одели простонародную Россию в эти красивые и яркие ткани.

В начале XX века пластмасса дала много дешевых пуговиц любой формы и цвета – раньше-то пуговицы были только роговые или из копыт.

В середине XX века появился искусственный шелк. Нейлон, перлон, орлон, лавсан… Господа, в наше время практически каждая женщина может ходить, наряженная в шелка! Доходит до полного абсурда – когда после долгой, десятилетия два, моды на нейлоновые трусики и ночнушки вдруг выясняется – они же вредны для здоровья… И что тут делать нашим бедным дамам?!

Да, натуральный шелк дороже в несколько раз, но ведь и мы стали богаче. Даже натуральный шелк вполне доступен… ну, по крайней мере для среднего класса.

> *Для 70 % населения богатых стран Севера.*

А главное – одежда вообще перестала быть проблемой. Совсем. В богатых странах даже как-то и неприлично слишком уж следить за одеждой. Выезжающие из России часто кажутся одетыми слишком вычурно, чересчур ярко и богато. Чего это они?!

> *В Берлине и Франкфурте в нейлон одеваются женщины одного сословия – проститутки.*

Остальные одеваются в первую очередь удобно.

Да, у человека может возникать желание купить нечто более роскошное и дорогое, чем у него есть… Но это ведь уже не вопрос «нечем прикрыться». Это проблема другая – вопрос престижа, вопрос удовлетворения своих амбиций. Словом – вопрос удовлетворения потребностей второго порядка.

Потребности второго порядка

Разумеется, люди никогда не получат все, чего они хотят. Стоит удовлетворить одну потребность, как тут же станет важной другая. В этом и состоят потребности второго порядка – владение тем, что не необходимо, но либо приятно, либо престижно.

Стоит сделать что-то массовым, доступным почти всем, и тут же появляется нечто другое, чтобы служить признаком богатства. Что-то, что доступно не всем.

Решена проблема одежды? Но и одежда продолжает служить символом престижа. Все могут одеться, но не все могут купить платье «от Кардена». И – готово, общество опять разделилось на «владеющих» и «не владеющих». Одни имеют платья «от Кардена», другие – завидуют.

Дело ведь вовсе не в том, что эти платья невероятно красивые. Помню, как возмутился, увидев фотографию своей ученицы, сделанную на модном курорте в Египте:

– Наташка! Ты чего это разгуливала по Египту в ночной рубашке?!

Наталья возмутилась, стала вопить, что это вовсе даже платье и что его муж купил в Париже за большие деньги… Но хоть убейте – комбинация и комбинация. Причем ночнушка не первой свежести и не особенной прелести, не в обиду Наташеньке будь сказано.

Так же точно мало иметь автомобиль… Прошли времена, когда машина сама по себе была престижным символом. Теперь для того, чтобы возвыситься над остальными, «необходим» дорогой и модный автомобиль, который считается самым

современным и красивым. Чем какой-нибудь «опель-ниссан»[30] красивее и лучше «москвича» – я не пойму, наверное, никогда в жизни. Но ведь обладание «опелем-ниссаном», «ландкрузером» или «лексусом» и правда украшает жизнь владельца и делает его «важнее» и «главнее» владельцев «простых жигулей».

> *Другой вопрос – каким дураком надо быть, чтобы самоутверждаться через тряпки или железки.*

Однако: все это потребности второго порядка! Такие потребности все время появляются новые и новые. Наверное, они будут вечно, и чем сытее будет общество, тем эти потребности будут становиться все причудливее и удивительнее.

> *Издеваясь над обывателем, Шафаревич в 1960-е годы писал про мечту московского сноба: про «стереофонический унитаз»… Это он так шутил, но стереофонические унитазы – уже есть. Что на очереди? Летающий унитаз? Или пикирующий?*

Самое же главное: в обществе XXI века полностью удовлетворены не только все потребности первого порядка. Удовлетворены потребности второго порядка XIX и даже начала XX веков. Целиком.

Границы богатства и бедности

Конечно, богатство и бедность – очень условные понятия. В 1800 году среди дворян Российской империи считался бедным тот, у кого «всего» пятьдесят или сто душ, – то есть тот, на кого работало «всего» пятьдесят или сто человек. Среди крестьян считался бедняком тот, у кого не было лошади (а стоила лошадь 5 рублей – половину оброка).

И сегодня бедняк в США может показаться богачом в Китае, бедный предприниматель из Москвы кажется богачом в депрессивном райцентре.

Но критерии богатства все время возрастают. Стремительно.

Люди имеют все больше и больше. Чтобы считаться богатым, нужно иметь такие вещи, само существование которых показалось бы предкам чем-то скорее сказочным, чем реальным (автомобиль, телевизор, компьютер и так далее).

И мир в целом неизмеримо, несравненно богаче того, который мы оставили всего в 30–40 годах позади.

Глава 2. В мире невиданных возможностей

Скорости вокруг бешеные,
Мы едва себя сдерживаем.

Николай
Добронравов

О скоростях

Богатый человек XIX века имел свой выезд: в его персональной конюшне стояли 2, 3 или 4 лошади. Кучер ухаживал за лошадьми, запрягал их, подавал карету к парадному входу, барин ехал на работу, или вез семью в гости или в церковь.

Современный человек чаще всего ведет машину сам. Шофер – и дорого, и ненадежно. Но автомобиль имеет 40…60… 100… 150 лошадиных сил. «Выезд» современного человека – это целая конюшня богача X столетия. Рядовой человек начала XXI века имеет то, что имела кучка сверхбогачей XVIII столетия.

Более того – никакой барин, никакой вообще человек XVIII и XIX века, даже император любой из могущественнейших империй, не мог бы двигаться со скоростью 100 километров в час. Он не мог бы сесть в карету и помчаться так, чтобы приехать из Петербурга в Москву всего через несколько часов.

Скорости нарастают. В 1906 году роскошный «роллс-ройс» имел двигатель мощностью в 40 лошадиных сил. Еще в 1960-е мощность автомобильных двигателей была в 2–3 раза ниже современных. В 1980-е годы скорость в 100 километров в час казалась чрезвычайно высокой. Из Петербурга в Москву ехали все светлое время суток. Сегодня движение со скоростью 150–170 км в час вполне обычно. Часто скорость зависит не от возможностей автомобиля, а от качества трассы.

Так же растет скорость и всех других видов транспорта.

Первый паровоз Стефенсона в 1829 году двигался со скоростью около 20 км в час. Паровоз середины XIX века делал 20–30 км в час. В начале XX века – выдавал надежные 40 километров. Тепловоз 1920-х годов сразу же «выдал» 60 километров в час.

В 1905 году из Москвы в Красноярск ехали 8 суток. В годы моего детства ехали 4 суток. Сегодня скорость определяют не в сутках, а в часах: от 67 до 76 часов, в зависимости от расписания поезда.

А появились и сверхскоростные поезда. В 1972 году в Японии поезд между Токио и Йокогамой двигался со скоростью 200 км в час, и это признавалось чем-то исключительным, выдающимся. Сегодня такие поезда связывают основные центры Европы. Пересечь на поезде всю Англию за 2 часа, всю Францию за 3 часа – самое обычное дело. «Сапсан» между Москвой и Петербургом идет те же самые 3 или 3 с половиной часа.

«Ускоряется» и авиация. Самолеты 1920-х годов имели смотровые площадки. Во время полета можно было выйти из салона, постоять и покурить на свежем воздухе.

Современные самолеты в этом смысле менее комфортны, но еще в 1970-е из Красноярска в Петербург летели 7 часов, делая посадку в Нижнем Новгороде (тогда – в Горьком). Сегодня летят 4 или 4 с половиной часа, без посадок.

Сверхзвуковые самолеты «Конкорд» созданы уже в 1970-е годы, они летали со скоростью более 2 тысяч км в час. Их пришлось снять с эксплуатации после повышения цен на топливо и из-за неготовности большинства аэропортов принимать «Конкорды». Обледенела полоса, а сажать самолет становится некуда – поблизости нет полосы, способной принять такой самолет. Ненадежна, получается, инфраструктура, слишком ненадежно все… Но летать со скоростью более 2 тысяч км в час мы уже можем. И уверен, летать с такой скоростью мы еще будем.

Водный транспорт?

В 1869 году сошел со стапелей самый быстрый в мире парусный корабль – чайный клипер «Катти сарк», что в переводе значит – «Короткая рубашка». Если верить легенде, владелец клипера, Джон Уиллис, был очарован картиной, изображавшей ведьму в короткой ночной рубашке, летящей на шабаш. Он хотел назвать корабль «Морская ведьма», но суеверные моряки боялись плавать на корабле с таким названием. «Пришлось» назвать клипер более нейтрально, но носовую фигуру в виде ведьмы все-таки сделали.

Это было неправдоподобно скоростное парусное судно. В начале-середине XIX века до Индии плыли в среднем 5–6 месяцев, до Австралии – 6–8 месяцев. А клипер «Катти Сарк» привез с Цейлона чай нового урожая 1872 года «всего» за 122 дня. После построения Суэцкого канала клипер проходил из Австралии до Англии за 67 дней. Такая скорость и правда казалась чем-то «ведьмовским».

Сегодня самый большой в мире танкер, Knock Nevis (раньше он назывался «Happy Giant», потом «Jahre Viking»), выдает скорость порядка 22 км в час, делая в сутки порядка 450 км. Это далеко не самый скоростной корабль, а ограничения его

эксплуатации тоже связаны с инфраструктурой: корабль с осадкой более 20 метров не может пройти через Суэцкий и Панамский каналы, его трудно поставить у пирсов.

Скорость же судов на подводных крыльях может превышать 100 км в час. На морях такие суда почти не применяются – опасны в случае шторма. А вот на реках они совершенно вытеснили медленно двигавшиеся теплоходы.

В 1900 году пароход проходил от Минусинска в верховьях Енисея до Дудинки в его низовьях за 8 дней. Обратно, против течения – за 12 дней. В 1965 году теплоход проходил то же расстояние за 4 дня и 6 дней соответственно. В 1960-е годы на теплоходах плыли, любуясь медленно разворачивавшимися по берегам красотами природы, молодежь плясала на палубе.

Теплоходы ходят по Енисею и сегодня – прогулочные суда, с борта которых удобно показывать туристам красоты великой реки. А скоростные суда проходят те же расстояния менее чем за сутки.

О расстояниях

Эти скорости совершенно изменили отношение к расстояниям. Вообще масштаб земного шара принципиально уменьшился для цивилизованного человека. В XVIII веке из Парижа в Берлин ехали 2–3 недели. Из Берлина в Петербург – те же верные 3 недели, а в весеннюю распутицу и дольше.

Европа казалась громадной, потому что проехать ее можно было только за недели и месяцы пути в карете или, зимой на севере, в санях. Дилижансы? Она ходили далеко не везде и к тому же были очень недемократичны по цене.

Система каналов, где идущие вдоль берега лошади тащили баржи? Тоже не быстро, не везде и дорого.

А в стороне от больших дорог, в считанных километрах, начинается глушь непролазных дорог, больше похожих на тропы. Во многих районах Европы – на плато Испании, на юге Италии, в Севеннах, юго-западе Франции, в горах Гарца, на большей части Прибалтики и Польши, в Шотландии, вообще нет хороших дорог. Ехать в те места – значит организовывать настоящую вооруженную экспедицию: волки, медведи, разбойники – вовсе не мифологические персонажи. Это позже истории про разбойников и волков стали казаться веселыми – именно потому, что волков можно стало увидеть в основном в зоопарке, а разбойников – в полосатой одежде и на строительстве дорог.

До XX века в глухих районах Европы ходили не очень приятные рассказы о чудовищных зверях и человекоподобных

монстрах… И не все в этих историях вранье. В 1764–1767 годах (в середине XVIII века!) в самом центре Франции появилось чудовище: громадный то ли пес, то ли волк. Сколько сожрал людей «жеводанский монстр», не известно. Чаще всего упоминают 134 нападения, 55 из которых закончились гибелью жертв. Когда тварь наконец застрелили, голову и шкуру послали знаменитому Кювье, но и тот не мог определить, с чем имеет дело. До сих пор ведутся споры, что это было за создание – говорят даже, что это был саблезубый тигр, гигантская гиена или реликтовый, вымерший 40 млн. лет назад зверь креодон.

Даже вблизи городов, в хорошо освоенных людьми районах, до появления поездов двигались медленно. Имение, которое лежало в 30 километрах от города, – это имение, до которого день пути. Если ехать с семьей, тут целое приключение, сколько всего надо взять.

Все изменилось с появлением железных дорог. Королева Виктория сказала, что в Англии не должно остаться мест, лежащих больше чем в 10 милях от станции железной дороги. В невероятную глушь, в Баскервиль-холл, затерянный среди унылых, страшных болот, надо ехать около часу от станции… И правда – какая невероятная глухомань!

…А во времена, когда непутевый Гуго Баскервиль бесчестил фермерскую дочку и был пойман чудовищной собакой, из Лондона в тот же самый Дортмур ехали не считанные часы, а двое-трое суток. Россия до железных дорог тем более казалась неправдоподобно громадной, даже одна ее европейская часть. Месяц, а то и два месяца пути лежали между Архангельском и Азовом. В 1868 году Василий Суриков с «золотым поездом» ехал из Красноярска в Москву. Два с половиной месяца езды в санях… Устал ехать – идешь рядом с санями. Лошади ускорили шаг или устал идти – опять садишься. День пути по морозу, ночевка в душной тесноте протопленной избы, и с утра опять весь день движения…

В старости Суриков приезжал в Красноярск на поезде… Всего 8 суток езды, и не ты едешь или идешь, а тебя везут. Пьешь чай и спишь в удобном купе, обедаешь в вагоне-ресторане… Совсем другой уровень комфорта.

С ростом скоростей движения автомобилей и поездов стало «близким» то, что вчера еще казалось «отдаленным». Сто километров от города?! Еще 30 лет назад в такой глуши не мог поселиться человек, которому надо на работу. В наше время и 200 км – не расстояние. Два-два с половиной часов езды на машине, всего-то. В результате изменяется не только оценка расстояния, но и представления о масштабах города, и стоимость

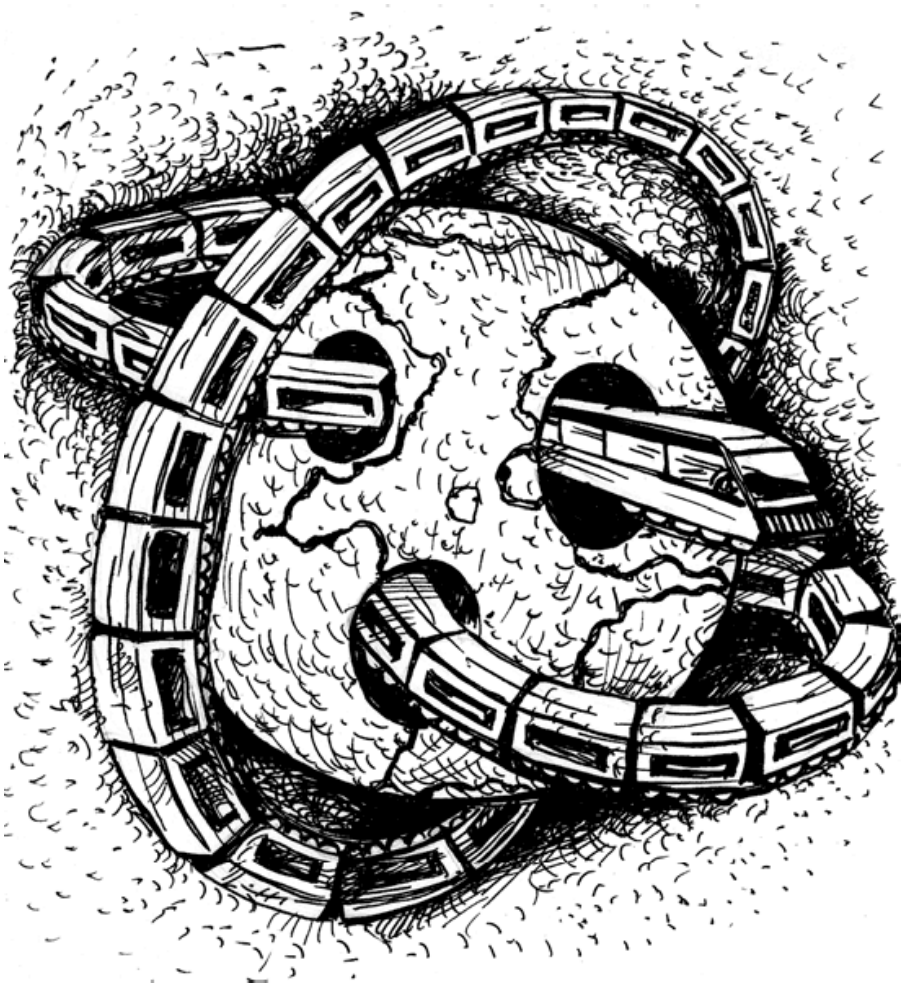
недвижимости. Маленькие пригородные городки, деревушки возле трасс вдруг оказываются прекрасным местом для жизни: до города-то рукой подать!

Перед самой Первой мировой войной знаменитый профессиональный охотник Хантер не стал покупать землю в тоже знаменитом кратере Нгоронгоро. Купил бы – стал бы богат – сейчас там находится заповедник Серенгети и отель «Тритопс», организующий «сафари» за баснословные деньги.

Но тогда до Нгоронгоро было не два часа автомобильной езды по хорошей автостраде, с кондиционером, а двое суток езды на волах по пыльной проселочной дороге, по африканской жаре.

Авиация и поезда сделали маленькими европейские страны. Из Берлина в Париж? 10–12 часов езды на автомобиле. Из Кракова во Франкфурт? 15 часов на автобусе.

Даже Россия стала «маленькой». Из Петербурга в Воронеж? Из Москвы до Ростова? Из Смоленска в Казань? 10–12 часов на машине. На поезде чуть подольше. На самолете – меньше трех часов летного пути… Рискуешь дольше ехать в аэропорт и потом из аэропорта в пункте назначения, чем лететь между аэропортами.



О путешествиях

Путешествия в другие страны чаще всего были уделом военных – они шли в походы. Еще ездили купцы не из мелких – по делам.

Путешествие туриста? Для собственного удовольствия? Это всегда было уделом не для бедных.

Даже первые два способа путешествовать в XX веке куда более распространены, чем раньше. Сколько солдат Карла XII путешествовало по странам Европы в начале XVIII века? 20 или 30 тысяч человек. Спустя сто лет с Наполеоном шло не менее миллиона солдат. Все они побывали хотя бы в одной какой-то стране, кроме родной Франции. Не меньше 300 тысяч русских солдат побывали в Польше, Австрии, Германии, а тысяч сто

пятьдесят – и во Франции. Для тех времен – огромное число простолюдинов!

Но в XX веке в составе армий Мировых войн побывали за границами своих Отечеств десятки миллионов людей. Совершенно другой масштаб событий… Другой уровень вовлеченности в них массового человека.

Число деловых людей, пересекавших границы стран Европы даже в конце XIX века, уже в эпоху железных дорог, – десятки тысяч людей. В конце XX века это уже миллионы. Если считать гастарбайтеров и студентов – уже десятки миллионов.

В 1800 году туризмом занимались богатые аристократы, несколько десятков тысяч в масштабе всех стран Европы. Наверное, такое же число богатых римлян разъезжало по тогдашней Римской империи.

В 1900 году за пределами своих стран путешествовало около 6 миллионов европейцев. Немало! Но в 2000 году их было уже до 50 миллионов. Каждый десятый житель Европы на протяжении года хотя бы ненадолго выехал из своей страны… Это колоссальный процент.

В Российской Федерации – как у всех. В 2000 году за рубеж выехало 13 млн. человек – то есть каждый одиннадцатый житель Российской Федерации. Еще 40–50 млн. отдыхали не там, где они работают, – то есть на морских побережьях и в других городах.

В наше время образ жизни аристократов и богачей – повседневность миллионов и десятков миллионов.

Жители земли

Во времена фараона Нехо, около 600 года до Р. Х., финикийские моряки обогнули Африку. Они плыли три года и рассказывали о своем путешествии странные «сказки»: например о том, как солнце стояло прямо над головой, а потом опускалось все ниже… Современникам эти истории казались совершенно неправдоподобными.

Римляне знали глобус, представляли себе масштабы Земли и ее шарообразность. Они принимали всерьез рассказ Геродота о плаваниях финикийцев… Но и для них побывать в Южном полушарии было невероятным приключением. Римляне знали области Центральной Африки, но, похоже, не проникали до ее юга.

Возможно, римляне несколько раз за тысячу лет сплавали в Южную Америку. Сирийские евреи, подданные Великого Рима, дважды побывали в Китае, где выдавали себя за послов Рима.

И это все. Никаких регулярных путешествий.

Исключительные, особенные мероприятия, крайне редкие.

Дальние морские путешествия предпринимали арабы – и до, и после принятия ислама.

Христианские миссионеры достигали Индии и Центральной Азии.

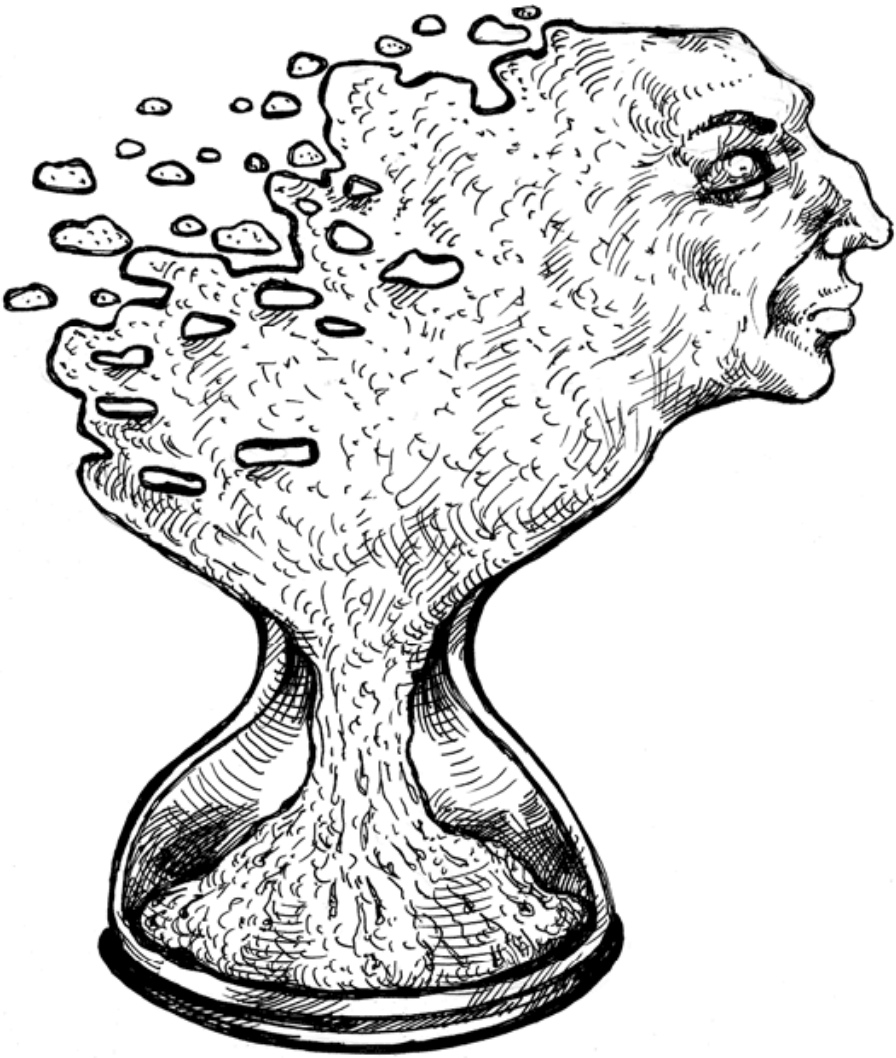
Но и тут никакой регулярности.

В XV веке китайцы послали для изучения Земли огромную эскадру, отдельные корабли которой достигали и Америки, и Европы, и Новой Зеландии. Это было однократное мероприятие, невероятно дорогое, практически разорившее Китай.

XVI–XVIII века не зря называли Эпохой Великих Географических открытий. Впервые появилась культура, которая не просто теоретически осмыслила существование земного шара, а начали его постепенно осваивать. Но и первые путешествия европейцев – чудовищно опасные, убийственно тяжелые приключения. Первое кругосветное плавание Фернандо Магеллана продолжалось с 1519 по 1522 год. Из 280 участников вернулось домой 36.

Колониальные империи породили слои офицеров, чиновников, ученых, живших вне Европы постоянно. Массовое переселение европейцев за океаны породило новые нации австралийцев, канадцев, американцев, латиноамериканцев, буров Южной Африки, новозеландцев.

В середине – конце XIX века сложилось ощущение себя как владык всего земного шара. Возникло оно у образованного слоя строителей Британской империи, над которой никогда не заходило солнце. Сотни тысяч англосаксов могли селиться в самых разных областях земного шара, путешествия в разные части света сделались для них бытовой нормой.



Зная весь земной шар, эти люди начали пугать самих себя не чудовищами, притаившимися в джунглях или в глубинах океана, а инопланетными чудищами. «Война миров» Герберта Уэллса – первое художественное произведение, в котором землянам угрожает нечто из космоса.[31] До этого Уэллс пытался пугать читателя то разумными ядовитыми муравьями, то чудищами из глубин океана, то орхидеями-людоедами,[32] но космические «страшилки» получились у него намного лучше. Ведь образованные британцы перестали бояться чего бы то ни было на Земле. Все и везде стало «свое», понятное и привычное.

А к середине XX века число учивших географию по глобусу, путешествующих по разным странам и материкам превысило некую критическую массу. «Земшарное» сознание стало

достоянием не кучки ученых джентльменов, а буквально десятков миллионов людей.

В наше время и переселение в Австралию или Америку – дело достаточно бытовое. Причем уезжают не навсегда, чтобы начать новую жизнь в Новом Свете. Едут на ограниченный срок, планируя вернуться через какое-то время.

И любые путешествия в любые места Земли стали обычными. Новый, 2010 год несколько петербуржцев решили встретить… в Антарктиде. Сказано – сделано. Самолетом в Аргентину, там наняли кораблик…

28 января 1820 года члены экспедиции Беллинсгаузена первыми из людей увидели черные откосы – коренную землю Антарктического материка. Это было грандиозное географическое открытие, подвиг, великое свершение в ходе опаснейшей экспедиции. Ровно 190 лет спустя, в ночь на 1 января 2010 года двенадцать легкомысленных людей обоего пола подняли бокалы в виду тех же черных откосов Земли Александра I. Не подвергаясь почти никакому риску, в комфортном салоне теплохода.

О наших лицах

Мы не знаем, как выглядел фараон Хеопс, создатель величайшей пирамиды. Мы знаем, что Хеопсом называли его греки, а настоящее его имя было Хнум-Хуфу, что означает – «Меня защитит бог Хнум». Мы знаем, что жил он то ли в 2551–2528 годах до Р. Х., то ли в 2589–2566 до Р. Х… но внешность Хнум-Хуфу, Хеопса, нам известна только по официальным парадным статуям. В этих изображениях внешность царя идеализирована, обобщена… Это не портреты, а каменные вечные иконы.

Мы знаем, что первую в истории пирамиду построил фараон Джосер, или Хор Нечерихет, живший в 2635–2611 до Р. Х. Это при нем окончательно объединили Верхний и Нижний Египет, воздвигли первую в истории Земли ступенчатую пирамиду. Есть единственное изображение фараона – напыщенное и парадное. Но не дошло вообще никаких изображений его родителей – фараона Хасехемуи и его жены Нимаатхеп. Нет даже самых скверных изображений великого ученого, жреца Ипусера. Это Ипусер придумал строить пирамиды, но как он выглядел, мы не знаем.

Мы знаем, как выглядели римские императоры. Их изображали уже портретно, изваяния некоторых делались несколько раз, в разные периоды жизни. Мы знаем, как выглядели в юности Гай Юлий Цезарь и Октавиан Август, как изменился с годами Тиберий. Иногда известны их приближенные… самые

богатые и знатные.

Но как выглядели рядовые римляне? Не самая верхушка знати, а центурионы, предприниматели, частные лица? Римлянин стремился сохранить память о предках, но мраморный бюст стоил дорого. 90 % римских граждан не могли хранить бюстов или делали их из ненадежной, легко рассыпающейся глины.

А как интересно было бы увидеть этих рядовых, обычных людей!

Во время триумфа Юлия Цезаря за ним шли сотни людей… Об их внешности мы не имеем ни малейшего представления.

Во время одной из битв с турками в XI веке некий легионер крикнул византийскому императору Мануилу:

– Да покажи ты им, что носишь штаны!

Воин имел в виду: покажи им, что ты мужчина.

Мы знаем, как выглядел Мануил, но не знаем, как выглядел римлянин, кричавший «обидку» своему императору.

Масляная живопись сделала изобразительное искусство несравненно более демократичным. С XV–XVI веков портретные галереи появились у многих дворян, потом и у верхушки горожан. Но стоимость портрета – это стоимость недели, а то и месяца квалифицированного труда, купить его могли далеко не все.

Когда 14 декабря 1825 года был приказ: стрелять из пушек по толпе у Медного всадника, некий солдат опустил раскаленный прут, крикнул своему офицеру:

– Ваше благородие… свои…

Офицер оттолкнул его, сам поднес прут к пороховой дорожке. Как выглядел этот офицер? Этот солдат? Мы не знаем.

Как выглядел Василий Петров, впервые описавший электрическую дугу в 1802 году? Как выглядели матросы, впервые закричавшие «Земля!» при виде мерзлых скал Антарктиды?

Даже с появлением фотографии не все стало сразу, как у нас. Фотография на стеклянные пластинки делалась долго и дорого, фотографируемые долго сидели неподвижно. Первые фотографии – застывшие чопорные фотопортреты.

Но фотография во-первых, сделала массовым явлением хранение облика предков. Фамильный альбом – та же портретная галерея предков, только не в старинном замке, а в современной квартире. То, что имели императоры Рима, а потом 2 % населения Европы XIX века, теперь имеют абсолютно все.

Во-вторых, открылась возможность жанровой фотографии. Как придворный художник XVIII века зарисовывал игры королевских чад, так папы и мамы увековечивают младенцев в пеленках… детей 2–3 лет… семилетних… Как рисовались

празднества при дворе, так мы фотографируем и выкладываем в Интернет фотки с пустейшей вечеринки – такой же пустой, как королевская пьянка XVIII столетия.

О звуковой информации

Современный человек имеет то, что в 1800 году могли иметь от силы 1 из тысячи или даже из 10 000 человек. Ведь иметь магнитофон – это то же самое, что иметь крепостной оркестр.

Иметь телевизор и видеосистему – то же самое, что иметь крепостной театр.

Видеосистема и магнитофон даже лучше, потому что никакой частный оркестр и никакой крепостной театр никогда не могли иметь такого громадного репертуара.

И даже более того…

Мы знаем, что в 1747 году директором театра Друри Лейн в Лондоне стал великий актер Дэвид Гаррик. Он собрал в театре лучших актеров, создал ансамбль, ввел регулярные репетиции. Но мы никогда не видели игры Гаррика, не слышали его голоса. И вообще судим о нем только по отзывам современников.

А вот об игре Николая Тихонова можно судить не только по тому, что говорят смотревшие «Семнадцать мгновений весны». Можно и самому посмотреть. Можно не только знать, как оценивали современники специфическую хрипотцу Владимира Высоцкого, можно и самому составить о ней мнение.

Жаль, конечно, что мы никогда не услышим голосов Пушкина и членов его семьи… Да и голоса фараона Нехо, и служивших ему финикийцев. Не увидим и не услышим мы и воина, кричавшего императору Мануилу. И не сможем посмотреть, как повернул голову Мануил на этот крик.

А мы, родившиеся и живущие после этих открытий, можем не только слышать и видеть государственных деятелей, участников исторических событий, актеров и певцов. Мы можем оставить в семейном архиве даже голоса своих умерших родственников. Можем сохранить их облик в динамике, на кино– и видео-пленке. Это, может быть, ничем не выдающиеся люди… Но они могут сохранить свои голоса и свой облик, а великий Гай Юлий Цезарь – не мог.

Мы не задумываемся… Технические чудеса уже так привычны нам, что мы не обращаем на них внимания.

О связи

Даже самый примитивный телефон, когда «барышня» на

станции связывала нас с абонентом, открывал невиданные возможности. А уж тем более автоматический телефон с международной и междугородной связью. Возможность взять и поговорить с кем-то на другом конце Земли – это тоже возможность, которой не имели ни Юлий Цезарь, ни Наполеон Бонапарт.

Не буду распространяться о факсе и телефаксе… И так все более-менее ясно.

Отмечу только, что очередная революция в средствах связи прошла почти что мимо нашего сознания: появление мобильного телефона. Революция это ничуть не меньшая, чем появление железных дорог, но весело гудящие паровозы вызвали прилив энтузиазма, а вот мобильники все приняли как должное. Объяснить можно только одним: все так привыкли к научно-техническим революциям, что уже перестали реагировать.

Революция эта произошла неожиданно, попутно упразднив несколько профессий: например, радиста и штурмана на кораблях дальнего плавания. Зачем нужен штурман, если можно в любой момент определяться по системе спутниковой связи? Зачем радист, если есть надежный мобильный телефон?

Никто ничего подобного не предполагал и даже в научной фантастике не появлялось образа подобного телефона.

У Ефремова, предсказавшего не одно научно-техническое изобретение, в «Туманности Андромеды» есть описание колоссального, этажа в три, здания для телефонной связи со всем миром. Главный герой приходит в такое сооружение, чтобы позвонить другу на Цейлон…[33]

В другой книге у Ивана Антоновича есть великолепная фраза: «Как ни был мудр Мен-Кау-Тот, как ни велик был подвиг Баурджеда, разве могли они знать, что настанет время, когда путь из Белой Стены в страну духов [то есть из столицы Древнего Египта на юг Африки – *А. Б.]* будет совершаться беззаботными юношами по воздуху за время, недостаточное, чтобы выполнить обряд утреннего омовения, когда исчерпаются пределы мира на всей земле и люди, гораздо более могущественные, чем страшные зверобоги Черной Земли, обратят свои помыслы к путям между звездами! Ничего этого не подозревала ограниченная мудрость древнего человека, и первый дальний путь по океану казался неповторимым, невероятным подвигом».[34]

Именно так!

Мы могущественнее, чем божества, придуманные язычниками. Ведь ни Гор или Тот, или иные боги Древнего Египта, ни Зевс-Юпитер, Посейдон-Нептун или Аид-Плутон из греко-римского пантеона не могли бы совершить и пятой части

того, что мы делаем легко и просто.

К тому же мы знаем намного больше любых языческих богов. Не мог Зевс или Тот перелететь на самолете в Австралию – просто потому, что не имел никакого представления ни о самолетах, ни об Австралии.

Глава 3. В мире массового образования

Образование предполагает, что люди учатся, проводя в учении сколько-то лет своей жизни – обычно детьми или подростками. Еще образование означает, что люди хоть чему-то научаются, приобретают знания, могут читать книги.

Что ж… Письменность известна примерно последние 7–6 тысячелетий. При этом только в VIII–XIX вв. до Р. Х. возник финикийский, а потом и греческий алфавит – буквенная письменность.

Написанная буквами книга совершенствовалась: в I–II вв. по Р. Х. вместо свернутого свитка появилась книга со страницами, разбитая на части и главы, со ссылками и справочным материалом. С XII–XIII веков появляется чтение про себя. До этого читаемый текст произносили вслух, автор как бы разговаривал с читателем.

До этого времени буквенное письмо распространяется по всей Евразии, кроме Дальнего Востока, цитадели иероглифики: опять шло распространение цивилизации вширь.

В конце XV в. появилось книгопечатание, и печатная книга, совершенствуясь, завоевывает мир…

Итак, четыре информационные революции: письменность, алфавит, книгопечатание, компьютер. Четыре способа получать образование, четыре способа сделать его все более массовым.

Революция письменности

Писать иероглифами трудно, учиться этому надо долго. Примитивное земледелие бронзового века не позволяло оторвать от производства многих людей. Знавших грамоту была кучка – меньше 1 % всего населения. В Древнем Египте жило от 6 до 8 миллионов людей – а грамотных было несколько сотен в каждом поколении. Не «сотен тысяч», а сотен. Одновременно на земле жили от силы тысяча или полторы тысячи знавших иероглифы египтян – на весь Египет. Все, что мы называем «культурой Древнего Египта», – литература, научные тексты, статуи, начатки математики и астрономии, представления об окружающем мире, медицина – все это создано такой вот кучкой образованных людей.

По современным понятиям, плохо образованных – египтянин учился самое большее 8 лет; в ходе этой «восьмилетки» он усваивал только самые общие, самые примитивные знания. Эти знания в него самым буквальным образом вколачивали, заставляя

зазубривать и смысл каждого значка, и священные гимны, и знания о географии или медицине. «Ухо мальчика на его спине» – говорили они. Будь этих знаний побольше, египтяне, вероятно, просто убивали бы своих детей по дороге к образованию.

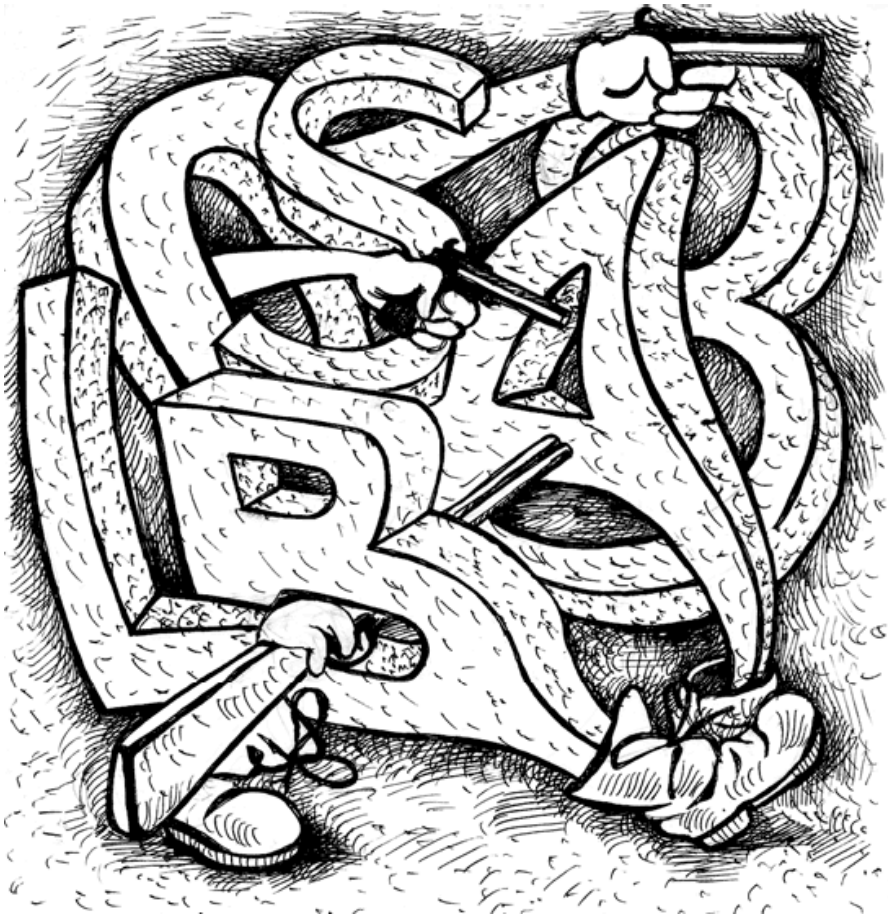
Тысяча или две – грамотных. Среди них, конечно, были не только заурядные, но образованные люди, появлялись и выдающиеся личности. Они десятилетиями думали о чем-то, писали сложные тексты, создавали интересные теории. Это были отдельные люди, и не всем из них было кому передать свои знания. Иногда какие-то истины делали достоянием храмов или жрецов одного из страшных звероголовых богов. Это была групповая тайна, секретное знание… которое могли веками передавать как то, что надо хранить любой ценой.

Много раз происходило одно и то же: во время эпидемии чумы, вражеского нашествия, голода погибали все, кто знали какую-то тайну, владели некой истиной. Ведь «знающих» было буквально несколько человек.

Революция алфавита

Если верить греческим мифам, то в VIII веке до Р. Х. основатель города Фивы и сын финикийского царя Агенора по имени Кадм приехал из Финикии и привез оттуда начертания букв. Кадм – фигура одновременно и историческая, и мифологическая. Вполне возможно, он жил не в VIII, а в XIV–XV веках до Р. Х. В Фивах XIII–XVI веков до Р. Х. была большая колония выходцев из Финикии и из Сирии – возможно, рождение алфавита происходило именно там… Трудно сказать, в какие именно сроки.

В любом случае, греки завершили создание алфавита: финикийцы никак не обозначали гласные звуки; смысл даже простенького слова оставался неясен, о нем нужно было догадываться. Греки стали обозначать и гласные звуки – каждый особым значком. Родился первый алфавит. Кадма афиняне обожествили и поставили ему мраморную статую на одной из площадей. Жаль, статуя не сохранилась, и как выглядел Кадм, мы не знаем.



Учиться грамоте было по-прежнему трудно, потому что значения букв и их названия приходилось заучивать наизусть. В учеников буквально вколачивали эти буквы, но число грамотных все же расширилось. Теперь грамотными были несколько тысяч человек в каждом из крохотных городов-государств – полисов. В Афинах жило не больше миллиона человек, а грамотных было больше, чем во всем Египте с его 8 миллионами населения.

Одновременно с греками у древних иудеев появилась религиозная норма: «познай Бога своего». Познать Бога можно было через чтение Священного писания и через тексты тех, кто до тебя его изучал. Грамотность у иудеев стала массовой – буквально десятки тысяч человек читали Библию, комментарии на тексты Библии и комментарии на комментарии.

Новые знания и идеи греки и иудеи не делали страшными тайнами, запретными для непосвященных. Они обсуждали эти идеи, спорили о них и уважали умников, писавших новые тексты.

В Риме грамотность окончательно стала по-настоящему

массовой. Римляне все чаще заменяли наказания соревнованием учеников, привлечением их интереса. Учиться стало легче, можно было усваивать сколько угодно знаний, не опасаясь быть искалеченным.

Грамотными стали все граждане. В I веке до Р. Х. – I веке по Р. Х. на 80 или 100 миллионов жителей Римской империи приходилось не менее 4–5 миллионов грамотных по-латыни, не меньше миллиона грамотных по-гречески. Даже пароль в армии не произносился вслух, а записывался: варвар мог и выучить незнакомое слово, а вот читать он, как правило, не умел. В этом скопище бесследно тонули та тысяча или две тысячи египетских жрецов, которые знали иероглифы, несколько сотен ученых арамеев-сирийцев, еще знавших клинопись.

Тысячи людей имели время и средства, чтобы долго учиться, познавать новое, накапливать знания – не просто грамотных, а образованных людей. Многие учились в грамматических школах – прообразе университетов.

Революция книгопечатания

Между 1440 и 1450 годами ювелир и шлифовщик зеркал Иоганн Генсфляйш цур Ладен цум Гутенберг первым начал изготовлять из металла «подвижные» выпуклые буквы, вырезанные в обратном виде. Он набирал из литер строки в специальном коробе и с помощью пресса оттискивал на бумаге.

Сам Гутенберг мало что получил от своего изобретения – у него не было средств для открытия своей типографии. Но джинн вылетел из бутылки: книга стала массовой и намного дешевле рукописной. К 1600 году в Европе были уже миллионы экземпляров книг, на всех европейских языках.

Можно долго рассказывать, как росла и совершенствовалась система образования в школах и университетах, и посвятить этому не одну книгу. Главное – число и грамотных, и образованных резко возросло, в богатых городах создавались все более совершенные школы.

Многие протестанты требовали, чтобы все были грамотны и могли сами читать Библию. В 1598 году город Страсбург первым потребовал знания грамоты от всех своих граждан. В Шотландии требовали учить в школе детей дворян и свободных горожан с 1496 года, всех детей – с 1616 года.

В Австрии приняли закон об обязательном начальном образовании в 1774 году, в Пруссии – в 1763 году.

К середине XIX века даже самые отсталые страны Европы ввели обязательное начальное образование. Грамотных стало

десятки миллионов, они составили большинство населения. То, что раньше было только у иудеев, стало частью жизни всей Европы.

К 1800 году университеты Европы выпускали каждый год десятки тысяч образованных людей. К 1990 году – сотни тысяч.

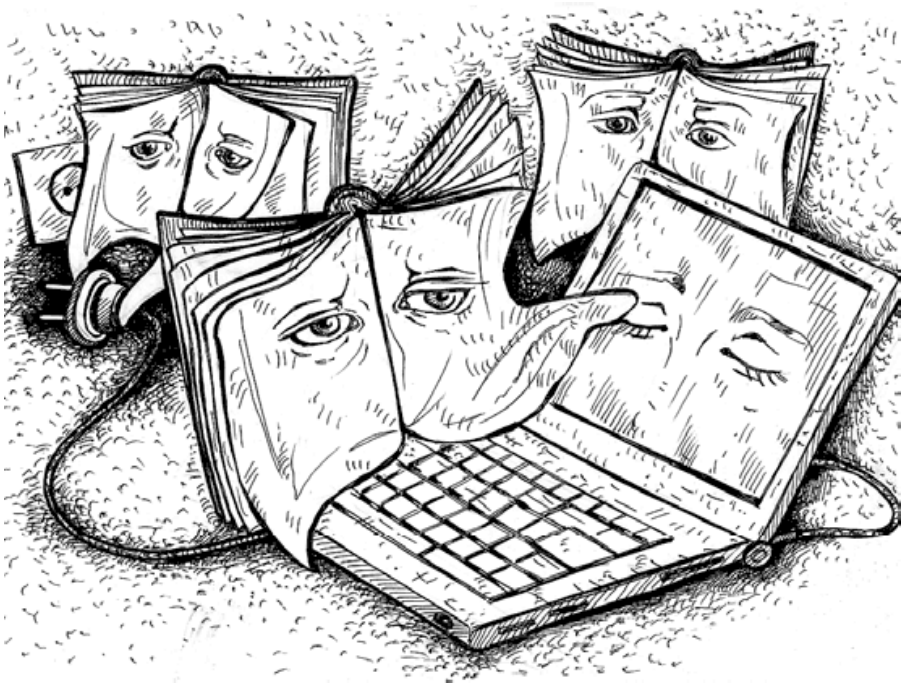
Массовое образование стало нормой… И тут же начало изменять сознание уже не кучки образованных людей, а миллионов. И не только сознание! Образование изменило человека биологически.

Отбор на грамотность

Появление новых информационных технологий сразу и беспощадно делило общество на тех, кто овладел, и тех, кто не овладел.

Чтобы читать книги, нужно долго учиться грамоте. Это трудно. Чтобы читать, нужно по нескольку часов в день сидеть неподвижно, сосредоточившись над текстом, выключаясь из активной жизни. Невозможно читать и писать, а одновременно бегать и прыгать, даже просто ходить. Чтение практически в 100 % случаев ухудшает зрение читающего. Читающий ведет более пассивный образ жизни, чем неграмотный. Как правило, он физически менее здоров.

Овладение грамотой всегда, во всех без исключениях случаях происходит за счет утраты некоторых качеств. В частности, таких, без которых не может существовать первобытный охотник, даже земледелец.



Для того, чтобы чтение и письмо стало частью человеческой судьбы, нужно проявить некий набор качеств. Наличие или отсутствие этих качеств жестко разделяют популяцию. Одни легко проявят усидчивость, настойчивость, хорошую память, интерес к отвлеченным проблемам, интеллект… Для других книжное учение – мученье. Одним нравится читать и записывать значками свои мысли, встречаться с мыслями других людей, порой живших очень давно. Их привлекает напряженная работа мысли, решение интеллектуальных задач, накопление опыта.

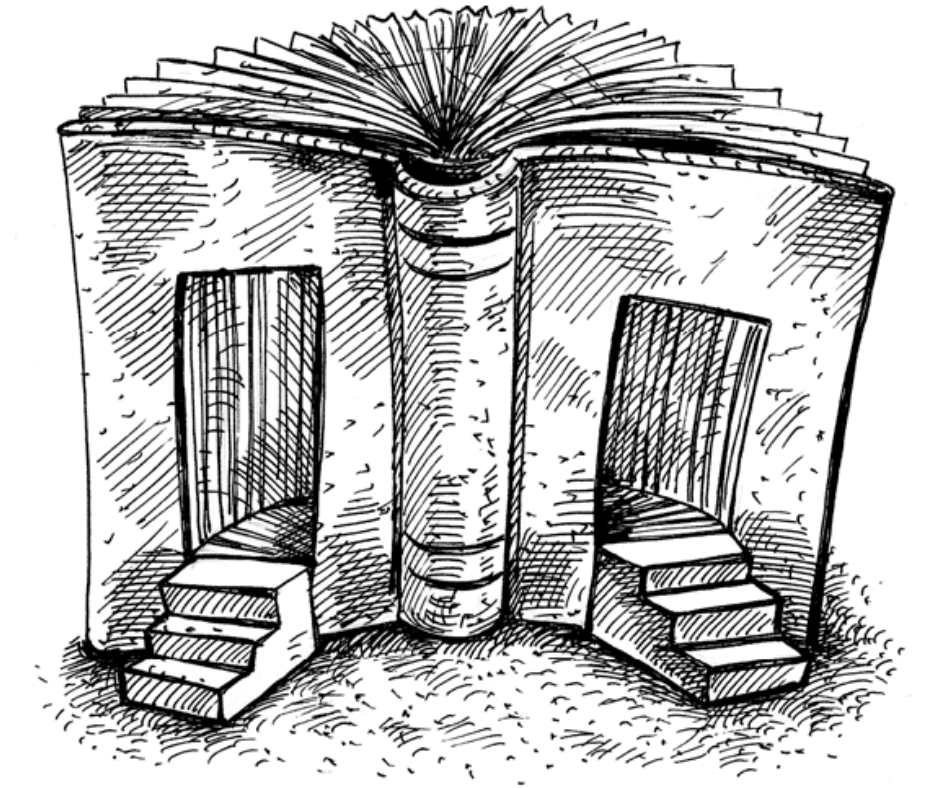
Другие дети к этому в лучшем случае равнодушны… Им бы побегать.

Еще в XVII в. на Руси считалось, что каждого третьего ребенка научить читать и писать невозможно – их «не умудрил Господь». Не обучишь ты их, хоть ты тресни.

В XIX – начале XX в. появились поголовно грамотные нации, и педагоги предположили: все дело здесь в методике обучения. Они считали: надо учить более гуманными способами – и грамотой смогут овладеть абсолютно все. Но быстро выяснилось два весьма «пикантных» обстоятельства.

Во-первых, «внутри» самых грамотных, самых читающих обществ всегда сохраняется какой-то пусть небольшой процент неграмотных. И не клинических идиотов, не жертв родительского запоя, не последствий воспитания в среде подонков общества. Нет, совершенно нормальных людей. Они умны и обладают

самыми достойными чертами характера – отзывчивостью, интеллектом, чувством юмора и т. д. Они обычны во всех отношениях, кроме одного – ни добром, ни самой грандиозной поркой невозможно научить их грамоте.



Они могут страшно стесняться своего «порока», скрывать его изо всех сил. Они могут многого достичь в профессиях, не требующих грамотности. Среди них есть коммивояжеры, автомеханики, актеры, квалифицированные рабочие. Но научить их грамоте нельзя. Нельзя, и все тут.

Данных по России у меня нет, но в Англии функционально неграмотно 15 % населения. Думаю, что у нас – больше.

Во-вторых, в XX веке начали овладевать грамотой до сих пор бесписьменные народы. Причем не кучка аристократов, а сразу все или почти все. Например, с 1960-х годов завели школы для индейцев Южной Америки, кечуа и аймара. И выяснилось – третья часть детей грамоте не обучаема. На самых простых алфавитах, на основе латиницы. При самом гуманном отношении педагогов. При самом сильном желании научить. Выходит, не так уж не правы были предки… Есть люди, которых «не умудрил Господь», есть!

Но почему же тогда у народов более цивилизованных обучаемы… ну, почти все?! Почему грамотны практически 100 % евреев? Ответ может показаться невеселым, даже мрачным: а потому, что у этих народов необучаемые уже вымерли. Сначала появление новой культуры беспощадно отобрало тех, кто обладает нужными качествами. А потом, и так же беспощадно, обрекло на неуспех, на неквалифицированную работу, на низкий социальный статус… на малодетность и бездетность тех, кто нужными качествами не обладал.

Изменения в условиях существования

Кроме того, массовая грамотность изменила условия существования людей.

Во-первых, возникла специализация. Специализация только нарастает.

В X веке в крупнейших городских центрах было от 20 до 60 ремесленных специализаций и 3–4 интеллектуальные специализации.

Сегодня известно до 30 тысяч профессий и до 10 тысяч разных наук. В одной медицине специализаций уже сотни.

Во-вторых, всех вообще написанных текстов стало много. Очень много.

Библиотеки Древнего Вавилона и Ассирии известны… В них хранилось самое большее 20–30 тысяч глиняных табличек с текстами. Большая часть этих текстов – хозяйственные записи, подсчеты хранящегося зерна и металла и так далее.

Легенды, мифы, литературные произведения, стихи, ученые трактаты… их всего несколько сотен. Каждый вавилонянин мог прочитать ВСЁ, что написано на вавилонском языке. Мог знать ВСЮ и художественную, и научную литературу. Целиком.

В библиотеке города Александрия хранился примерно миллион рукописей. Часть – тексты на древнеегипетском языке, сирийском и финикийском. Часть написанного по-гречески – занудные трактаты по архитектуре или подсчеты расстояний между портами. Но это и сотни, тысячи томов сочинений по истории, философии и естествознанию, художественные произведения и стихи. ВСЕГО уже не прочитаешь.

А ведь были библиотеки в других городах, и не все тома в них копировали то, что хранилось в Александрии.

Параллельно с греческой, к I–II векам по Р. Х. сложилась огромная литература на латинском языке, и она росла намного быстрее, чем на греческом. Тысячи, десятки тысяч книг, которые физически не сумеет прочитать один человек за всю жизнь, даже если не будет заниматься ничем другим.

Это еще рукописные книги!

В XIX веке собрания печатных книг превысили сотни тысяч экземпляров. В XX веке писалось все новое и новое. К концу XX века число единиц хранения в Российской национальной библиотеке превысило 45 млн., в Британской национальной библиотеке – 150 млн., в Библиотеке Конгресса США – 130 млн. томов.

Одних романов на русском языке в РНБ хранится не менее миллиона. Никто никогда не прочитает и 1 % этих романов.

В Библиотеке Конгресса США хранится до 30 млн. томов только на китайском и японском языках. Не то что один человек, целые научно-исследовательские институты не прочитают всего этого.

А ведь каждый год продолжает что-то писаться, издаваться…

Несколько тысяч грамотных египтян создали культуру Древнего Египта – правда, за очень долгий срок, примерно за 3 тысячелетия.

В середине XVIII века на земле жило примерно 200 тысяч людей, грамотных по-русски. К началу XX века это число превысило 5 млн. – и именно эта кучка людей за восемь поколений создала все, что мы называем «классической русской культурой».

А какую культуру создавать десяткам миллионов грамотных россиян? Они будут писать и писать… Но кто это будет читать?! Ведь библиотек, написанных этим полчищем грамотных, прочитать физически невозможно…

Даже не учитывая фонотек, фильмотек, телевидения, Интернета, человек к концу XX столетия буквально захлебывается в потоке информации, который он не в силах освоить.

И такова судьба вовсе не только богатой верхушки. Это проблема сотен миллионов людей.

Эпоха компьютера

А тут еще изобретение компьютера в 1947, появление персонального компьютера в середине 1970-х. И началась новая информационная эпоха, под тихое гудение неоновых ламп…

Очень быстро, даже стремительно, «компьютеризованные» вытесняли «некомпьютеризованных» в разных областях деятельности. Последней павшей цитаделью были гуманитарные науки. Я еще помню бешеные споры профессионалов вокруг так называемой «математизации археологии». Порой выдвигались совершенно восхитительные аргументы: например, что имярек только потому в археологию и пошел, что в ней нет математики (а его, понимаете ли, математика и тут настигла!), или что применение количественных методов – это все происки буржуазных ученых, алчущих погубить марксистский классовый подход к истории… Порой было противно, но забавно.

На рубеже 1990-х последние принципиальные «компьютерофобы», «антикомпьютерщики» частью повымерли, частью, кряхтя, сами начали давить на клавиши. Слишком большие преимущества давало применение машины – хотя бы в виде своего рода гибрида пишущей машинки и записной книжки. Сейчас «некомпьютеризованных» в науке нет, в искусстве – почти нет. К 1990-м года компьютерная эпоха наступила во всех сферах

человеческой жизни, и человечество обнаружило самое себя в новой исторической эпохе…

Конечно, тут же возник разрыв между поколениями разных эпох: компьютерной и докомпьютерной.

Помню замечательный эпизод (1994 г.): Никита Николаевич Моисеев, знаменитый математик, руководитель проекта «Гея» и глава Международного «Зеленого Креста», сбрасывал мне на дискету текст своей книги. Операции Никиты Николаевича над собственным компьютером привели в отчаяние и ужас моего семнадцатилетнего сына. Настолько, что парень согнал знаменитого академика со стула и сам отформатировал дискету и произвел все необходимые операции…

И, конечно же, общество раскололось на тех, кто от нового явления получил, и на тех, кто от него потерял.

Те, кто получил

Во-первых, от внедрения компьютеров выиграли самые активные, самые мобильные из интеллектуалов. Они получили новые возможности работать быстро, легко получать оперативную информацию, связываться практически со всем светом.

Тот, кто был жаден до нового, кого интересовало происходящее далеко, кому хочется больше и давать другим, и больше получать всевозможных сведений.

Это касается и тех, кто хотел добиться успеха в своей профессии. Расширились возможности; сократилось время, которое приходится тратить на чисто технические операции. Помню, сколько времени отнимало у меня, начинающего археолога, зарисовывание каменных орудий. Сейчас это можно делать без туши, перьев и бумаги. И примерно впятеро быстрее.

Во-вторых, компьютер расширил число тех, кто может стать активными, мобильными интеллектуалами. Он ввел в число этих людей многих женщин. Уменьшилось значение физической силы. Расширились возможности надомной работы. Даже имея маленьких детей, можно работать, не выходя из дома.

Это же касается людей физически больных или людей со слабым здоровьем. Например, с болезнями двигательной системы. В Санкт-Петербурге, в Центре «Динамик», я своими глазами наблюдал, как работали на «Макинтошах» дети, передвигавшиеся в инвалидных колясках. Увлеченные мордашки, умные, гибкие пальцы… и разрушенные тела. Зрелище было бы тяжелым – не будь компьютеров. Сегодня, спасибо компьютеризации, положение этих детей в мире, их возможности, их судьбы совсем иные, чем были бы еще совсем недавно… до

компьютеров.

Никто из этих детей уже не станет несчастным существом, обнесенным заздравной чашей на пиру жизни. А многие из них, невзирая на природное увечье, смогут занять в обществе совсем неплохое положение.

То же самое касается людей психологически не сильных. Тех, кто с трудом переносит долгие поездки в общественном транспорте, давку, стрессы, ругань, недоброжелательство (или навязчивое внимание) окружающих. Такие люди «до НТР» не могли рассчитывать на профессиональную карьеру, высокий социальный статус, – даже обладавшие очень хорошими способностями. Возможность работать дома, избегая плотных контактов с окружающими, дала им новые возможности.

В-третьих, выиграли бедняки. Да, компьютер стоит денег. Он дороже книги – даже дорогой, с картинками, на хорошей бумаге.

Но даже пентиум, подключенный к системе «Интернет», демократичнее по цене, чем хорошая библиотека или чем поездки в культурные центры. Несравненно расширилось число тех, кто может приобщаться к культурным ценностям или делать профессиональную карьеру.

В-четвертых, выиграли провинциалы. Не только и не именно российские. Все жители Планеты, обитающие вдали от крупных культурных центров (а таких – 90 %). Компьютер предоставляет им гораздо большие возможности приобщиться к жизни основных центров мировой культуры, чем самая лучшая полиграфия.

Выводы? Они просты – появление компьютеров еще раз расширило образованный слой.

Те, кто потерял

Потеряли те, кто не обладает нужным состоянием здоровья или нужными чертами характера. Компьютерная революция беспощадно отбраковала тех, кто «боится» вибрации, у кого идиосинкразия к излучению. Кто не может часами сидеть перед дисплеем, подчинять себя темпу работы с машиной, алгоритмизировать собственное поведение. Так в культуре книгочеев отбраковывались те, кто не внимателен, не усидчив, не переносит кропотливой работы.

Еще больше потерял тот, кто не может устоять перед соблазнами – часами играть в игрушки, никак не использовать открывшиеся возможности, становится простым потребителем машины…

Не стоит закрывать глаза: для некоторых людей компьютер действительно опасен. Часть приобщившихся к компьютерной

культуре начинает жить не более сложно, а более примитивно. Сбывается то, о чем говорят враги компьютера в своих классических «обвинениях»:

• человек потребляет всевозможные развлечения, которые дает ему компьютер;

• сознание его упрощается, следуя за элементарными реакциями машины; примитивизируется и эмоциональная жизнь;

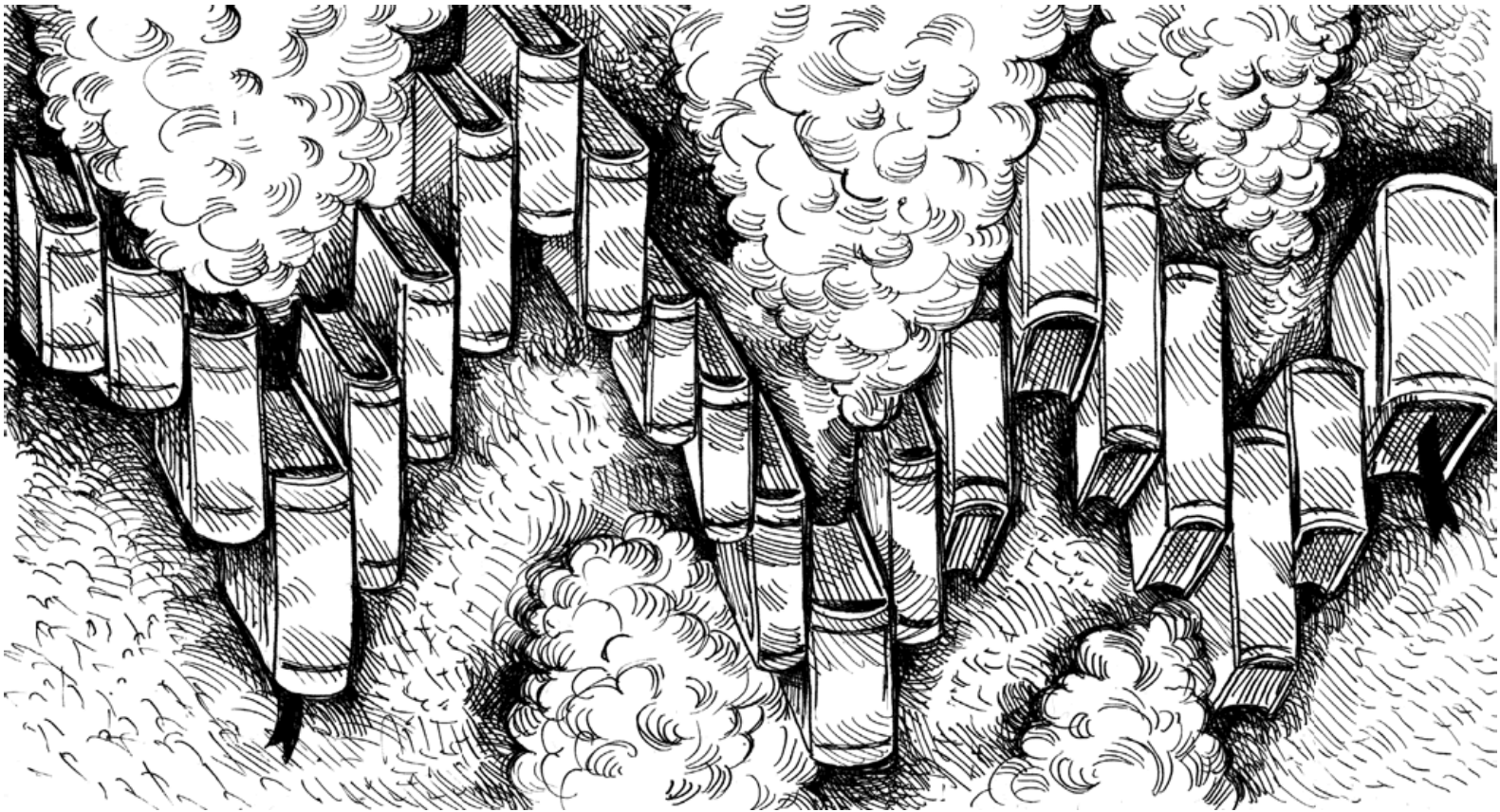
• в клинических случаях человек духовно убегает в «виртуальную реальность», теряет интерес к явлениям окружающего мира.

Две компьютерные культуры

Как и все информационные революции, компьютерная революция создала возможности и для усложнения, и для упрощения жизни. Кому чего хочется, кто на что оказывается способен.

С помощью компьютера одни начали жить сложнее и полнее, чем раньше. Другие же – проще, примитивнее.

Первые, получив новые технические возможности, использовали их для самореализации – то есть для усложнения своей жизни. Они не позволяли технике (будь то глиняная табличка и тростниковая палочка или будь то ЭВМ) определять свою духовную жизнь. Они применяли новое для организации и для развития своей духовной жизни.



Сегодня возможностей для «классического» образования и самообразования становится намного больше, чем раньше. И читать книги ведь никто не мешает, а уже начался процесс перенесения на электронные носители информации тех сведений и текстов, которые кажутся наиболее ценными. Пока «оцифровано» всего 10 % текстов Библиотеки конгресса, 5 % Российской национальной библиотеки… но ведь процесс только начался.

Создаются мощные программы, хранящие тексты на латыни и греческом, произведения, вошедшие в золотой фонд культуры: Ibycus, Linguae Graecae, Pandora. Эти программы, как и компьютерные энциклопедии, компьютерные учебники, доступны в той же степени, что и Hanter, Doom, Supra или любая другая игрушка. Но чтобы пользоваться этими программами, нужно, во-первых, иметь это желание. Желание не рассказывать окружающим о любви к культуре, а желание реально «брать и делать»

Во-вторых, приходится много знать и уметь. Кроме хорошего владения машиной нужно еще и знание языков, владение культурной информацией, знание и понимание множества увлекательных, но сложных вещей. Короче – нужно долго учиться. На этом пути можно добиться большего, чем добивался прадед и прапрадед за те же промежутки времени. Но не даром.

Другие же склонны использовать компьютер как раз для упрощения своей внутренней жизни. Большие технические возможности можно ведь использовать и так – перекладывать на машину право выбора, ответственность за собственные поступки. Пусть машина как бы думает и чувствует. Техника дает возможность самому ее владельцу меньше думать, переживать, чувствовать, работать – и притом в сопровождении приятного чувства комфорта.

Кроме того, машина развлекает, уводит из реального мира. И если человек не очень уверенно чувствует себя в этом самом «реальном» – естественно, велик соблазн «уйти» в выдуманный, виртуальный, но зато ласкающий мир, создаваемый машиной.

Правда, это не ново… Точно так же разделялось любое общество после каждой из информационных революций.

Книгопечатание породило ученых строителей империй, но породило и скучающих девиц с томиками модных романисток. Да и сегодня самые тиражные издания – творения Дашковой, Воронцовой и прочий печатный навоз.

Так было и при советской власти. Классику тогда пытались «внедрить в массы», но массы упорно не желали классику читать.

Вот детективы, романы из «Библиотеки приключений», кустарные переводы той же «Анжелики», космобоевиков Желязного и прочей макулатуры – вот это на каждой книжной толкучке расходилось по цене, в десятки раз превышавшей стоимость Толстого или Чехова. Массы востребовали именно это – и рынок действовал в соответствии с законом спроса и предложения.

Глава 4. В мире, где расширяется сознание

Широк русский человек… Надо бы сузить.

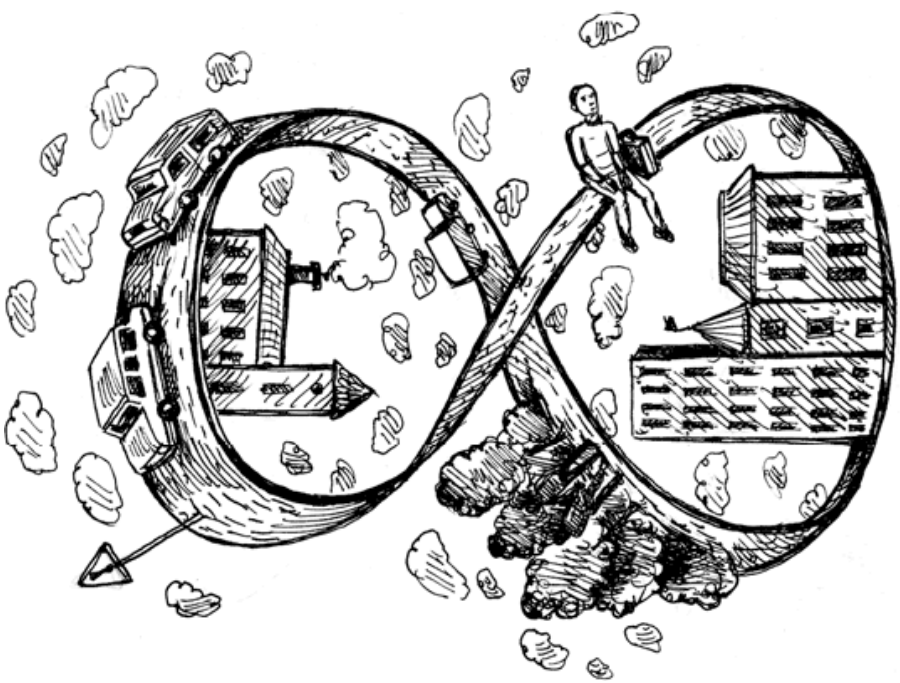
Ф. М. Достоевский

Пространство

Древний человек жил в пространстве с жестко заданными границами, с однородным климатом и похожими природными условиями.

Карта мира по Геродоту: огромная Греция, в несколько раз больше Малой Азии. А большей части земного шара на этой карте вообще нет – о ней греки ничего решительно не знают.

Римлянин живет уже в громадной, везде разной империи, населенной множеством людей. Он уже знает, что Земля – шар. Не случайно ведь она круглая – «держава», символ власти римских императоров. В руке они держат не что иное, как матушку-Землю, наше космическое тело.



Но и в Римское время большая часть этого космического тела совершенно неизвестна для римлян.

После Великих Географических открытий, к XVII веку, земной шар изучен… Почти весь. Европеец теперь живет на колоссальном шаре, который везде разный. Приходится держать в голове эту громадность и это разнообразие.

А тут еще система Коперника – что не Солнце вращается вокруг Земли, а вовсе даже Земля вокруг Солнца. Лишили нас счастья быть в центре Вселенной, да еще заставили думать – а никак там, в космосе, могу быть еще какие-то миры? Вроде Земли?

К XX веку мир окончательно изучен, даже полюса и внутренние области Африки и Азии. Еще больше возможностей. Еще больше информации. Еще больше разнообразия.

А тут еще и Солнце помещают на край одной из галактик. Из о-очень многих галактик бесконечной Вселенной.

Время

Человек мифологической эпохи живет фактически вне времени. Время циклично. Был золотой век, сменился серебряным, а тот бронзовым. Настал век железный, это самый жестокий век, но он пройдет. И опять наступит век золотой…

Что было, то и будет. Возвращается ветер на круги своя. Род приходит и род уходит, а земля пребывает вовеки.[35]

Вот и Сократ сказал плачущим ученикам: что вы рыдаете, глупые?! Пройдут века, и я опять сяду на берегу этой реки, и опущу в воду ноги, а вы сядете вокруг меня… Смерти нет, потому что и однократно данной жизни тоже нет. Есть повторение.

Создав линейную историю, человек осознал: все течет, все меняется. Нельзя два раза войти в одну и тут же реку.[36]

Христианство не циклично. Христос пришел один раз. Была жизнь людей ДО Христа, есть жизнь ПОСЛЕ Христа. А впереди грядет Конец Света.

Но Библия жестко ограничила время линейной истории. По разным подсчетам, от 6600 до 7300 лет прошло от сотворения мира Господом Богом. До этого времени не было, и после не будет.

В XIX веке наука бешено воевала с религией, расширяя горизонты времени. Геологи говорили о миллионах лет, астрономы – о сотнях миллионов лет, а в гимназиях преподавали Закон Божий, требуя повторять все про те же 6 или 7 тысяч лет. Очень интересно наблюдать, как удревняется возраст абсолютно всех древнейших находок ископаемого человека и предков человека… Как отчаянно сопротивляется сознание специалистов, не хочет впускать в себя несравненно большую древность рода человеческого, чем они привыкли.

Сейчас для нас очевидно, что Земля существует миллиарды лет. Динозавры, жившие сотни миллионов лет назад, стали

модными детскими игрушками. Движения материков, продолжавшиеся тоже сотни миллионов лет, – пазлами, которые собирают мальчики и девочки лет 10.

Над нами мерцают уже не шляпки гвоздиков, которыми ангелы приколотили небо, а космические тела, живущие неимоверно долго. И мы видим свет уже давно умерших звезд.

Человек Средневековья жил в центре Мироздания, на вечно неизменной Земле. Он искренне считал самого себя эталоном всех вещей, а свою землю – мерилом пространства.

У нас так уже не получится.

Стояние перед миром

Немецкие философы писали о таком качестве человека, как «стояние пред смертью» – постоянное понимание человеком своей смертности. По этому признаку люди разных эпох довольно мало различаются. Но перед миром и перед жизнью люди тоже стоят. И по-разному.

Человек древнего мира стоял перед гораздо более простой реальностью, чем человек христианского Средневековья. А мир христианского Средневековья устроен намного проще мира Нового времени.

Современный человек стоит перед еще более сложным миром, в котором он занимает еще менее важное место.

Мы стоим перед вечностью и бесконечностью мира, в котором живем. И очень интересно наблюдать, как меняется интонация всех авторов, пытающихся писать о судьбе человечества. Как появляется торжественный, эпический тон, стоит начать рассуждать: судьба человечества – лишь фрагмент истории Вселенной. Любой срок жизни человечества – лишь крохотная часть истории безмерного пространства.

Планирование

Охотник видит корову и хватается за копье. Ему объясняют про домашних животных, он не понимает. Какой смысл растить животное, ждать чего-то?! Вот оно ходит, его надо скорее убить, пока не убежало, и съесть.

Так же с зерном. Что за безумие – хранить вполне съедобные зерна всю зиму, а потом закапывать их в землю?! Бессмыслица. Надо съесть это зерно, да и все.

Крестьянин уже планирует как минимум на год. Сажая садовые деревья, разводя крупных, медленно растущих животных – на несколько лет.

Свою жизнь крестьянин планирует ненамного больше, чем охотник. Но уже появляется история семьи. Знать ее положено хотя бы на 5–6 поколений. У знати в традиционных обществах знают себя и на 7, и на 10 поколений. А. С. Пушкин знал свою родословную на двенадцать колен. Иван Грозный – это 22-е поколение от Рюрика.

Впрочем, в XVIII веке 80 % дворянских семей насчитывали не более 5–6 поколений, а 50 % – 1–3 поколение.

Для крестьянина может быть безразлично, что происходит за пределами его земли. Разве что он живет в большом централизованном государстве, и в случае неурожая к нему привезут новый хлеб.

Но образованные слои общества духовно живут уже в более обширном регионе, в группе стран.

Промышленный рабочий вынужденно изучает коньюнктуру рынка – в том числе и в других районах страны, даже в других странах Европы. Тем более специалист волей-неволей становится космополитом.

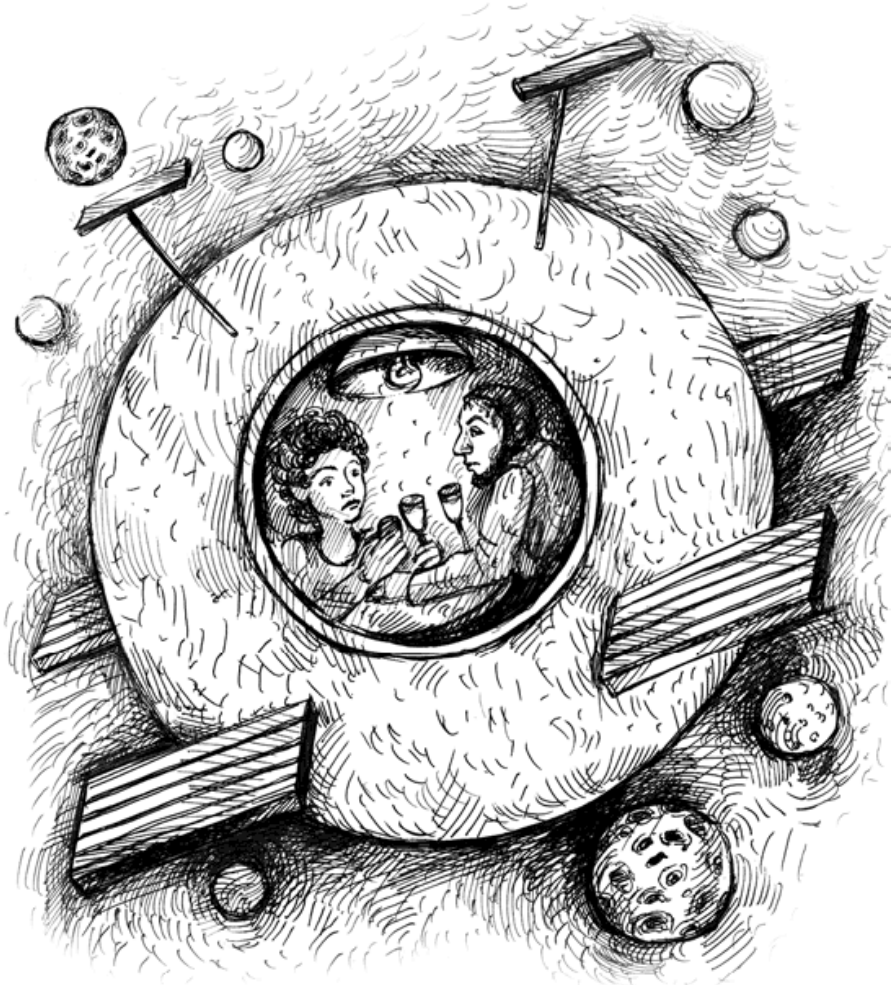
Изучая историю даже самого узкой специальности, планируя ее развитие, специалист меряет время десятками и сотнями лет. А в диссертациях по философии в списке использованной литературы вполне можно прочитать труды Аристотеля, Платона и Эвклида.

С появлением науки истории – даже самой описательной – горизонты времени расширяются на века и тысячелетия. В XVIII–XIX веках в гимназиях изучалась и Древняя Греция, отделенная от тогдашней Европы 23–25 веками.

Современный человек старается учитывать события, происходящие на всем земном шаре… Находка новых полезных ископаемых в самом глухом уголке Африки, действий террористов в Южной Америке могут изменить цены на Нью-Йоркской фондовой бирже и индекс стоимостей потребительских товаров.

С появлением авиакосмического производства, с использованием станций в околоземном пространстве для прогнозов погоды, наши пространственные интересы уже не замыкаются на Земле.

А стоим мы перед бесконечностью Вселенной.



Современный человек с подросткового возраста планирует всю свою жизнь: и профессиональную, и личную. Всю жизнь, от получения образования и до пенсии. Огромное множество людей в той же степени знатны, что и дворяне Средневековья, – помнят те же 4–5–6 поколений.

Благодаря научной археологии мы знаем историю цивилизации на тысячи лет, а историю человечества – на миллионы лет. Благодаря геологии и палеонтологии мы знаем историю жизни на Земле на сотни миллионов лет.

Мы играем в «Цивилизацию», отражающую реалии очень древних обществ. И даем детям книжки про динозавров, и ставим фильм «Прогулки с чудовищами».

Мы смотрим фантастические фильмы об отдаленном будущем и осознаем себя живущими в вечной и бесконечной Вселенной.

Это и называется расширением сознания:

1. Жизнь во все большем масштабе пространства и времени.

2. Помещение своего личного времени в эту все большую пространственно-временную рамку.

3. Планирование на все большие сроки.

4. Учет событий во все большем пространстве.

Скорость любых изменений

К этому надо добавить еще и постоянный поток изменений. Даже в фундаментальной науке: в космологии, археологии, эволюционной теории. На глазах моего поколения, всего за 30 лет, срок существования человечества удревнился в два с половиной раза, возникло несколько новых теорий возникновения и эволюции Вселенной, а в биологии молекулярная генетика поколебала само понимание вида, до того неизменное со времен Карла Линнея, то есть с первой половины XVIII столетия.

Неизменных, статичных истин просто нет. Их нет и всё, как бы ни реагировало на это наше сознание.

Точно так же, во все убыстряющемся танце, несутся и правила повседневного существования: законы, правила экономической жизни, порядки кредитования и условия парковки машин.

В XXI веке даже техника и даже вещи рассчитаны на ограниченный срок использования. Мобильный телефон рассчитан на то, что его не будут использовать больше 3–5 лет. Платье шьется с тем, чтобы его не носили два сезона подряд.

Мы не только живем в громадном мире, но еще и в мире, картина которого все время меняется. И вообще в нашей жизни все время что-то меняется, от облика Мироздания в целом и до перемен на самом что ни на есть бытовом уровне. Эти изменения тоже приходится принимать во внимание и учитывать.

Наше сознание несравненно шире, чем у людей еще всего 100–200 лет назад… но ведь дальше станет только шире!

Если мы реально сможем бывать за пределами Солнечной системы – то расширится наше пространство… как минимум в той же мере, как оно расширилось после Великих Географических Открытий.

Если откроются параллельные пространства, это будет аналогично появлению нескольких новых Вселенных.

Если генная инженерия станет реальностью – это будет равно управлению нами своей собственной эволюцией.

Глава 5. Мир интенсивной жизни

Разрыв людей друг с другом и с Небом.

В. А. Солоухин

Рост темпов труда

В XVIII–XIX веках и даже перед Первой мировой войной рабочий день продолжался 10–12 часов.

Это – на производстве, у рабочих.

Владельцы лавочек или ремесленники работали долго, но не так уж интенсивно: что в Древнем Риме, что в Англии или в России XVII века. Одна из причин, по которой англичанам XVIII века так не понравился фабричный труд, была как раз его интенсивность: надо каждый день вставать к станку и работать определенное число часов.[37]

Ремесленник в ясный погожий день мог взять сына и уйти с мальчиком на весь день удить рыбу или навестить родственников. А фабричный рабочий обречен работать и в хорошую, и в плохую погоду.

Сразу видно, какие капиталисты кровопийцы…

Появление фабрик и заводов позволило укоротить рабочий день: ведь чем сложнее и качественнее техника, тем больше производит один человек за единицу времени. Но «зато» работать приходится все интенсивнее. За станком вы не будете беседовать с соседом, развлекаться анекдотами, размышлять о прекрасном и вечном. То есть заняться всем этим вы можете, но тогда станок или перестанет работать, или… кажется, это называется красиво: производственная травма.

В середине XX века всерьез обсуждалось – а не сделать ли рабочий день опять по 10 часов, при трех днях отдыха в неделю? Провели эксперименты… И оказалось: человек при 10-тичасовом рабочем дне не будет успевать отдыхать. Даже и за три дня.

В 1900 году успевал отдыхать и за один… Делаем выводы?

Интенсивность умственного труда

В XIX веке всякий, имеющий хоть какое-то образование, работающий не руками, а головой, работал не долго, 5–7 часов. И работал он совсем не так интенсивно, как мы с вами.

Пролетариат начинал работать очень рано, лет с 14-ти, а вот средний класс – очень поздно, лет в двадцать с небольшим, а то и в двадцать пять. Человек не торопясь, успев подумать обо многом, кончал гимназию, так же не спеша заканчивал университет или институт, без нервотрепки начинал профессиональную карьеру…

На русском языке о карьере инженера написана трилогия Гарина-Михайловского – явно автобиографическая.[38]

Возраст большинства достижений в 1900 году был ку-уда выше, чем в 2000! Это в середине XX века Джон Кеннеди в 43 года стал Президентом США! Это в конце XX века появилось много докторов наук «до сорока».

В XIX веке вершины интеллектуальной карьеры достигали поздно, уже к тому возрасту, который считался старостью, – уж по крайней мере, «за пятьдесят». Исключения были, но немного.

В этом спокойном течении жизни было много хорошего: у ученого, чиновника, человека искусства, преподавателя оставалось время много на что: на искусство, на чтение книг, на путешествия, на личную жизнь, на долгие размышления о том и другом.

Даже там, где существовало предпринимательство, люди помнили – есть и другие сферы жизни. Удивляться ли множеству меценатов XIX века? Ведь и дельцы имели много времени для того, чтобы интересоваться науками и искусствами, вникать в какие-то общественные дела.

Путешествия в неизведанные области земного шара всегда находило своих, говоря современным языком, спонсоров. Открытия истоков Нила, работы Смита и Амундсена на ледовом щите Антарктиды, проникновение европейцев в Тибет и внутренние районы Китая привлекали внимание всего общества, а не только узких специалистов.

Один купец Третьяков помог такому количеству художников, как не всякий фонд в наше время. И Суриков ушел из Красноярска в Петербург на средства местных купцов Красноярска. Впрочем, примеров можно найти очень много.

Даже в начале XX века интеллектуальная и деловая жизнь по современным понятиям, велась не интенсивно, даже центры деловой активности оставались чуть ли не сонными, люди двигались медленнее и успевали намного меньше правнуков и праправнуков.

Но зато они успевали в большем числе сфер жизни! Они всегда находили время для картин, книг, прогулок, путешествий, долгих разговоров и раздумий, для сложной, красивой личной жизни.

Если не все, то очень многие люди интеллигентных профессий, многие дельцы были своего рода самодеятельными философами, пытавшимися осмыслить себя и жизнь.

Именно поэтому могли творить художники, которые ориентировались не на рынок, а на достижение совершенства.

И вместе с тем – на выражение неких важных для общества идей.

Конечно, «Завоевание Сибири Ермаком» Сурикова или «Нападают врасплох» Верещагина – это в первую очередь империалистические картины. Русское общество приветствовало расширение своей Империи, завоевание Сибири воспринималось так же, как открытие истоков Нила или как знамя, водруженное Амундсеном на Южном полюсе.

Но ведь многие художники писали на точно такие же темы. Только вот писали они слабее, и если даже имели известность – то не такую громкую, гонорары – не такие высокие и возможности – не столь обширные.

А картины их сегодня – не на стенах Третьяковской галереи, а в запасниках…

Общество высоко оценивало не только идею, но и уровень ее выражения. Не только суть, но и форму. У большинства людей были время и силы вникать в эту самую форму, интересоваться, не только о чем, но и насколько хорошо нарисовал художник. И разбираться в этом «хорошо».

К началу XX века сформировался огромный, в десятки миллионов человек, средний класс Европы. Русская интеллигенция была частью этого среднего класса. Миллионы людей образованных, но не замученных тем, что англичане называют «крысиными скачками». Делающих карьеру, но имеющих много свободного времени.

Именно вкусы этого слоя людей позволили издаваться огромными тиражами книгам Толстого, Пушкина, Чехова, Куприна, Гумилева: их охотно читали и довольно быстро раскупали. Для того, чтобы стать читаемым и раскупаемым писателем, следовало в первую очередь сделаться очень хорошим писателем.

Те, кого мы почитаем как величайших писателей XIX – начала

XX веков, действительно самые большие Мастера. Не верите? Тогда вам придется взять на себя труд: прочитайте книги тех, кого порой называют «несправедливо забытыми»: Боборыкина, Михайлова, Сульженецкого, Данилова-Остапенко, Чарской, Вербицкой, Черного… Впрочем, их много, очень много.

Вряд ли вы сможете потратить несколько месяцев на то, чтобы убедиться в моей правоте… Вы слишком интенсивно живете для того, чтобы сидеть в библиотеках, перечитывая забытых писателей XIX и начала XX века. Но если вы и потратите эти несколько месяцев, предупреждаю честно – вы только убедитесь в моей правоте: «несправедливо забытые» забыты вовсе даже вполне справедливо. Хорошие писатели, они все же не дотягивают до тех, кто стали знаменитостями при жизни и остались в памяти потомков. Уровень другой!

В мире капитализма

Капитализм дал невероятно много для развития цивилизации. Та к много, что даже говорить об этом трудно. Только вот всегда существовали области жизни, где капитализм есть, и области, где никакого капитализма нет и помину. Уже говорилось, что в английских пособиях XVII века для начинающего предпринимателя оговаривалась сумма, заработав которую, можно перестать вести дела: 50 000 фунтов стерлингов. Такова была стоимость земельного имения, приносящего ежегодный доход в 2–3 тысячи фунтов. Зачем напряженно работать, нестись куда-то всю жизнь, рисковать деньгами, а то и самой жизнью, если можно вести спокойный образ жизни помещика?

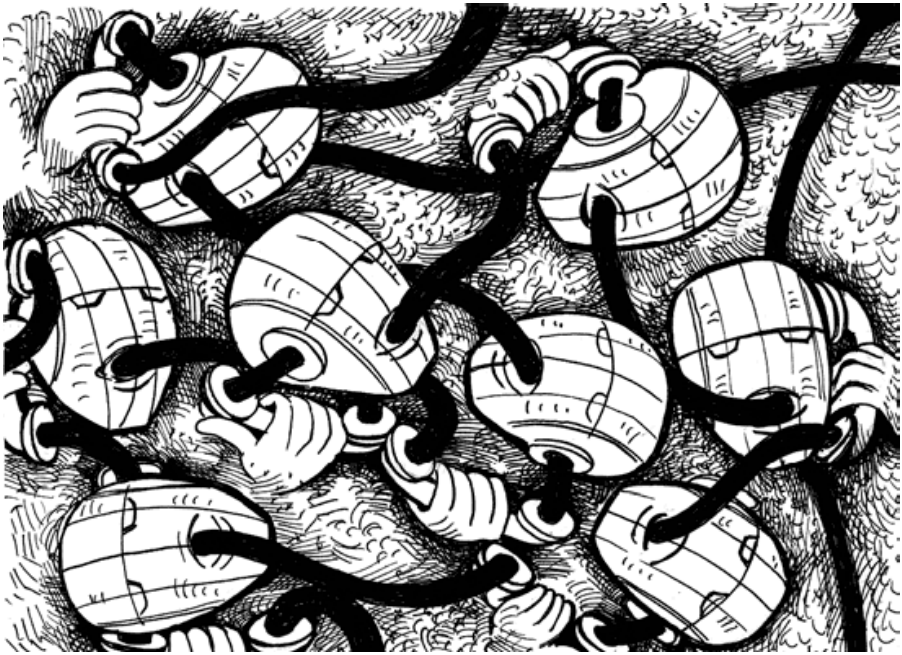
Параллельно существовал мир торговли с колониями, полупиратских рейдов вдоль африканского побережья, драгоценных камней, закопанных в коралловый песок вместе со скелетами, мир особых скоростных судов – чайных клиперов, соревновавшихся, кто первым привезет в Англию чай нового урожая. И мир мирной сельской жизни, в которой главными событиями становились выпавший град или побег фермерской дочки с бродячим торговцем. Мир картинных галерей, псовой охоты, джентльменов в красных кафтанах, хвастающих своими лошадьми.

Современный предприниматель наворачивает миллион на миллион, не имея ни малейшей возможности когда-нибудь остановиться. В наше время «разбогатеть» вовсе не значит, что можно будет перестать заниматься делами и жить неторопливой жизнью сельского джентльмена (да и нет уже самой

неторопливой сельской жизни – уйти некуда). Многие, наверное, были бы и рады остановиться – но у них нет такой возможности.

В наши дни предприниматель будет работать или до физической смерти, или до полной дряхлости, когда уже не сможет ничего делать.

Или когда более молодые безжалостно вышвырнут его из дела.



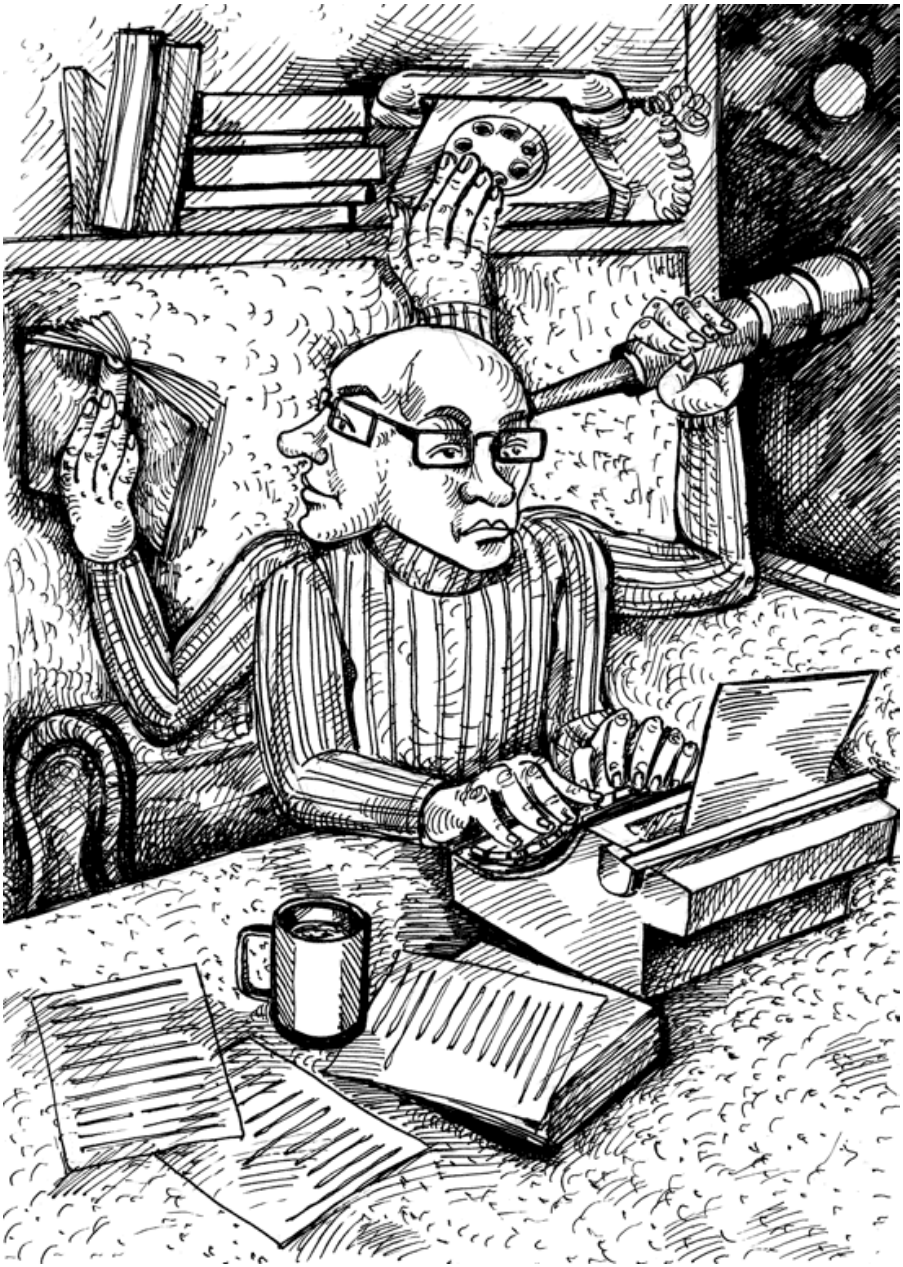
А тогда, сто лет назад, были области жизни, где вообще никакого капитализма в помине не было: например, наука и искусство. Писатель и ученый могли заниматься зарабатыванием денег – а могли и не заниматься.

Дюма-отец сделался совсем неплохим издателем и зарабатывал не хуже большинства «буржуев» Парижа. А вот Куприн издателем не сделался, но жил совсем неплохо. Главное же – уважение к нему определялось чем угодно, но никак не уровнем его доходов.

В наше время, чем бы вы ни занялись, вам придется быть предпринимателем, и ваш успех неизбежно будет оцениваться в рублях или других денежных единицах. Вы можете жить в других измерениях и плевать на деньги, ваше дело, – но эта оценка обязательно будет вам предъявлена.

Все интенсивнее и интенсивнее

Во все времена, вплоть до начала XX века, в любой судьбе очень многое решали традиции. Очень многое решалось само собой, помимо воли самого человека, и дергаться самому не возникало ни малейшей необходимости. Где жить? Чем заниматься? Какой образ жизни вести? Как одеваться? На ком жениться? Думать об этом не полагалось… С одной стороны – ограничения. С другой – возможность не напрягаться, не принимать собственных решений.



Сто, и даже пятьдесят лет назад можно было жить сравнительно неторопливо. В СССР даже двадцать лет назад никто особенно никуда не торопился. Было незачем.

Люди медленнее двигались, меньше спешили, меньше нервничали; у них всегда было время отвлекаться на «посторонние» разговоры. Мало того, что нам приходится работать все интенсивнее, потому что все жестче конкуренция.

Мало того, что нам приходится все время думать о зарабатывании денег.

Нам приходится все чаще и чаще принимать разного рода решения, и делать это все быстрее и быстрее. Ведь нам все страшнее совершить ошибку – потому что в интенсивной, заполошно мчащейся жизни все меньше возможностей ее исправить.

Темп жизни нарастает, и мы все чаще не справляемся с этим темпом.

Надо больше успеть

Если человек XIX века написал всего одну книгу – он уже сделал достаточно, чтобы его считали состоявшимся и успешным. Лев Толстой мог писать «Войну и мир» несколько лет и переписывал ее шесть или семь раз.

А отдельные страницы – тридцать раз!

В наше время начинающему писателю сразу говорят о серии книг. Одна? Это мало, это неправильно.

Точно так же мало один раз заработать «всего» один миллион. Мало «всего» один раз сделать «всего» одну карьеру. Мало… одним словом, всегда и всего мало. Завершив одно дело, мы тут же принимаемся за другое.

За жизнь даже самого среднего человека в наши дни происходит намного больше, чем за жизнь авантюриста XVII–XVIII веков. Больше встреч и разговоров; больше переездов и перемен; больше приобретений и потерь; больше… одним словом – всего больше.

Больше информации

Но самое главное – мы поневоле усваиваем гораздо больше информации, чем наши предки. Часть этой информации действительно необходима для нашей интенсивной жизни: например, вал информации, необходимой для овладения специальностью.

Когда-то, в Древнем Египте, сам бог мудрости Тот захотел встретиться с неким невероятно умным парнем (по одной из версий – с самим Ипусером). Бог подкараулил юное дарование на дороге и попросил его умножить пять на пять. Цитирую древнеегипетский папирус: «Юноша собрал на дороге нужные камни, разложил их, и не успело зайти солнце, как он дал ответ

богу с головой шакала».

Вот! Вот он, цвет мудрости древнего человека!!!

О гений! О великий мудрец! Еще «не успело зайти солнце», как он, выкладывая рядами камушки, сумел их посчитать… О-ООО! И еще много раз О!

Интересно только – а без камней, в уме – перемножил бы? Или убоялся бы бездны премудрости?

То, что знали Аристотель и Сократ, в наше время проходят в младших классах, где-то в среднем до третьего.

То, что проходили в университетах средних веков, усваивается подростками классе в 6–7.

То, что изучалось в университетах XIX века, усваивают студенты первых двух курсов.

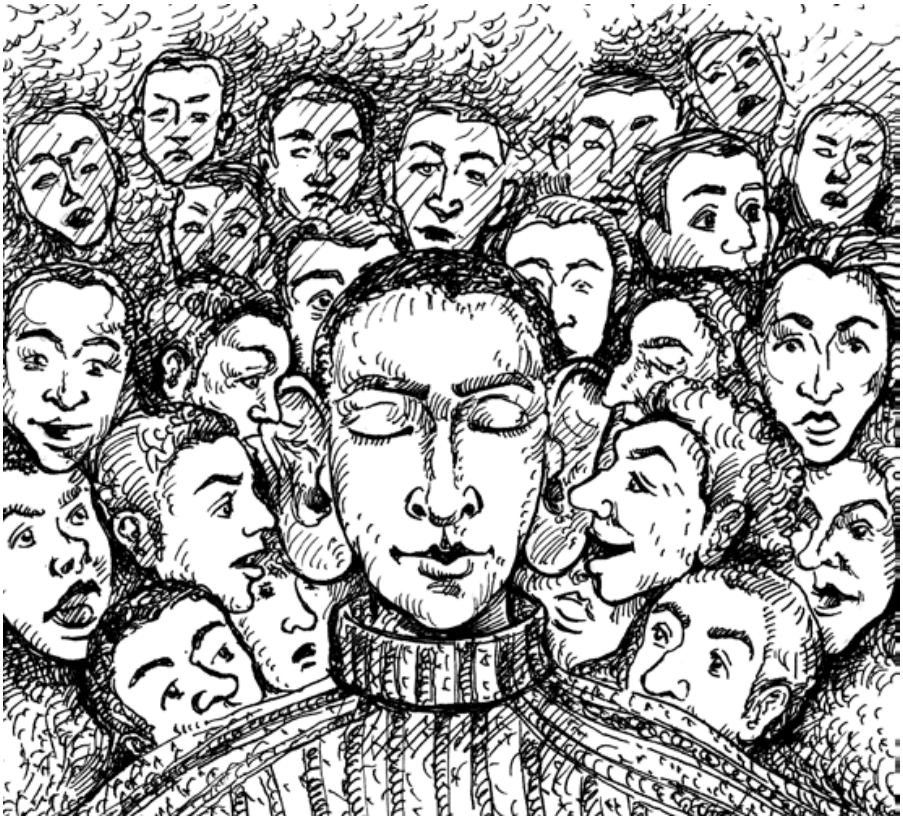
Чтобы стать специалистом, в наши дни нужно намного больше, чем даже полвека назад. Мы учимся дольше не только потому, что стали жить дольше. Нам приходиться учиться дольше, потому что возрос объем информации, жизненно необходимой для специалиста.

Кроме того, резко возрос вал информации, необходимой для общественной и политической жизни. Не только житель Древнего Египта, но и россиянин XIX века не читал стольких газет, не смотрел телевизора, не вынужден был разбираться в политических программах разных партий и в личных качествах их лидеров.

Демократия была и раньше, но… какая?

Греки и римляне жили в маленьких городках и знали друг друга, как соседи. На площади народного собрания в Афинах сходилось от силы 25 тысяч человек. Во всех Помпеях жило 5 или 6 тысяч человек. Значит – от силы триста-четыреста избирателей и избираемых в муниципалитет.

Нетрудно разобраться, кто есть кто.



В Англии XVII века избирательные права имели всего 2 % населения (примерно 100 тысяч человек из 2–3 миллионов взрослого мужского населения). В парламент выбирали депутата от 500, от силы от 1000 избирателей. Тоже нетрудно понять, кто и кого выбирает.

Мы живем в поле несравненно более трудных выборов. К этому – усложнившиеся реалии повседневной жизни. Изволь принимать во внимание местные законы (которые все время меняются), правила в разных ведомствах, расписание транспорта, поведение чиновников…

Приходится помнить о большем числе факторов, принимать во внимание больше и больше обстоятельств.

Но это – только об информации, которая нам действительно нужна. А ведь на современного человека обрушивается гораздо больше сведений любого рода, которые вам вообще совершенно не нужны… Но которые вы получаете. У таких сведений есть даже свое специальное название:

информационный шум.

Информационный шум создает сама по себе жизнь огромного города: едут машины, гудят, подходит автобус, на стройке поднимают груз, кто-то ругается возле киоска с почтой, кого-то побили в метро, вон валяется сумка с оторванной ручкой…

Вам совершенно не нужно слушать шум машин и видеть эти машины, наблюдать за потоком людей и вникать, кто из них и что кому орет. Вам совершенно не обязательно гадать, почему здесь валяется сумка с оторванной ручкой и какая маленькая трагедия за этим стоит.

Но человек так устроен, что вы все равно наблюдаете за людьми и машинами, за движением стрелы подъемного крана, вслушиваетесь в звуки скандала, пытаетесь понять, почему на полу в метро оказалась эта сумка с оторванной ручкой. Если вы не делаете этого осознанно, вы все равно делаете это подсознательно.

Так наши отдаленные предки слышали и треск ветки в лесу, и крики птиц, и журчание ручейка… Они все время воспринимали и просеивали информацию из внешнего мира, чтобы вовремя заметить и пищу, и возможную опасность.

Другие предки, ближе к нам, точно так же копили приметы, пытались понять, чем обернется весенняя погода для них и для урожая, внимательно вглядывались в полосу заката над кромкой леса, а уж тем более – в показавшуюся на дороге группу вооруженных мужчин. Может быть, это ребята из соседнего села, взяли копья на случай встречи с волками. А может, появились разбойники, и их нужно будет отбивать.

Погибал-то как раз невнимательный.

Так и мы внимательно вглядываемся в текущую мимо жизнь. Может, тут продают наши любимые булочки, и притом на полтинник дешевле?! И мы знаем, что несущиеся машины могут столкнуться; вместо суеты делового дня будет грохот, огонь и смерть. Что из толпы озабоченных вечерних людей в любую секунду может выйти подкуренный мерзавец с ножом.

> *Но ведь все равно 99,9 % того, что мы видим и слышим, совершенно нам не нужно и никак нами не учитывается. Информационный шум чистой воды.*

Этот информационный шум чрезмерен для человека и может быть просто опасен! У Чехова есть рассказ про маленького мальчика, которого нянька взяла с собой по гостям и вообще вывела в город. Бедный ребенок провел всю зиму в нескольких комнатах и от обилия впечатлений попросту заболел…

Чехов не выдумал: врач все-таки!

В 1950-е годы были случаи, когда даже взрослые люди, приехав из деревни в большой город, вполне серьезно заболевали; им требовалось несколько дней, чтобы справиться с потоком информационного шума.

А кроме того, информационный шум создают сами люди…

Некоторые ученые считают, что информационный шум в прессе, по телевидению создается специально: чтобы люди не думали о том, что для них важнее всего, чтобы действительно важные сообщения терялись в потоке информационного шума, чтобы люди занимались ерундой и ими было легче управлять.

Манипуляция сознанием

Об этом даже написаны целые книги, в том числе на русском языке.[39]

Я не буду спорить, насколько правы эти ученые. Наверное, манипуляция общественным сознанием тоже есть, но явно не это самое главное. А объяснить, как создается информационный шум, можно и без идеи сознательной манипуляции и вообще жидомасонского заговора.

Ведь мы не только сами капиталисты, но и объекты пристального внимания других капиталистов. Все мы – потенциальные потребители их услуг и товаров. Есть такой прекрасный глагол, который трудно перевести на любой иностранный язык: «впарить». Глагол этот широко используют торговые агенты, которые именно этим и занимаются —

> *впаривают нам товары, которые нам совершенно не нужны.*

Какая в сущности, разница: схватить нас в метро за рукав и впарить нам препарат для выращивания волос на лысине или на заднице? Или повесить в аптеке плакат, рекламирующий лекарство, от которого в лучшем случае никакой пользы?

> *А то и вообще сплошной вред.*

Или же с помощью телевидения впарить нам вложение денег в очередную «пирамиду», покупку золотоносных участков в Антарктиде или участие в избирательной кампании очередного «спасителя отечества»?

Разумеется, никакой принципиальной разницы нет, разница только в количестве вложенных денег и в возможностях продавцов, которые хотят вам что-то впарить.

Впарить средство, спасающее одновременно от запора и поноса. Впарить «настоящий афганский ковер», который развалится через неделю. Впарить избирательную программу Явлинского или Жириновского.

В 1950-е годы в Америке появился термин «почтовый мусор»: самые разнообразные фирмы, благотворительные организации, секты и так далее рассылают свои призывы по всем известным им адресам. Вдруг кто-нибудь да «клюнет»? Злые языки говорят, что средний американец сразу же выбрасывает 90 % почты, непосредственно после получения.

Сегодня нам тоже присылают по почте черт знает что – и по электронной почте в том числе.

В наше время есть даже компьютерный термин «спам» – для такого рода информационного мусора. Приходиться принимать специальные меры, чтобы спам не забивал наших электронных почтовых ящиков.

И упаси вас Бог хотя бы раз поддаться на спам, позволить впарить себе хотя бы какую-то малость! Увидев слабину, вас не оставят в покое, так и будут все время впаривать вам то одну, то другую гадость.

Мое последнее приключение на этой ниве – одна знакомая прислала мне сообщение: нужно распространить рекламу мобильного телефона «Нокия». Если пошлю ее не менее чем 10 знакомым, мне выдадут бесплатно мобильник! Чуть было не поддался, да проконсультировался со знающими людьми…

Комментарий компьютерно грамотного человека (моего младшего сына) прозвучал так:

– А знаешь, папа, у нас в летней школе есть такая задачка… Если Вася вышлет рекламу мобильника десяти знакомым, он получит даром этот мобильник. Подсчитайте, как скоро Вася

станет богаче Билла Гейтса…

Да здравствуют летние школы! И поколение, которое умеет посылать спам в такое место, где он уже никому не опасен!

Реклама – это типичный пример информационного мусора. То есть продавцам чего бы то ни было реклама очень и очень полезна. Современные крупные фирмы тратят на рекламу до 20–35 % всех расходов на производство и продажу товара.

Но всем остальным от рекламы – сплошной вред.

Во-первых, реклама мешает смотреть фильмы. Сели вы семьей смотреть, как положительный афроамериканец ловит и уличает отрицательных белых преступников. А тут р-раз! Появились ослепительные красотки и начинают впаривать вам масло для заворачивания ушей в трубочку и «Галину Буль-Буль».

Потому последнее время и стали так популярны домашние видеосистемы, скачивание и просмотр фильмов через компьютер: по крайней мере, можно смотреть «Короля Лира» или боевик без сообщения про сникерсы и тампаксы.

Во-вторых, сознание человека забивается совершенно ненужными ему сведениями.

В-третьих, формируется сознание потребителя.

То есть формируется сознание человека, вечно озабоченного на тему «что бы и где бы купить». Человека, который не сам выбирает, на что ему тратить свои денежки, а которому сообщают, какие у него потребности.

Борцов с тоталитаризмом очень волновало, что власти в СССР сами решают, какие у кого потребности. Ну, а при капитализме это делается еще эффективнее – через рекламу.

Люди покупают продукты и вещи, о которых узнают не в магазинах и не из каталогов, а из телевизионной рекламы. Они приобретают лекарства, о которых ничего не говорил врач, и не которые они узнали из фармацевтических справочников, а о которых рассказали по телевизору.

А реклама не дремлет, она все время меняет названия продуктов, все время предлагает новое и новое.

Формируется психология человека, который всегда озабочен, вечно недоволен, вечно стремится потребить побольше! И потребляет даже то, что ему совершенно не нужно. Ценность чего он не проверил у специалистов. …Главное – потреблять.

В-четвертых, навязываются стереотипы, которые вредны и даже опасны.

Последние десятилетия на Западе и последние годы в России считается, что человек плохо пахнет. Настолько плохо, что его

необходимо уничтожать посредством дезодорантов. Эта идея и рекламируется, причем очень успешно.

О рекламе спиртного и сигарет просто не хочется говорить.

Или вот кукла Барби…

Лицо хищного урода, фигура калеки, биография проститутки.

Талия «рюмочкой» вообще не характерна для женщин планеты Земля. Она встречается только у обитательниц мест близ побережья Атлантического океана. И получается, что идеалом для 100 % девочек Земли становится облик 3 % населения нашего планетного тела. Стремиться приобрести такую фигуру – вредное и опасное безумие.

Ну, а стремиться приобрести выражение лица Барби – безумие еще более опасное.

Я привожу отдельные примеры, но ведь всего этого очень много…

А главное для нашей темы – люди все быстрее мчатся вперед… Все меньше думая, зачем и куда они мчатся. Сама жизнь кружит их, швыряет, делая все динамичнее и динамичнее… А их жизнь – все напряженнее и напряженнее.

Глава 6. Мир взрослых людей

Туземцы – это просто большие дети; им необходим тот, кто укажет им правильный путь.

Стэнли

Счастливая бездумная жизнь

Англичане и французы XVII–XIX веков были несравненно богаче африканцев и жителей островков Тихого океана. Для голых туземцев корабли казались «плавучими островами»; даже железный гвоздь был целым богатством, за стеклянные бусы они отдавали золотые слитки. Но почему же так много матросов убегало с парусных кораблей на отдаленные нищие островки?

Матросы бежали, восставали, чтобы остаться на островках Тихого океана. В 1788 году восставшие матросы захватили корабль «Баунти» и нашли в конце концов свою мечту – необитаемый остров Питкэрн.

– Слева по борту рай, сэр! – крикнул вахтенный матрос своему самозваному капитану.[40]

Рай обернулся адом: моряки спивались, погибали, убивали друг друга: ведь проблемы своего общества они не оставили в Англии, а принесли в «рай» в своих головах.

И потом много раз европейцы искали этот самый рай на тропических островах… Искали и в XVIII веке,[41] и в XX.[42] Только вот так и не нашли…

Откуда вообще пошло представление у европейцев, что на островах Тихого океана располагается своего рода рай? Нищие островки, где и в самые лучшие времена пища была грубой и ее вечно не хватало; громадный океан с множеством опасных животных, солоноватая невкусная вода, дикие нравы людоедов… А многим казалось – вот она, земля обетованная!

Но у них были основания так считать: на островах Тихого океана можно было не думать об устройстве на работу, о зарплате, банках, квартире, обучении детей, пенсии, помощи родственникам… О множестве вещей, мысли о которых ни на минуту не оставляли их на родине. На островах можно было жить спокойнее и бездумнее, чем в Европе.

Еще в 1950-е годы шведский ученый Бенгт Даниэльссон жил на острове Рароиа – на этот островок выбросило знаменитый плот «Кон-Тики». Он с удовольствием описывал отношение к труду жителей острова: мол, делают они ровно то, что хотят. Таскал некий житель острова песок, а потом надоело… И вот тачка с песком второй месяц валяется там, где он ее бросил. И вообще европейцы жалуются на «местных»: работают очень даже неплохо, но ровно до тех пор, пока хотят. Как только пропала «хотелка» – тут же бросают работу!

И вообще живут туземцы весело, приятно, не очень утруждая себя интенсивным трудом. То есть работают, и порой тяжело – но весело, со вкусом, получая от этого откровенное удовольствие.

Редакция советского издательства снабжает описания автора комментарием: «Так жили во всем мире, в том числе в Европе, пока традиционную жизнь не разрушил капитализм».[43]

Вот-вот! Не только на Тихом океане… Везде крестьяне в традиционных обществах работали много – но в основном в охотку, не по часам – а когда хочется. Сельскохозяйственный год жестко диктовал, что и когда надо делать. Но ведь этим погодно-природным приказам никто не сопротивлялся, подчиняясь Необходимости. Природная необходимость заставляет, не обижая, не унижая людей. Климат такой. Природа такая. Люди жили жизнерадостно, спокойно. А периоды интенсивного труда сменялись временами почти полного безделья.

Крестьяне так жили и в богатых цивилизованных странах Востока, и в средневековой Европе. Например, в России XIX века…

Лев Толстой очень хорошо описывает, как помещик Левин, несмотря на самые замечательные намерения, еле-еле сводит концы с концами. Для Левина было важно, чтобы «каждый работник сработал как можно больше, и притом… старался не сломать веялки, конных граблей, молотилки, чтоб он обдумывал то, что он делает; работнику же хотелось работать как можно приятнее, с отдыхом, и главное – беззаботно и забывшись, не размышляя».

В результате «он посылал скосить клевер на сено, выбрав плохие десятины… – ему скашивали подряд лучшие семянные десятины, и оправдываясь тем, что так сказал приказчик, и утешали его тем, что сено выйдет отличное; но он знал, что это происходило оттого, что эти десятины косить было легче. Он посылал сеноворошилку трясти сено – ее ломали на первых рядах, потому что скучно мужику было сидеть на козлах, под махающими над ним крыльями… Все это делалось только потому, что всем хотелось весело и беззаботно работать».[44]

Лев Толстой извел немало чернил, доказывая: это национальная черта! Но словно в насмешку над собой тут же выводит семью мужиков, которые ведут рациональное хозяйство и делают то, чего Левин никак не может заставить.[45]

Злодей Левин, агент прогресса, уводит людей от веселой беззаботной жизни, заставляет их работать со смыслом, думая, что они делают. То есть те мужики, которые начнут так работать, заработают больше… Но не будут жить бессмысленно-весело, не думая и не напрягаясь.

Как на островках Тихого океана.

И сегодня в деревнях люди живут менее интенсивно, чем в городах… Вот только где они, эти «счастливые» бездумные деревни? Разве в Африке? Да и там вымирают от СПИДа… С древности.

В XX веке до Рождества Христова египетский вельможа Синухет оказывается замешан в заговоре после смерти фараона Аменемхета. Спасая жизнь, Синухет бежит в хорошо знакомые египтянам, но не подвластные фараонам земли – в горную часть Ханаана (в Палестину). Жили в местах, где он поселился, люди полуоседлые; не земледельцы, не настоящие кочевники-скотоводы. Через эту область порой проходили египетские купцы и посланники фараона, многие понимали египетский язык.

Судьба Синухета сложилась в общем совсем неплохо. Конечно, собственноручно рубить дрова или пасти коров ему не приходилось, особых проблем с едой не возникало. С местным царьком Аммиянши Синухет подружился и даже породнился; он описал свои приключения и оставил нам оч-чень интересную «Повесть о Синухете».

Синусет описывает виденное: дикие нравы, поединки, драки друг с другом, набеги на соседей для угона скота, многоженство и прочие «прелести» с позиции человека гораздо более высокой культуры. Первым в мировой литературе он отзывается о людях другого народа, как о «великовозрастных детях». Жители царства Аммиянши и его соседи казались ему наивными, глуповатыми, и в то же время верными слову, честными, душевно цельными…

В общем, дикие люди даже в чем-то превосходят замученного сложностями жизни египтянина.

> *Нам самим жизнь Синухета показалась бы идиллически-наивной и сам он – немного ребенком… Но все познается в сравнении.*

…Прошло два тысячелетия. И так же, как Синухет, считают

«большими детьми» варваров греки и римляне. Для образованного эллина скифы, для римлянина – германцы и гунны кажутся такими большущими детьми-переростками. Сильными, порой опасными, но душевно цельными, эмоциональными, жизнерадостными.

> *Потомки «больших детей» сами стали считать «большими детьми» других – тех, кто не дорос до цивилизации.*

Интересно, а как бы оценили китайцев и Синухет, и римляне? Они не видели китайцев, не бывали в их стране и не имели о Китае ни малейшего представления.

Не менее интересно и что сказали бы китайцы о греках и римлянах… Потому что о жителях варварской периферии вокруг Китая, о людях из племен хун-ну, диких обитателях южных гор и островов в Тихом океане китайцы говорили… ну, примерно то же самое, что Синухет о жителях Ханаана.

> *Действительно, любопытно – а как бы им понравились римляне?*

…Прошло еще полтора тысячелетия. Вот англичане и французы XVII–XVIII веков начинают строить свои колониальные империи. Интересно, что они никогда не называли и не считали «большими детьми» ни китайцев, ни японцев. Великовозрастными детишками были для них строго африканцы, индейцы, часть индусов, жители тропических островов, мусульмане (но не турки и не ученые… вообще не образованная верхушка мусульман).

Потомки тех, кого считали «большими детьми» римляне, стали считать «большими детьми» остальных… тех, до кого пока не дошла очередь.

Жизнь «взрослых детей»

Человек патриархального общества не мыслит себя сам по себе. Он принадлежит к группе, клану, сословию, территориальной области, семье. И не современной семье, а Большой семье, в которую входят женатые братья, пока не скончается отец – «большак». Все окружающие воспринимают человека вовсе не как самодеятельную личность, а как часть этой общности. Сам же человек не только не сопротивляется этой включенности, а принимает ее с полным удовлетворением.

Случайно ли у наших еще недавних предков не было особого, только им принадлежащего места для сна и собственной посуды

для еды?

Действительно, ведь нет никаких рациональных причин есть из отдельной тарелки, пить из отдельной чашки или кружки. По существу, мы имеем каждый свою посуду не потому, что никак нельзя иначе (предки как раз поступали иначе и почему-то не поумирали с голоду), а потому, что мы привыкли быть каждый своей автономной личностью. Мы так привыкли к этому, что любое другое поведение за столом кажется нам дикостью…

А еще в начале XVII века в Московии отдельная «тарель» (как тогда говорили) дается только царю и его жене. Остальные гости на царских пирах группируются возле блюд и тарелей, едят по нескольку человек из одной посуды. Только к середине XVII века устанавливается новая дворцовая норма – каждому участнику пира ставят по отдельной тарели.

К концу XVII века в большинстве аристократических домов отдельная тарель – нечто совершенно обычное. А ложки и кружки для питья и раньше были у каждого свои. Обычай стремительно завоевывает себе сторонников в среде широких слоев дворянства, в том числе провинциального, приказных, купцов, посадской верхушки.

В среде же основного населения страны – крестьянства, основной части жителей городов, люди по-прежнему едят из общего горшка (обычай дожил до XX века) и очень часто не имеют определенного места для сна. Нет у них постели, отделенной от других постелей. Все спят вповалку, никто не выделен (как и за столом). Стоит ли удивляться, что многие люди настолько не отделяют себя от «своей» группы, что даже собственное тело не считают чем-то отдельным и особенным. Чем-то таким, что принадлежит только им самим и чем они могут распоряжаться только сами.

Человеку патриархального общества вполне приятно находиться в группе, осмысливать себя как часть группы. А в каждой общности есть свои вожди. Свои уважаемые люди, которые решают за других, что им делать и как. Этим людям каждый представитель клана оказывает уважение и подчиняется. Такому человеку вполне комфортно, если его всегда контролирует государство, корпорация, община, род, семья. Ему нравится, что у него всегда есть начальник – «второй отец»; он готов почитать этого начальника почти так же, как настоящего отца.

Большинство людей патриархального общества навсегда, до старости и смерти, остаются как бы немного детьми. «Взрослые дети»… В чем-то, конечно, вполне взрослые: в труде, в отношениях с животными, растениями, младшими членами семьи. Но всегда есть те, по отношению к кому они «маленькие»…

По отношению к тем, кто их старше по возрасту, положению в обществе, по чину.

На Московской Руси XVII века даже бояре – верхушка знати, матерые мужики лет по 40 и 50, постоянно ведут себя как малые дети, таскают друг друга за бороды, колотят палками, плюются и «обзываются» какашками, старыми козлами, вонючками и гадинами… В общем, детский сад на лужайке.

Бояре не дети; они – могучие, пузатые, бородатые дядьки с сединой в бородах и в волосах. Они – люди с огромными правами и колоссальными возможностями. На каждом их них лежит ответственность за дела государственного масштаба, вопросы войны и мира. Они – полководцы, строители и защитники городов. Тысячи людей (тоже взрослых, бородатых, солидных) глядят на них как на «вторых отцов».

Но они же между собой ведут себя без всякого личного достоинства, смешно, – как малые дети. И так же наивно жалуются, наушничают друг на друга царю. Или честно бьют челом: мол, батюшка, рассуди нас! Мы ведь «духовно млады», поучи…

И царь действительно ковыряется в этих «обзывалках», разбирает, кто кого и как обозвал, примиряет, наказывает, учит… Как воспитательница детского сада.

Вот потрясающая история, которая произошла в 1634 году. В этом году князь Дмитрий Михайлович Пожарский со своим двоюродным братом Дмитрием Петровичем подал царю челобитную, и в этом документе очень ярко проявилось все, что содержится в родовом строе.

«Племянник наш, Федька Пожарский, у нас на твоей

государевой службе в Можайске заворовался, пьет беспрестанно, ворует, по кабакам ходит, пропился донага и стал без ума, а нас не слушает. Мы, холопи твои, всякими мерами его унимали: били, на цепь и в железа сажали; поместьице твое, царское жалованье, давно запустошил, пропил все, и теперь в Можайске из кабаков нейдет, спился с ума, а унять не умеем. Вели, государь, его из Можайска взять и послать под начал в монастырь, чтоб нам от его воровства вперед от тебя в опале не быть», – так писали царю главные мужчины рода Пожарских.

Зрелище разъяренных родственников, лупящих по заду можайского воеводу, дядьку за тридцать лет, способно вызвать разжижение мозгов у человека XXI столетия. Но, как видите, в XVII веке дядюшки вполне могут приехать к племяннику, служилому человеку, и по месту прохождения службы вломить ему и даже заковать в цепи.

Общество вовсе не крутит пальцами у виска; все вполне сочувственно наблюдают, как два пожилых дядюшки лупят и заковывают взрослого, самостоятельного племянника, не последнего из служилых людей Московии.

А когда унять Федьку «семейными средствами» оказывается невозможно, Пожарские обращаются к царю. Все правильно – раз род бессилен, нужно передать слово старшему по отношению к Пожарским, более главному «отцу родному». Пусть царь вразумит гадкого Федьку, и пусть он знает, что старшие в роду Пожарских действовали «правильно».

> *По отношению к Федьке дядюшки Пожарские – старшие; по отношению к царю – они «духовно млады» и ждут его решения…*

Можно привести много примеров того, что человек патриархального общества вовсе и не хочет «вырастать».

Ведь община и ее представители, «отцы родные», гарантируют ему соблюдение неписанных, но и неотъемлемых прав. По обычаю тебе положено? Получи!

С крестьянина взяли лишний налог? Община вступит в переговоры с властями, и если ты прав – исправит несправедливость.

Горожанина обидел купец при расчете? В другой раз будет иметь дело с выборными людьми из магистрата, и они заставят его платить правильно.

Боярин Милославский плюнул на боярина Буйносова и обозвал «мокрой курицей»? Пусть Буйносов ответно плюнет на Милославского, а Милославский сядет дальше от царя и хорошенько подумает о своем ужасном проступке!

Называя вещи своими именами, Милославского шлепают и ставят в угол.

От тебя убежала жена? Вернут, и сами же накажут, чтоб не бегала от законного мужа, не нарушала порядок.

Не слушается сын? Собраться всем миром да посечь негодника, чтобы помнил установленное от века, не смел нарушать заповеданного навсегда.

Конечно, виноват можешь оказаться и ты сам.

Тогда «отцы родные» и накажут тебя так, как если бы ты был ребенком. Князя Милославского царь как-то пинками вышвырнул за дверь Боярской думы: за плохое поведение. Федьку Пожарского вот тоже дядюшки пороли батогами.

Крестьянин увел чужую жену, нарушил чьи-то права, кого-то обидел, поступил «неправильно», нарушая обычаи, – и его накажут. Сойдутся люди, всерьез обсудят твою провинность, и если сочтут нужным – тут же обнажат, разложат на скамье и выдерут. Тут же деловито обсудят, пороть ли розгами или толстой палкой-батогом, вымочить ли прутья в соленой воде, кто будет бить и сколько раз.

Виновный и не думает сопротивляться. Он примет участие в обсуждении этих важнейших вопросов, а потом покорно уляжется на лавке.

Обиды? Какие могут быть обиды на общину, на своих, почти семью?! Люди разойдутся с чувством выполненного долга, сделав важное общественное дело, а назавтра встретятся с тобой, сохраняя ту же меру уважения к тебе, какая была и до порки. А почему нет? Ты заработал – ты и получил, и вовсе не стал от этого хуже.

Собственное достоинство? Вот его-то у людей этого общества и нет – по крайней мере, в нашем современном понимании.

В первобытных племенах все люди «духовно млады»: как те жители тихоокеанских островков. Их жизнерадостность, эмоциональность, беспечность так нравятся европейцам, что те готовы сами бежать на эти островки.

Но как беспомощны «большие дети» против сил природы – даже на берегах соплеменного океана! Беспомощны совершенно по-детски против тайфуна, акулы, ветров и течений, ядовитых моллюсков и миграций рыбьих стад.

Но особенно беспомощны они, если происходит что-то необычное, неожиданное… То, о чем не говорится в преданиях, чего не помнят «вторые отцы» – старики, вожди и жрецы. Вот у

берегов острова появились корабли европейцев – и все буквально не знают, что им делать.

Психологический шок.

Так же и индейцы в Америке убегают при виде испанцев, которые спрыгивают с лошадей: единое существо раздвоилось!

И знаете, кому труднее всех? Как раз «отцам родным», верхушке общества. Ведь все смотрят на них, ждут ответа: что делать?! А «отцы родные» и сами понятия не имеют, куда плыть, каких берегов держаться.

> *Отвратительное чувство беспомощности, помноженное на переживание тяжкого груза ответственности: все ждут, что ты скажешь, а тебе нечего сказать.*

В обществах древности труднее, напряженнее всех жили цари, их придворные и жрецы – просто потому, что выше них никого нет… Волей-неволей, решение ни на кого не переложишь.

Впрочем, есть еще и такой способ: гадания, поиск примет, узнавание воли богов. С помощью таких методов царь, князь и жрец сами оказываются «духовно млады»: им указывают путь те, кто выше и сильнее их, – боги и духи, сама Судьба.

Так князь Игорь, герой «Слова о полку Игореве», при виде солнечного затмения гадает… А после гадания с ясным, довольным лицом исполняет предначертанное. Воля Высших сил проявлена, мой Отец Небесный все сказал – теперь мое дело исполнять.

Так жили люди тысячи лет, но за последние два с половиной тысячелетия патриархальному обществу нанесли три жестоких удара. Таких жестоких, что патриархальное общество их не выдержало.

Первый враг патриархальщины – гражданское общество

В VIII веке до Рождества Христова в Греции произошел великий переворот: родилось гражданское общество. Граждане собирались на площади и решали – как им поступать, какие законы принимать и по каким правилам жить. Они вместе решали, избирать ли им царя, и какого, или жить под руководством избранных на народном собрании. Они принимали решения о войне и мире, принимали послов и устанавливали налоги.

Фраза «Бедная Россия! Все рабы: сверху донизу все рабы!» приписывается Чернышевскому. А сказал это другой человек, за две тысячи триста лет до Чернышевского: Эратосфен, живший в Александрии Египетской. Он сказал это по поводу Персии; по его мнению, персы бывают очень хорошими, храбрыми, достойными людьми, но ведь они же рабы. Сверху донизу все рабы.

А вот граждане – никак не рабы!

Граждане управляли собой сами и поневоле «духовно вырастали». Они не вели себя, как детки в детском саду, и считали «большими детьми» тех, кто способен себя так вести.

Гражданами были римляне, в Средневековье – жители вольных городов, а потом и все большее число всего населения Европы.

В наше время почти все население Земли хотя бы формально является гражданами…

Как люди пользуются своими правами – второй вопрос.

Второй враг патриархального общества – христианство

С точки зрения христиан у всех людей – одинаковые души. И у раба, и у хозяина, и у ребенка, и у мудреца – их души ничем не различаются. Каждый человек – одновременно животное, «тварь» (то есть сотворенное Богом существо), и он же – проявление высшего, божественного начала. Божественное и животное вечно борются в человеке, и он сам принимает решение, куда двигаться – к высшему или к низшему, к дьяволу или к Богу. В мире вечно борются два начала, и человек сам принимает решение, на какой стороне вступать в бой. Избежать боя нельзя: любой поступок поддерживает одну из сил.

На человеке, получается, лежит личная, персональная ответственность за результат космической битвы Бога и дьявола.

Раньше до таких высот духовной жизни поднимались разве что отдельные мудрецы. Как правило – средних лет или пожилые мужчины, накопившие огромный опыт, ставшие личностями намного выше среднего уровня.

Мудрец телом продолжал жить с людьми и вынужден был выполнять требования общества, подчиняться «отцам родным». Духом же воспарял в идеальный мир, где на равных говорил с богами и героями, решал высшие проблемы – независимо от того, где находилось и что делало его тело.

Не удивительно, что так отделены от мира все духовные искания древности, средневековья… Ведь только в идеальном

мире мудрец был взрослым и принимал ответственные решения. Для него идеальный мир и был настоящим, более реальным миром, чем материальный.

С христианством каждый человек хотя бы в чем-то сделался взрослым – принимая решения, жизненно важные для судеб мира, для решения вечной войны Добра и Зла.

Третий враг патриархального общества – капитализм

Рыцари и феодальные сеньоры были жизнерадостными, открытыми, веселыми. Крестьяне приносили им все необходимое для жизни, они могли только воевать, готовиться к войне и веселиться. У них была корпорация своих – феодальное сословие и свои «отцы родные» – короли, герцоги и графы.

А в городах жили такие скучные горожане-бюргеры, презренные торгаши, которые сидели в своих лавках и считали на счетах… Нахмуренные такие, вечно чем-то озабоченные, напряженные. Вечно занятые своими скучными, мелочными расчетами.

> *Скупердяи, так не похожие на широких душой феодалов.*

У бюргеров – свои «отцы родные», но их власть была меньше, чем у феодалов, – ведь для ведения своего дела нужна большая ответственность и большая свобода. Бюргеры становились все свободнее, и все больше и больше других европейцев, дворян и крестьян тоже включались в отношения купли-продажи, становились немного бюргерами.

> *И поневоле «подрастали», переставали быть великовозрастными детишками, которыми командуют «отцы родные».*

Когда океанские корабли распускают паруса над Мировым океаном, оказывается: не одни капиталисты, все вообще европейцы – это скучные, все время озабоченные чем-то взрослые. Вот в Африке – там живут счастливые «большие дети».

> *Счастливые… до первой серьезной болезни и первой серьезной проблемы.*

В наши дни

Легко показать, как духовно «подрастают» люди: сначала в

Европе, потом и во всем мире.

В XVIII–XX веках все больший процент людей становятся «взрослыми».

«Отцы родные» незаметно исчезали из жизни, и все в большем количестве случаев, все большему числу людей приходилось принимать решение самим.

Со второй половины XX века уже не только взрослым, даже детям все чаще говорит слова, от которых упали бы в обморок князья Пожарские – и дядюшки, и непутевый племянник. Это слова: «Думай сам».

Нам очень рано приходится стать взрослыми и большими и думать самим. Обо всем.

Нам не только РАЗРЕШАЕТСЯ думать самим и принимать решения обо всем на свете.

Все чаще нам ПРЕДПИСЫВАЕТСЯ быть взрослыми.

Современный человек – это горожанин, которому ПРЕДПИСАНО быть взрослым, думать самому и жить самому по себе, своим умом и на свои собственные средства.

Даже если мы захотим жить иначе – нам никто этого не позволит: ни обстоятельства жизни,

так сказать, правила игры,

ни другие люди. Ведь мало кто по доброй воле захочет стать для другого «отцом родным» и взять на себя чужие проблемы.

Глава 7. В музее прошлого

Всю историю человечества только абсолютное меньшинство имело такую роскошь, как

• богатство;

• образование;

• право выбирать свою судьбу.

Три тысячи лет назад эти роскошные вещи имели только цари и ближайшее окружение царей.

Две с половиной тысячи лет в Греции и в Риме это имело уже 1–2 % населения.

В начале XIX века, когда Пушкин был маленьким мальчиком, в Европе таких людей было 5–6 %, а в России – 2–3 %. К началу XX века богатых, образованных и свободных стало уже больше 10–20 % – в самых богатых странах мира того, порядка 5 % населения в России. В наше время средний класс составляет 60–70 % населения Европы и не меньше 20–30 % населения России.

Что это значит? А то, что сегодня МНОГИЕ, в некоторых странах даже БОЛЬШИНСТВО, имеют то, что в старину не имел никто или имели единицы.

Мы живем даже не так же, как фараоны или императоры Рима, – мы живем намного лучше и богаче. Исключение у нас сделалось правилом, привилегия стала нормой, крохотное меньшинство превратилось в решающее большинство.

После 1945, и особенно после 1991 года большинство людей живут в условиях, которые резко отличаются от условий существования всех поколений, которые жили на земле до этого. Отличаются до такой степени, что весь мир, существовавший до нас, становится чем-то вроде колоссального музея – интересного, но имеющего к нашей повседневной жизни не очень большое отношение.

Музейные города

Все города Земли, стоящие на своем месте хотя бы несколько веков, сегодня устроены очень просто: есть исторический центр, который в несколько раз меньше всего города. И есть колоссальное пространство остального города, застроенное многоэтажными домами или особняками. В этом пространстве не так просто ориентироваться, а если город большой, не обойтись без карты и путеводителя.

Иногда в Старом Городе вообще запрещено ездить на автомобилях, или их число ограничивается – как в Таллинне. Тогда особенно хорошо видно, что это не просто часть города, а музей исторического прошлого.

Если Старый Город сам по себе огромен, как Петербург,

Берлин, Краков или Париж, вы так легко не сделаете его музеем. В таком Старом Городе ездят, работают; город совершенно не похож на залы музея. Но разделение на Старый Город и на новостройку всегда есть – даже если оно не официальное. А над крепкими старыми домами из камня и кирпича в отдалении высятся громадные сооружения цвета слоновой кости – бетонные новостройки.

Из их верхних этажей Старый Город виден особенно хорошо.

В Старом Городе можно было легко поселиться до Войны 1939–1945 годов и сразу после нее… А потом города так разрослись, что жилье в Старых Городах быстро превратилось в дефицит.

Уже в 1970-е годы рядовому англичанину стало не по карману купить квартиру в центре Лондона. Французу – в центре Парижа. Все жаловались на невероятную дороговизну, все никак не могли понять ее причину… А в 1990-е цены опять начали взрывообразно расти и к 2010 году выросли еще раз в 6–7, если не больше.

Я знавал старика из русских эмигрантов, жившего на острове Ситэ, в двух шагах от собора Парижской Богоматери. Но эту квартиру купил еще его отец, в 1922 году. Сейчас эта квартира была бы деду абсолютно не по карману.

Тут бывают и парадоксы – в Петербурге старые дома часто ветхие, а квартиры в них не соответствуют стандартам XXI века; порой жилье в «старом фонде» стоит меньше, чем в новостройках. Но границы исторического Петербурга и города, выросшего после Второй мировой войны, разделяются очень однозначно, не иссякает поток желающих жить именно в центре.

Старый Петербург – город никак не музейный, но в нем много домов, которые объявлены памятниками культуры. Идут годы, и таких домов становится все больше и больше. Никому не позволят вести строительство, которое нарушит целостность ансамбля Старого Петербурга или его внешний облик.

Не музей… Но все же что-то похожее.

После Второй мировой войны Варшава лежала в руинах: каменная пустыня, и в ней – ни одного целого дома. Варшавяне отстроили «Stare Miasto» – то есть Старый Город по картинам старых мастеров, по старым фотографиям и планам, по воспоминаниям уцелевших жителей города. Новостройка? Да… Но в то же время – и настоящий старый город!

Так же восстанавливали и Франкфурт-на-Майне. В 1945 году на месте большинства немецких городов лежали каменные пустыни – примерно как в Сталинграде. Странно и страшно пересекать границу из Франции в Германию: мгновенно исчезают старинные церкви, готические городки… везде только сплошной новострой. Стоит подумать, почему это так, и буквально хочется кричать. Ведь это – прямое следствие чудовищных бомбардировок английской и американской авиации. Немцы тоже бомбили? Видимо, бомбили далеко не так: во Франции и в Англии сохранился почти весь довоенный жилой фонд. Не зря же одним из условий создания ФРГ стало – никогда не расследовать преступлений, совершенных союзниками против Германии и немецкого народа.

После Второй мировой войны американцы решили научить немцев, как «правильно» жить, и возвели в центре Франкфурта несколько огромных и помпезных небоскребов. Немцы не оценили благодеяний и мало чему научились. Они восстановили Старый Франкфурт, лежавший в руинах, – тот самый город, что стоял веками, а в 1945 году лежал в виде каменной пустыни.

Сегодня тщательно, любовно восстановленный город странно смотрится на фоне колоссальных небоскребов – так сказать, шедевров американского градостроительства.

Но этот восстановленный Старый Франкфурт, конечно же, лишь небольшая часть огромного современного города Франкфурта-на-Майне, застроенного в основном особняками-новостроем и 9–12-тиэтажными муниципальными зданиями – в точности такими же, как в России.

И так везде. Даже американские города (по крайней мере старые, на Востоке – Бостон, Филадельфия, Вашингтон) – это всегда соединение двух городов в одном. В центре – ядро: Старый Город, и все остальное. Все остальное – это то, что выросло после 1945 года.

Сказанное касается вовсе не только городов. Если хорошо подумать, то получится – вся вообще культура прошедших веков; все, что было на Земле до 1945 года, постепенно превращается в музей.

Музейные вещи

Особенно это заметно на примере вещей, то есть самых обычных шкафов, шифоньеров, комодов, стульев, вилок, книг, произведений искусства. Современная мебель хуже? Нет… Она даже лучше – и потому что новее и прочнее, и потому, что лучше приспособлена к реалиям нашего времени.

Старую мебель хотят иметь не потому, что она лучше, а именно потому, что она – старая, историческая мебель. А уж сидеть в кресле, где покоилась еще попа твоего прадеда, стало просто классической формой снобизма.

В 1960-е годы, на волне массового переезда в новостройки, в Москве «выбрасывали» старую мебель в комиссионки. Иностранцы упоенно скупали: на Западе уже хотели стиля ретро, а в России еще шел романтизм «борьбы нового со старым».

Металлические ложки и вилки ничем не хуже серебряных. Столовое серебро превратилось в дефицит и астрономически возросло в цене. Опять – прелесть старины, не более того.

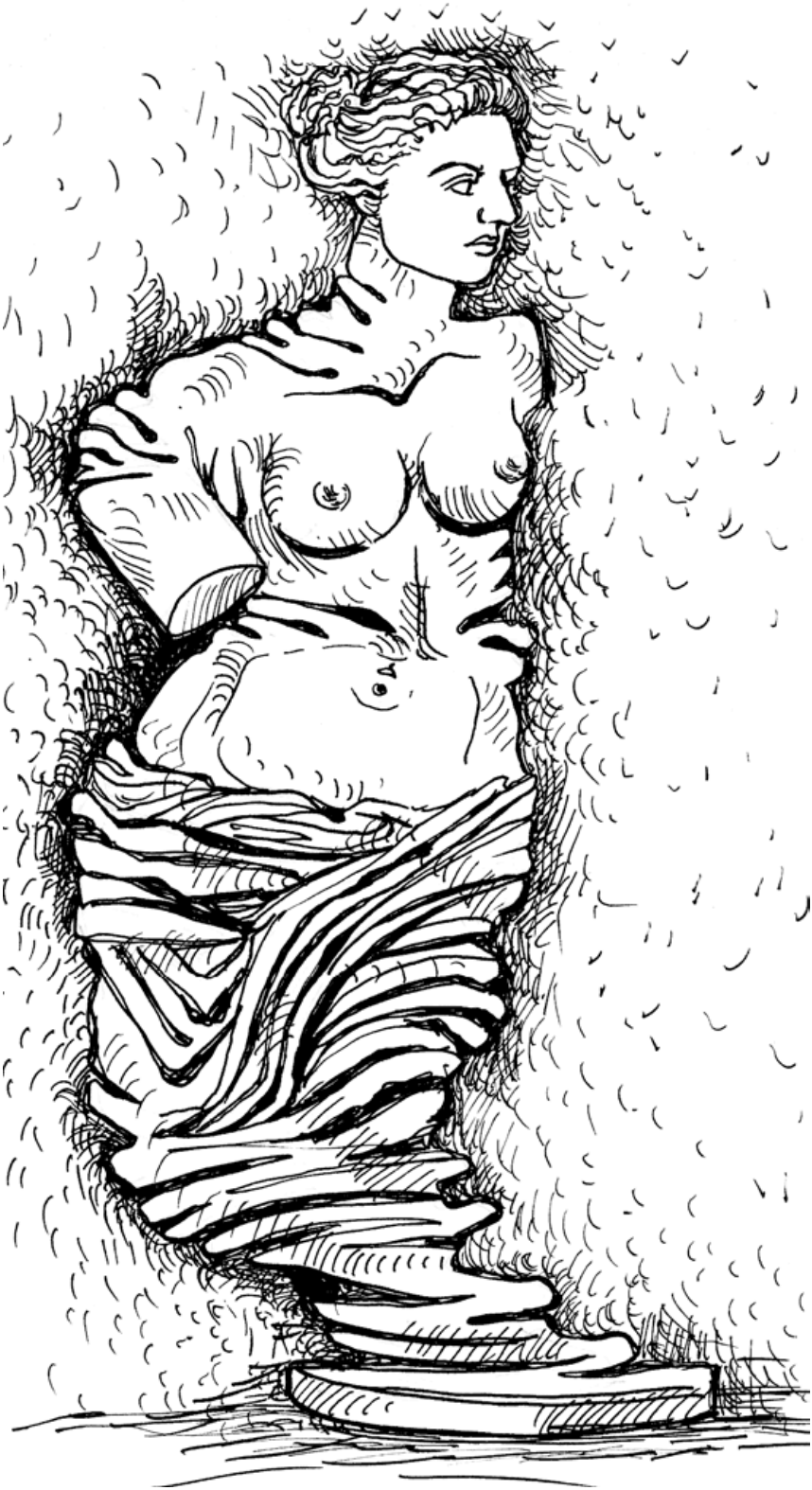
Книги времен Пушкина? Бронзовые статуэтки времен Льва Толстого? Акварельки, на которые мог смотреть Николай Гумилев? Все это называется одним и очень емким словом – антиквариат, причем стоимость антиквариата совершенно несоразмерна с художественной ценностью вещей.

Что, пластмассовые статуэтки чем-то хуже бронзовых? Может, они менее художественные? Вряд ли… Разве что материал дешевле.

Новые вещи не хуже старых; у них только один недостаток – они новые.

Не хуже даже и картины. Действительно, чем пейзаж, написанный в 1890 году, непременно лучше и художественнее, чем написанный в 1990-м?

Даже у художников, в профессиональной среде, ходит этот забавный миф: якобы старые мастера были так гениальны, что их работы невозможно воспроизвести, а сделать живописные шедевры более высокого качества не удастся уже никому.



Но и это очень сомнительно…

Известно очень много скверных, даже просто безобразных картин старых мастеров… Картин, которые столь же бездарны, как поэзия Хвостова или рассказы еще одного современника Пушкина, некого Булганина.

Недавно мне пытались впарить картину немецкого художника середины XIX века… Сцену охоты. Жирный охотник в шляпке с кокетливым пером торчал из-за цветущего розового куста, а олень ревел, выпуская пар изо рта посреди зеленеющей лужайки… Это была на редкость безобразная, чудовищно безвкусная картина. На другом творении Великого Старого Мастера в пруду около замка бултыхались грудастые русалки, а по аллеям брел и смотрел на масляно сверкавшую, как крышка от кастрюли, луну романтический рыцарь… бледность которого наводила на мысль о несварении желудка и шарлатанских пилюлях. Этой гадости тоже полтора века.

Но и эти картины стоят во много раз дороже, чем хорошие произведения одаренных, но современных мастеров!

Дело в том, что студенты художественных институтов часто учатся на копировании работ старых мастеров. Некоторые парни копируют даже трещинки на старом, провисевшем уже сотни лет холсте. Так вот – я лично был свидетелем по крайней мере двух случаев, когда Мастера и Эксперты не могли решить – где копия, а где подлинник работы. Не могли, да и все!

> *Но, конечно же, копия будет стоить в сотни раз меньше подлинника. Даже если никто не в силах отличить, которая из картин именно подлинник, а которая – копия.*

Один из моих знакомых Мастеров и Экспертов по секрету сознался, что «подлинников» одной известной в мире картины существует по крайней мере три штуки, а другой – так даже четыре.

– Так который из «подлинников» настоящий?!

– А вот этого никто не знает.

Причем даже если когда-нибудь и выяснится, какая из трех или четырех картин – «настоящая», то все равно ведь будет совершенно непонятно – а чем остальные-то хуже?! Но, конечно же, стоимость этих остальных незамедлительно упадет.

Вот ведь что получается – никто и никакими силами не может доказать, что копия… ну, например, копия картины Караваджо «Девушка с лютней»… Или, допустим, копия картины Репина «Заседание Государственного совета», сделанная Васей

Пупкиным, хуже подлинника Репина. Но…

– Но это же Репин!!! – закатывают глаза искусствоведы.

А когда глаза уже закачены, голоса задрожали – понятное дело, вопрос сразу выводится из сферы рационального, тут уже пошли голые эмоции. Теперь важна только цена, которую обладатель готов заплатить за счастье быть хозяином некого Эксклюзива… Того, что есть только у него, чего нет и не может быть ни у кого другого.

> *Потому что кроме этой ауры исключительности и особости – за что еще он платит сотни тысяч и миллионы долларов?*

Почему возник дефицит старых вещей, понятно: людей, которые могут приобретать хорошие вещи, стало много. А самих таких вещей больше не делают, желающих приобрести настолько больше, что картина или статуэтка начали стоить миллионы в конвертируемой валюте.

> *Не выручает даже наличие сразу трех «подлинников».*

Труднее объяснить – почему все так кинулись именно на старинные вещи? Если хотят «просто» хороших, почему не приобретают хорошие, но новые?

Наверное потому, что слишком многим хочется хоть как-то приобщиться к этому мировому музею: к образцам старинной культуры.

Сотни и тысячи лет владеть картинами, гравюрами и бронзовыми статуэтками, читать книги и сидеть в креслах с резными ручками могло только меньшинство населения Земли. Исчезающее меньшинство, считанные проценты населения.

Теперь таких людей – большинство. И самые богатые из нас пытаются изо всех сил приобщиться к этим считанным процентам старой, исторической элиты… К тем, кто был богат и образован, кто приобщался к красивым вещам еще тогда, до неслыханного роста общественного богатства последних десятилетий.

> *Когда предки покупателя еще пахали землю деревянной сохой.*

Музейные отношения

Точно так же и отношения людей. То, что мы называем дружбой, любовью, семьей, отношениями детей и родителей, сегодня совсем не похоже на то, что называли этими словами

предки.

Слишком часто нас пытаются уверить, что «новые» отношения чем-то хуже «старых» – как бы неполноценны. Якобы в XVIII и в XIX веках существовало особое, очень рыцарское отношение к женщине, семьи были прочные, дети слушались папу и маму, мамы и папы нежно любили детишек… Не то что современные матери-кукушки и папы – беглые алиментщики.

Эти представления – такой полный абсурд, что даже возразить бывает трудно.

Романтическое отношение к женщине?!

Но вот Наталья Гончарова, первая красавица Москвы, которую никто не брал замуж – бесприданница! Женихи охотно танцевали с Наташей и говорили ей комплименты, но жениться… За «жениться» полагается приданое.

Историй про «крепкие семьи» в старину можно рассказать столько, что и бумага не выдержит. Вот хотя бы одна, и тоже произошедшая в роду Пушкиных…

Один из братьев деда Пушкина по матери, Абрам Ганнибал, хотел развестись со своей второй женой, гречанкой Евдокией. О первой жене Абрама, кстати, вообще ничего не известно. Известно, что Евдокия была вторая и что от нее была дочь Поликсена.

Абрам хотел развестись: считал, что жена ему неверна и вообще его не любит, семья не складывается. Но если развестись по своей инициативе, если Абрам будет «виноват» – церковь ему запретит жениться снова.

Тогда Абрам стал действовать как истинный сын эпохи Петра: вделал два кольца в стены спальной; Евдокию приковывали за руки к кольцам, и двое денщиков по очереди пороли ее прутьями, пока не подпишет документ: признание, что она мужу неверна и хотела его отравить.

Евдокия продержалась несколько недель: ведь для нее подписать такой документ – и все, никогда никакого нового брака у нее не будет, а вполне возможны суд и каторга. Отравление мужа – достаточно тяжелое уголовное преступление. Но в конце концов женщина не выдержала, подписала!

Что характерно для нравов времени – многие знали, каким способом Абрам получил этот документик, но ничего не имели против. Счастливого нового жениха даже поздравляли с удачным решением семейной проблемы.

Развели супругов, признав виновной Евдокию; ее отправили в Тихвинский монастырь. Могли и в тюрьму, но Абрам очень просил, чтобы с его бывшей женой не обращались очень уж сурово, не судили по всей строгости закона. Он ведь по-

христиански простил попытки жены его отравить; жить с ней он уже не может, но просит – пусть ее не судят по уголовному делу.

Какое благородство! Прямо всхлипывать хочется…

В монастыре следы Евдокии теряются… Может, сбежала? Дай-то ей Бог.

Пушкин писал, что «дочь Евдокии Поликсену Абрам Ганнибал оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал к себе на глаза».

Абрам в 1736 году женился снова, на Кристине Матвеевне Шеберх. Этот брак оказался долгим и удачным. Из четырех их детей мужеска пола один так и не женился: в молодости не успел, с Потемкиным основывал Херсон. А потом посмотрел на братьев – и решил вообще не жениться. Так честно и говорил – вот посмотрю на вас, и не хочу.

У всех же трех других братьев браки были… гм… своеобразные, и все они совершали порой столь же криминальные поступки, как папа со второй женой.

Самый буйный был Иссак: он и крепостной гарем держал, и жену плетью бил, и вообще развлекался как мог. Но и дед Александра Сергеевича Пушкина, Осип-Иосиф оставил в памяти современников… сложное впечатление.

Пушкин считал, что все браки его предков были несчастливы…

Это пример одной известной обеспеченной семьи XVIII–XIX веков, а число примеров можно преумножить без меры. Судя по всему, что мы знаем, в старину неудачных браков и несчастливых семей было не меньше, чем сегодня… Только развестись люди при всем желании не могли, вот и все.

Что касается отношений родителей и детей… Отец героя 1812 года Александра Фигнера не раз избивал сына кулаками, пока у него не начинала течь кровь из ушей. Всю свою короткую жизнь до гибели в водах Эльбы в 1813 году Фигнер был туговат на левое ухо.

Модест Корф всю жизнь заикался: в кадетском корпусе всех воспитанников пороли по понедельникам без обсуждения вины – так просто, чтоб знали свое место. Врач предупреждал, что у впечатлительного, нервного Корфа речь вообще «может отняться», но на начальство это не произвело впечатления. Слава Богу, хоть совсем речь не отнялась, человек «всего только» заикался до конца своих дней.

Таких историй про славные отношения отцов и детей я тоже могу рассказать множество, одну другой «духоподъемнее».

Так почему же нас так привлекает все это: длинные платья, юбки ниже колен, танцы в стиле ретро, церемонные поклоны, целования ручек?

Разумеется, это игра. Кавалер, который метет землю шляпой, дама, присевшая в низком книксене, просто играют. Вопрос – а зачем они именно так играют? Почему?

Наши отношения с современной свободой женщин, почти дружескими отношениями полов и независимостью детей не хуже и не лучше «антикварных» – они просто совершенно другие.

Вопрос, видимо, надо ставить не «в чем предки лучше нас?», а «почему для нас предки становятся недосягаемым идеалом?» Почему эта игра «в старину» становится так привлекательна?

Ответ могу найти только один: потому что мы идеализируем прошлое, приписываем ему не существовавшие в нем достоинства. Потому что весь современный класс образованных людей хочет видеть своими предками те 1–2–3 % населения России и Европы XVIII–XIX веков, которые и тогда принадлежали к образованному классу.

Именно поэтому стиль ретро – почтенный, солидный стиль.

Музейная история

Русский интеллигент еще в 1960-е годы просто не мог не знать, кто такой старец Федор Кузьмич, кто такие царевич Алексей или временщик Бирон. Хоть сколько-нибудь образованный человек в начале XX века знал и не такое! Например, он вполне квалифицированно мог спорить о том, был ли Лжедмитрий I самозванцем, какие права на корону имел Дмитрий Шемяка и в каких отношениях находился Александр Ярославович Невский к брату Андрею.

Теперь множество совсем неглупых и неплохих людей не имеют об этих людях ни малейшего представления.

Ведь если вы не специалист, вам все труднее найти время и силы на изучение истории, на знание хотя бы основных фактов.

Из этого сразу два важных следствия:

1. Люди перестали осознавать себя представителями каких-то

больших общностей: народов, сословий, культур. Современный Запад – это вообще огромная диаспора, где люди живут, подчиняясь законам рыночной экономики и законодательству своих государств. Но они все меньше связывают себя с историей и культурой своих народов.

2. Людей очень легко обмануть. В 1970-е годы в Нью-Йорке за один день были проданы 90 транзисторов. Каждый из них принадлежал лично Христофору Колумбу.

> *Если вы сейчас судорожно пытаетесь вспомнить, кто такой Христофор Колумб, я вас поздравляю: скоро и вы купите мобильный телефон, по которому звонил еще Иван Грозный.*

Сама по себе история Московии, потом Российской империи все слабее осознается как «своя» история, как имеющая отношение именно к данной личности. История была… Ну, а мы тут при чем?!

В музее разных культур

Тысячелетиями жил человек в своей традиционной культуре. Даже сталкиваясь с другими культурами, он точно знал – кто угодно пусть делает вот так, а сам он не должен поступать, как иноверцы и инородцы!

Человек точно знал, как он должен подходить к женщине или к мужчине, к старшему или младшему, как говорить, как одеваться и вести себя во всех случаях жизни. Он знал, каким обычаям следовать, какие обряды и как именно должны совершаться в тех или иных случаях.

Сегодня мы можем не совершать вообще никаких обрядов или совершать какие угодно. Мы живем вне традиции и можем выбирать любой способ общения с дамой или с другом.

Вот свадьба…

Можно венчаться, а можно «расписаться». А можно жить «гражданским браком» и только устанавливать официальное отцовство.

Можно заводить детей, а можно и не заводить.

Можно созвать на свадьбу двести человек гостей, а можно вообще никого не звать, расписаться – и устроить праздник для двоих. А можно и его не устраивать.

Можно ехать в свадебное путешествие, а можно не ехать, прямо с регистрации отправиться на работу.

Последнее время стало модно устраивать «фольклорные»

свадьбы. Но ведь и это – не исполнение того, что заповедано предками, а веселая игра, увлекательное представление. Люди весело копаются в деталях новгородского или тверского свадебного обряда и могут смешивать их, как понравится.

Помню свадьбу, в которой невеста категорически отказалась снимать с мужа сапоги… Ну, никак не хочет – в слезы, и все. Ладно, надели на жениха лаковые туфли… Засмеялась – и сняла.

В чем тут логика, почему сапоги снимать обидно, а туфли не обидно – до сих пор не понимаю. Но в современной свадьбе сменить сапоги на туфли – почему бы и нет? Все равно ведь из всех обычаев железно соблюдается разве что обычай кричать «горько». А одежда, символика…

Невеста и в наше время надевает белое платье и фату (наверное, потому, что они красивые) – но кто помнит, что они символизируют непорочность невесты? И кому она вообще нужна, эта самая непорочность?

Еще одно знамение времени – свадьбы по обычаям самых экзотических народов. Почему бы и нет? В XVIII веке тверские мужики попадали бы в обмороки при одной попытке справить свадьбу по новгородскому обряду. А мы можем праздновать и по-китайски! Ведь если наша традиция – это музей, в котором можно взять все, что понравится, то ведь и у китайцев их традиция – точно такой же музей. Из «ихнего» музея вполне можно что-то позаимствовать.

Все и «свое», и «чужое» в этом всемирном «музее традиционных культур» в какой-то степени «наше». Ни одна из традиционных культур не обязательна, ни одна из них не способна отвечать на самые животрепещущие вопросы современности.

И потому можно использовать все.

Или не использовать ничего.

Часть III. Человек третьего тысячелетия

Глава 1. Отмена естественного отбора

Дай Боже скотину с приплодцем,
а деток – с приморцем.

Старинная крестьянская молитва

Странности старинных фотографий

Как странно выглядят семейные фотографии начала века: много взрослых людей, а детей нет. Детей если и фотографируют, то отдельно, вместе с мамой или с гувернанткой. А если фотография всей семьи, то на ней – подростки, а уж никак не малыши. На знаменитых фотографиях семьи последнего царя Российской империи, Николая Романова, великим княжнам не меньше 12–14 лет. Барышни.

Вот семейная фотография автора этой книги. Сделана она в 1908 году. Моей бабушке было тогда восемь лет, ее сестре – чуть меньше семи. Бабушка рассказывала, что когда фотографировалась семья, она подсматривала в щелочку. Но ни ее, ни сестры, ни детей других родственников на фотографии нет.

Причина этой странности, на взгляд современного человека, несколько жуткая – люди попросту не считали детей состоявшимися членами семей. Это только у нас – родился ребенок – значит, вырастет. Как же его не фотографировать?! Ведь ребенок уже никогда не будет таким, каким был в три… в пять… в восемь месяцев, в два или в три года. И мы останавливаем мгновение, чтобы потом годами смотреть, вспоминая – каким был наш малыш в тот или иной срок своей жизни.

Иная логика

А у людей еще начала XX века – совершенно другая логика. Далеко не все родившиеся дети будут жить. Даже в среде образованной, культурной, в начале XX века детская смертность составляла порядка 7 %, а то и 10 %. Это в России, в Европе было чуть поменьше – порядка 6–7 %. Впрочем, в Германии у «простого народа», то есть у необразованных людей, детская смертность зашкаливала за 20 %. У русского крестьянства еще в 1920-е годы – за 50 %.

За простеньким вопросом: «Сколько у вас детей?» для нас стоит всего одна цифра: одно и то же число детей и родилось, и

выросло, и есть в настоящий момент. В начале XX века детей в разное время разное число, взрослыми станут не все. Родила хозяйка дома троих, из них выжили двое. Потом она родит еще двоих, один из них выживет. Из троих взрослых детей один погибнет на войне. Итого, рожала женщина пять раз, а в старости имела внуков от двоих детей. Фотографировать ее с тремя первыми детьми? А зачем? Ведь из них станет взрослым и сам будет иметь детей только один.

Нет смысл фотографировать каждого ребенка, тем более, вместе со всеми, как члена семьи. Ведь пока совершенно непонятно, состоится ли он или так просто… мелькнет и исчезнет. Предки поступали правильно – если и фотографировали ребенка, то отдельно, на специальных «детских» фотографиях.

С чего начиналось

Так было всегда, во все времена. Такова норма смертности детенышей у всех крупных млекопитающих: 70 % родившихся детенышей умирает во младенчестве у львов, слонов, буйволов, оленей, гиен. Люди – совсем не исключения.

В первобытном племени парни и девушки ведут себя довольно свободно. В крестьянском обществе мужчины хотят передавать собственность родившимся от них детям. Девственность невесты начинает играть большую роль. Члены эзотерических сект часто видят в этом злое наследие христианства… Но почитайте вы индусов, того же Рабиндраната Тагора, и убедитесь – душное ханжество индусской деревни во сто крат превосходит ханжество христиан.

Первобытные охотники живут в природных ландшафтах с их наводнениями, пожарами, извержениями вулканов, дикими зверями и болезнями. Они подвержены множеству опасностей, вся их жизнь – почти беспрерывная охота, рыбная ловля, поиски пищи. В обществе охотников надо постоянно кочевать, там приходится сокращать число детей.

Оседлый земледелец живет в среде, которую сам для себя создал: в поселке, в доме, в усадьбе. Его женщина сидит дома, под надежной защитой мужа и всей общественной среды. Но рождается детей очень много. Женщина никуда не кочует по степи; не убегает от разъяренного льва; не носит на себе все свое домашнее хозяйство. Но она рожает каждый год – ведь такая возможность у нее есть.

При всех этих различиях женщина рожает столько раз, сколько успеет. В первобытных обществах – раз 8 или 10. В обществах крестьянских – до 25, даже 30 раз.

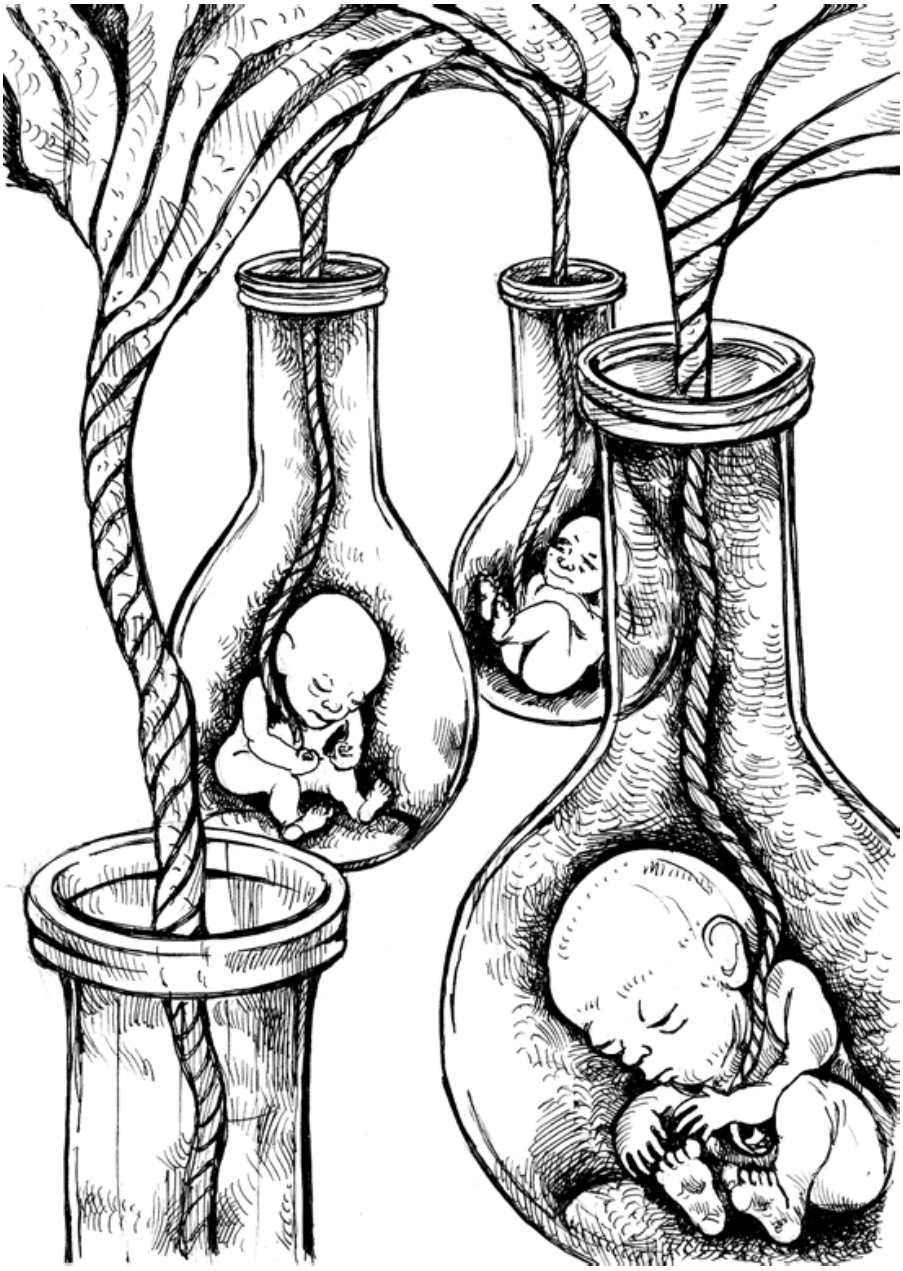
Большая часть этих детей умрут до 5 лет. Любое простудное заболевание, любая хворь легко убивают ребенка. Если ребенок дожил лет до 10–15 – скорее всего, он будет жить уже долго, до старости (то есть лет до 50–60).

Из этой модели демографии прямо вытекает несколько последствий, и нельзя сказать, чтобы приятных. Главные из них – совершенно другое отношение и к детям, и к женщинам.

Отношение к ребенку

В результате патриархальные общества как-то и не считают полноценными людьми детей, еще «не вошедших в ум». Многих европейцев коробит китайский обычай – не считать людьми детей до трехдневного возраста. В эти первые три дня нежеланных детей попросту топят – с патриархальной простотой. Но разве наши предки были лучше?

Лев Толстой в своем «Воскресении» описывает, как это делалось в России: нежеланного ребенка крестили, а потом переставали кормить, и он умирал от голода. «Так обычно делается в деревнях», – мимоходом сообщал граф Лев Николаевич, без особенных эмоций.



Детей всегда много. Дети – это своего рода секрет женского организма. Как не может не быть слюны во рту, так у женщины не может не быть детей; дети все время рождаются и умирают. Дети могут мешать, требовать слишком много забот. От детей порой хочется избавиться. Крестьянок, ставящих свечку «за примор своих чад», описывают все бытописатели старой деревни, от Энгельгардта до Успенского.

Разумеется, детей крестьяне любят – но без нашего страха, без чрезмерности. Бог дал – Бог и взял, ничего не поделаешь. К маленькому ребенку лучше не привязываться, не торопиться его любить.

В образованных и богатых слоях общества отец приближал к себе одних детей, был равнодушен к другим… Как отец Пьера Безухова, который признал сына уже взрослого.

Пьер Безухов уже мог прожить долго.

Замужество в 13 лет

Даже сегодня приходится слышать рецидивы отношения к женщине как к спальной принадлежности и к кухонному агрегату. Но сегодня эту чушь плетут чаще всего люди неполноценные, и в основном – из умственно сниженной, а то и попросту криминальной среды. Еще всего сто лет назад – это нормальное отношение, естественное во всех слоях общества.

Другое отношение к женщине рождается вместе с цивилизацией – когда рожать каждый год уже не надо.

В патриархальном обществе девочек выдают замуж очень рано. Вспомните русскую классику: …«ты уж сед//Мне ж пятнадцать только лет», – отвечает княжна сладострастному царю из «Конька-Горбунка». Древнерусская эстетика прямо требует, чтобы невесте было не больше 17 лет.

Верхи общества ничем не лучше низов: Лев Толстой описывает, как шестнадцатилетнюю девицу всовывают в бальное платье (а она ревет от стыда) и выставляют на балу и в театре. Выбирает, влюбляется мужчина. Мужчина – личность; до брака ему надо поучиться, послужить, попутешествовать. Девушку выдают замуж, как только она сможет рожать детей… а очень часто и до этого. Выдают – лет в 13–14, еще до начала менструаций – пусть привыкает к мужу, ко всей его семье, учится женскому делу.

Для современного человека от этакой «эстетики» явственно веет педофилией, «Лолитой» и прочей мерзостью. Но что поделать! В патриархальном обществе женщина – это бурдюк с питательной смесью, в котором вызревают дети. И только.

Последствия налицо, и тоже описаны классикой. Ларина, которая «милая старушка» в свои 36 лет. Впадающая в маразм «старая графиня Ростова», которой порядка 50. Причем заметьте – старый граф Ростов, которому за шестьдесят, вовсе не считается таким уж старым. Эдакий пожилой резвунчик, и до маразма ему очень далеко.

Великая медицинская революция

Все кардинально изменилось после того, что Луи Пастер открыл угрозу, таящуюся в микробах: оказывается, это микробы – виновники серьезнейших болезней! Но если микробы разносят болезни – надо бороться с микробами. Сначала в аккуратной Германии, потом и по всей Европе люди начали следить за чистотой – и самого отдельного человека, и среды его обитания, и всего города.

Немцы, а потом и все европейцы, стали мыть руки перед едой, а пищу стали готовить чистыми, вымытыми руками. Сделалось нормой принимать ванну, мыть ноги, подмываться, чистить зубы. В прусской армии одно время новобранцу выдавали вместе с мундиром и шнурованными ботинками еще и две пары трусов, зубную щетку, кисет с табаком и второй кисет – с зубным порошком.

Европейцы привыкали носить нижнее белье и притом регулярно стирать его и менять.

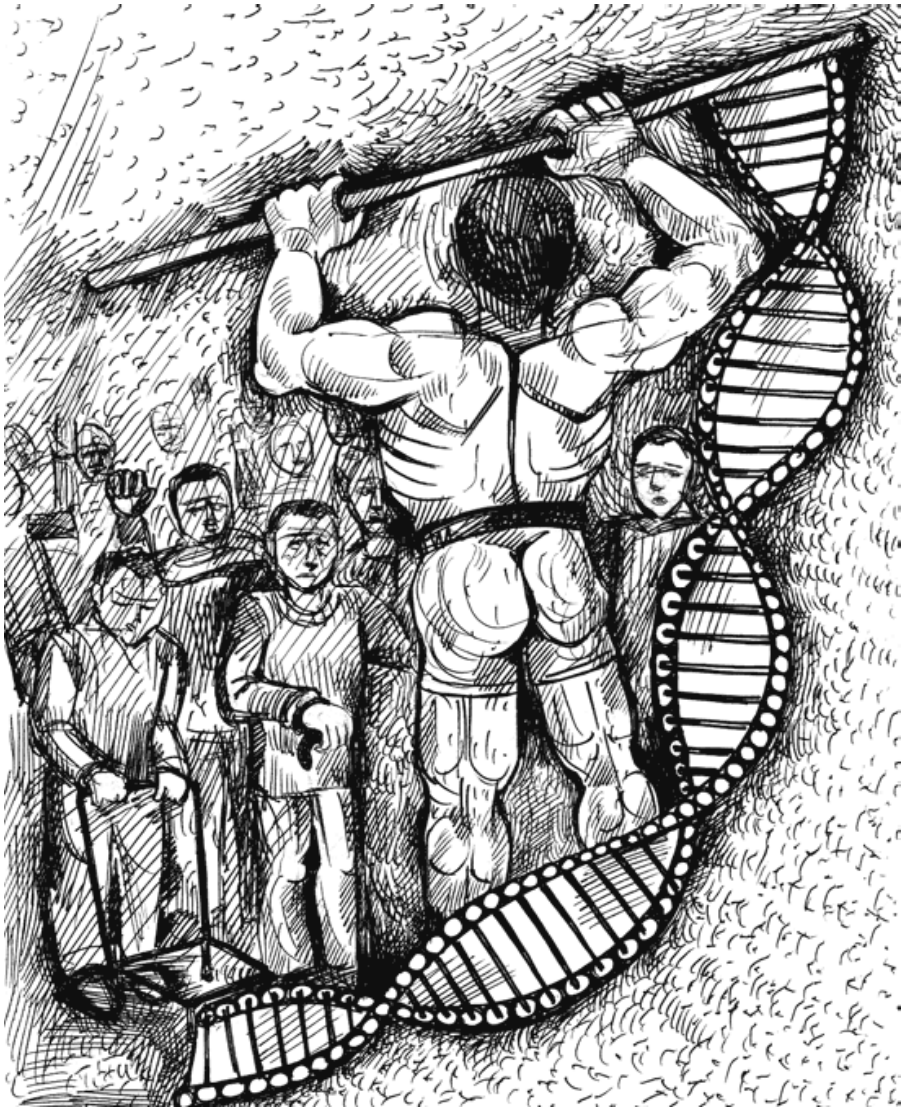
В домах появилась канализация, а в окнах – форточка.

Стало нормой регулярно делать влажную уборку, проветривать, выметать мусор. Насекомые – все эти блохи, вши, тараканы, клопы – сделались признаком дурного воспитания и чем-то неприличным для сколько-нибудь культурного дома. Бедных паразитов начали изводить всеми мыслимыми способами, даже мухи стали редкостью в Германии.

Детей стали регулярно мыть, стирать им пеленки, проветривать их комнаты и не давали им грызть собачьи кости и лакать из кошачьего блюдца.

В больницах стали применять методы антисептики, начали стерилизовать инструменты перед осмотром пациента, мыть с хлоркой посуду больного.

Сейчас даже трудно себе представить, что может быть вообще иначе и что не так можно жить… Но ведь еще в Версале XVIII века платья придворных дам снабжались блохоловками, нечистоты накапливались в ночных горшках и выливались прямо в сад, нижнего белья не носили, а менять ночные рубашки чаще, чем раз в полгода, считалось совершенно не обязательным.



Версаль выглядит очень привлекательным в сочинениях Голонов[46] и в других исторических романах, но как-то не любят современные авторы упоминать: не было в огромном Версале, во всем комплексе роскошных дворцов и парков, ни единой уборной. Не только ватерклозета – но даже деревянной сельской будочки. А «прекрасные дамы» по утрам пили шоколад, но при том вовсе не имели привычки умываться и чистить зубы, а ложась спать – мыть ноги… и другие части тела.

Великая Гигиеническая Революция совершенно изменила образ жизни людей и сами представления о том, как человек должен выглядеть, в каком жилище обитать и что считать важным для себя. Мы – дети Великой Гигиенической Революции и ее

последствий.

Самым важным последствием Великой Гигиенической Революции стало почти полное исчезновение детской смертности. Великая Гигиеническая революция сначала уменьшила, а потом фактически отменила детскую смертность. И смертность женщин при родах.

В конце XIX века смерть рожениц в Германии упала с обычных 4 % первородок до 0,3 %. Смертность детей с обычных 60–70 % до 7 %. Ко времени Первой мировой войны детская смертность во всей Европе составила 4–5 % родившихся.

В России детская смертность у крестьян оставалась очень высокой до конца Второй мировой войны, даже до начала 1950-х годов. Еще доживают свой век женщины, которые родили по 10 и по 20 детей, а сохранили 2 или 3. Я лично общался с пожилой дамой, которая просто не помнила, сколько детей родила. Долго вспоминала, загибала пальцы… Больше 20 – наверняка, но точного количества не вспомнила. В России Великая Гигиеническая Революция победила полностью и окончательно к концу 1950-х годов.

С конца XIX века человечество может воспроизводить себя совершенно иначе, чем всю свою прежнюю историю. Впервые женщины могут рожать не каждый год, а всего 2 или 3 раза за всю жизнь.

Последствия

Во всем хорошем обязательно есть плохие стороны. Мы победили чудовищную детскую смертность. Это великое достижение, поколения живших до нас могли только мечтать о таком. Но ликование недолго: на нас тут же свалились новые и трудные проблемы.

Во все времена природа сама решала, кому жить, а кому умирать. Детишки с хроническими заболеваниями, недостаточно жизнеспособные и сильные, умирали сами собой, независимо от воли родителей. Теперь выживают почти все родившиеся дети. Регулярно выживают люди, которые никогда не выжили бы до Великой Гигиенической Революции. Среди них – носители таких наследственных болезней, от которых еще в XIX веке они умерли бы младенцами…

Вряд ли в Средние века или в XVIII столетии рождалось на свет меньше детей с пороками сердца или с астмой, чем в середине XX-го. Но тогда астматики или сердечники умирали до 5 лет. Еще тридцать лет назад они были заболеваниями немолодых людей: атеросклероз и гипертония, астма и диабет.

Те, кто болел ими с рождения, – всегда умирали, а теперь вот живут.

Сегодня сердечно-сосудистыми и почечными болезнями болеют и дети – ведь некоторые дети родились с астмой и гипертонией, но выжили. Или они родились слабенькими, с предрасположенностью к заболеваниям, и «приобрели» эти болезни молодыми, а то и подростками.

Вот два самых простых, самых очевидных следствия того, что мы отменили естественный отбор:

1. Омоложение хронических заболеваний.
2. Обилие хронических больных: сердечников, легочников, печеночников, почечников, страдальцев собственной эндокринной системы и своих желез внутренней секреции.

Таких людей очень мало в крестьянском обществе и у охотников, но причина этого здоровья проста: хронические больные быстро и неизбежно умирают.

Многие хроники – очень полезные люди! Среди крупных ученых, врачей, специалистов самого разного профиля, артистов, интеллектуалов очень высокий процент людей с такими заболеваниями. Причина проста – они не молоды.

Химические костыли

Строго говоря, они неизлечимы, эти сердечно-сосудистые заболевания, астма и почечная недостаточность. Эти состояния даже не совсем правильно называть болезнями. Ведь болезни приходят и уходят, за болезнью следует состояние полного выздоровления. Но «выздороветь» от гипертонии нельзя. И от астмы тоже нельзя.

Эти «болезни» – не что иное, как патологические изменения каких-то внутренних органов. Человек рождается уже с предрасположенностью к этим состояниям. В том или ином возрасте они обязательно проявятся. Если не проявились с рождения или в пять лет – обязательно проявятся в 30 или 40. В 40 или в 50 они уже будут мешать полноценной жизни, в 50 или в 60 сделают здоровье человека неполноценным, а в 70, 80 или 90 лет он от них умрет.

Излечение невозможно, и все, что мы принимаем «от гипертонии» или от ишемической болезни сердца, вовсе не лекарства. Гипертоник не выздоравливает от того, что он принимает арифон и клофелин. Кровяное давление у него все равно остается высоким, но эти «лекарства» сбивают давление на время своего действия. Если их принимать регулярно – болезни

как бы и нет.

Пока в крови – необходимое вещество.

Хронические болезни честнее называть не болезнями, а неизлечимыми состояниями. А вещества, которые позволяют жить с этими состояниями, честнее назвать не лекарствами, а костылями. Он костыля из дерева или металла не отрастет оторванная нога – но костыль позволяет ходить. От гипертонии и астмы нужны не металлические, а химические костыли.

Граф Алексей Константинович Толстой, автор «Князя Серебряного» и множества красивых, лиричных стихов, страдал артериальной гипертонией. Среди всего прочего, он страдал от жесточайших головных болей. Таких, что взрослый мужчина-писатель падал на пол, пытаясь положить голову в любое холодное место, хоть как-то облегчить страдания.

Следствием никогда не леченной гипертонии стала еще и почечная недостаточность – уремия. Эта болезнь тоже ведет к жестоким болям.

Единственным средством облегчить эти боли хоть ненадолго стал морфий. Дозировки морфия возрастали, периоды облегчения сокращались. 10 октября 1875 года писатель умер от передозировки морфия. Ему было 58 лет. До сих пор находятся люди, которым хватает совести гадать: было ли это сознательное самоубийство? Или писатель от страшной боли плохо соображал и случайно принял слишком большую дозу?

Другой известный человек, умерший при тех же обстоятельствах и от такой же передозировки морфия: Джек Лондон. В 1916 году ему исполнилось 40 лет.

Не торопитесь сочувствовать: очень многие современники этих писателей не имели и морфия. Морфий ведь дорог, множество людей не имели возможности его покупать. Бедняки

тихо страдали и умирали в страшных мучениях: повседневно, как младенцы от простуды.

В наше время всех этих людей посадили бы на химические костыли, и все они прожили бы еще долго, а главное – полноценно. Путешествовали, влюблялись, работали, ругались с противниками.

А. К. Толстой и Джек Лондон еще и написали бы не одну книгу.

Но химических костылей у них не было.

Понижение иммунитета

В воздухе любой, самой комфортабельной комнаты всегда есть туберкулезная палочка. Туберкулез – абсолютно везде. Каждый из нас постоянно вдыхает и выдыхает возбудителей этой страшной болезни, но не заболевает: организм успешно сопротивляется. Заболевают только те, чей организм ослаблен другими болезнями, скверными условиями жизни или стрессом. Туберкулезники и в прошлом, и в настоящем почти поголовно: жители подвалов, нищие и убогие, заключенные в тюрьмах и смертники в концлагерях.

Те, у кого сопротивляемость понижена.

В историческом прошлом все было просто: те, кто не обладал иммунитетом, умирал в первые же годы жизни. Уцелевшие постоянно тренировались: много времени проводили на свежем воздухе, много ходили, двигались, работали, не переедали… в общем, вели сравнительно здоровый образ жизни.

А что им еще оставалось делать?

И всякий, у кого было плохо с иммунной системой, умирал. Чаще всего до того, как передавал детям свои скверные наследственные качества. Мы отменили естественный отбор – и теперь множество людей со скверной иммунной системой выживают и передают своим детям свои гены.

Ну, и образ жизни мы ведем куда менее здоровый. В результате сопротивляемость организма у нас не особо высока, мы довольно легко подцепляем всякую заразу.

К тому же нас много раз лечили сильными химическими препаратами. На легонькие воздействия чая с малиновым вареньем или отвара корешков мы реагируем слабо: нашим

организмам подавай чего посильнее.

В 1980-е годы, когда СПИД был еще новостью, некоторые медики вполне серьезно предполагали, что это – вовсе и не вирусное заболевание. Просто организмы современных людей так ослаблены, что часть человечества физически не может существовать, болеет от любой малости. А что подцепляют СПИД в основном проститутки и педики – так ведь нетрудно сообразить: они-то не особо жизнеспособны и крепки. Какой же могучий и здоровый человек не способен себя воспроизвести? Какая же умная и красивая женщина так не уважает себя, чтобы пойти на панель?

Нежизнеспособные люди падают на уголовное дно и… умирают от иммунодефицита.

Скорее всего, эти ученые не правы, но тут интересен сам ход мысли… Очень логичный для эпохи, когда для многих людей и СПИД не нужен – у них и без СПИДа такой слабый иммунитет, что жить они могут только на пределе всех своих сил.

Для все большего числа людей даже самые обычные лекарства превращаются во все те же самые химические костыли. Не успев выздороветь, они почти сразу проваливаются в новую болезнь… И так почти беспрерывно. Им требуются все время новые, и все более сильные средства… А жить без них они уже не в состоянии.

Как наркоман без очередной дозы героина.

Чего ждать?

Есть прекрасный способ избежать ужасов падения иммунитета, зависимости от лекарств и химических костылей: опять ввести естественный отбор. Для этого достаточно отменить всю современную медицину: перестать выпускать современные сильные лекарства, инструменты для обследования больных, хирургические инструменты.

Фармацевтические фабрики – закрыть, лаборатории разгромить, книги и учебники сжечь, фармацевтов поголовно расстрелять.

Запасы лекарств – уничтожить.

Например, сжечь в топках ГРЭС.

Все танометры, термометры, бестеневые лампы, ланцеты и

приборы для энцефалограмм – выбросить и уничтожить, двери во все больницы заколотить, медицинские институты распустить, профессуру разогнать, врачей расстрелять. Любые исследования в области медицины – категорически запретить. Прием пока сохранившихся лекарств рассматривать как преступление.

Впрочем, любые запасы быстро кончатся.

Даже известно, что из этого всего получится: по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), если перестать лечить людей, то через 5 лет на земле останется всего 200 миллионов человек. Остальные умрут. Все шесть или семь миллиардов.

Только одни умрут от гепатита или бронхита, а другие – от ишемической болезни сердца и астмы.

Эти оставшиеся 200 миллионов начнут жить по законам естественного отбора. У них будут умирать 60–70 % родившихся детей, остальные будут жизнеспособны и выносливы.

И проживут свои 40–50–60 лет.

Во всех остальных случаях – если не уничтожать современной медицины, наше будущее тоже предсказуемо.

Во-первых, мы будем жить все дольше и дольше.

Во-вторых, при этом мы будем становиться все более и более больными.

В каждом поколении будет возрастать число людей, больных различными хроническими заболеваниями. Каждому из них будет становиться необходимым все большее количество лекарств и химических костылей. У каждого из них все больше времени будет уходить на болезни, консультации у врачей, обследования, лечение. И все больше денег – на лечение.

Надо ждать, что мы будем все более долговечными, но притом все более больными.

Некоторые ученые полагают, что уже через 2–3 поколения здоровый человек станет редчайшим исключением из правила. Впрочем, зачем ждать 2 или 3 поколения? Мне не раз доводилось спрашивать своих студентов:

– Поднимите руки, у кого абсолютное здоровье?

Над некоторыми аудиториями рук вообще не поднималось, иногда поднималась 2–3 (из 20, 30 или 50). Тогда я спрашивал:

– Зубы здоровые?

И руки тут же опускались… Наши стандарты здоровья так

понижены, что мы уже забыли: у человека не должно быть кариеса зубов (как в скифо-сибирскую эпоху)! Если кариес есть – человек уже не абсолютно здоровый.

Что поделать! Мы существа, давно живущие вне естественного отбора.

Глава 2. Анатомические отличия от предков

Еще не мужчина тот, кто не испытал любви, войны и голода.

Французская поговорка XVI века

Голодноватая история человечества

– Что такое праздник? – спросили одну маленькую девочку.

– Это когда дают пирожные, – ответил ребенок наивно, но ведь вместе с тем и совершенно правильно.

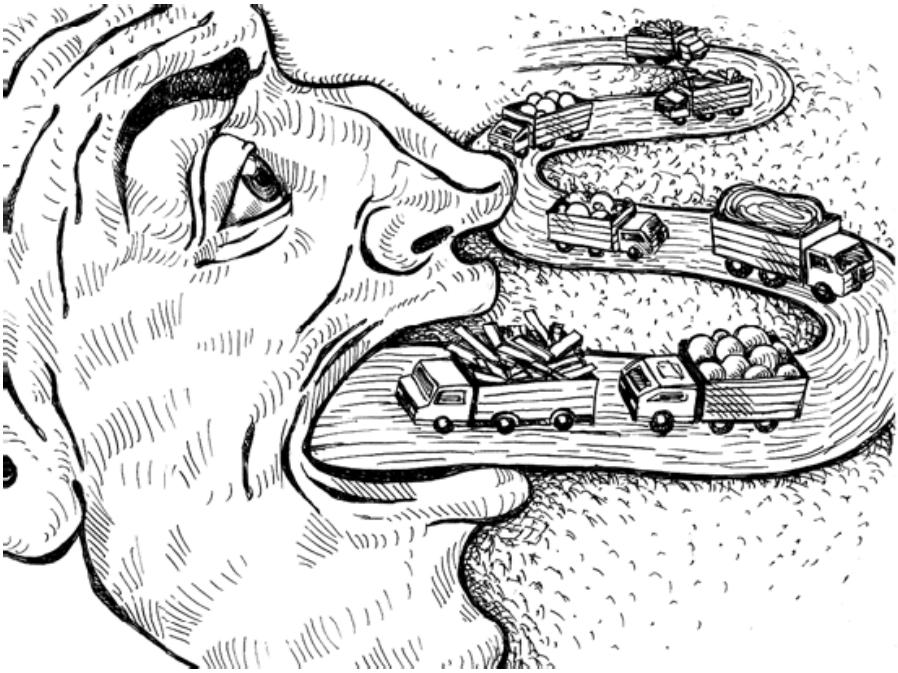
Действительно, чем праздники отличаются от будней? Да тем, что готовится и поедается больше всяких вкусных вещей! Это старая народная традиция – причем всех известных на Земле народов.

Всех до единого.

Все народные герои, воплощения народного здравого смысла и отношения к жизни, демонстрируют невероятную прожорливость. Петрушка в народных сказках съедает то целого жареного быка, то всю кашу на обед крестьянской семьи – то есть человекам тридцати. Немецкий аналог Петрушки, Ганс Вурст (что и значит в переводе «колбаса») тоже сжирает целые кладовки колбасы и копченостей, а потом всячески демонстрирует сытость: рыгает, пукает, похлопывает себя по животу, валится на спину отсыпаться и так далее. Неказистый юмор? Но такой же юмор и у всех остальных народов мира.

Русский «вурст» налегает не на колбасу, а на кашу и щи, японский – на рис и рыбу, мексиканский – на кукурузу, но, право же, все это – частности. Главное – народный герой, воплощение отношения народа к жизни, беспрерывно и жадно жрет. Жрет до отвращения много, по-хамски; жрет вопиюще некультурно; жрет до рвоты, до поноса, до тупого оцепенения.

Наверное, это занятие у всех народов считалось чем-то очень важным и ценным.



Само слово «жрец» в русском языке прямо происходит от «жрать». Важной частью служения богам в язычестве было пожирание как можно большего количества еды. Что называется, до рвоты. Чтобы видели боги и радовались за людей.

Внимательный родитель давным-давно заметил – в народных сказках, стишках, потешках невероятно много внимания уделяется еде. Развлекаться – это есть что-то вкусное. Хорошая жизнь – это когда есть ватрушки, пироги, шанежки, зразы, сочни, пироги с рыбой, вареньем, яблоками, рисом-мясом, сливами, грибами… впрочем, я, кажется, увлекся.

Даже для самых маленьких подчеркивается: «каша сладенька» – причем наряду с «бабушка добренька», – то есть с самыми важными для малыша фактами.

Откуда такой культ еды?!

Ответ будет не очень веселым – он от того, что еды вообще-то всегда не хватает. То есть какая-то еда обычно есть, жить можно – но, во-первых, всегда-то еды в самый-самый притык, еле-еле.

У всех народов есть меры объема, показывающие, сколько вообще хлеба нужно человеку на месяц или на год. Русская «четверть» – порядка 180 кило зерна. Японское коку – примерно 160 кило риса. Прямо скажем, нормы не особенно богатые. С такой нормы трудно лопнуть, как Ганс Вурст. Если это – средняя норма потребления, то кому-то обязательно не хватит.

В самые благополучные времена приятное застолье

упитанных людей всегда оттенял кто-то, глотавший голодную слюну.

И это зрелище воспитывало.

Во-вторых, в историческом прошлом всегда за сытыми годами следовали голодные. Неизбежно наступал год, или же несколько лет, когда еды не хватало уже для многих. Те самые библейские «семь тощих годов», которые неизбежно пришли за «семью жирными годами».

Во время войн, осад, катастрофических неурожаев наступал момент, когда даже верхи общества жестоко страдали от голода. Не от того, что называем «голодом» мы, зажравшиеся потомки. Не то, что мы испытываем, заблудившись в лесу или утопив хлеб и консервы в походе. Наступал момент, когда и вчера нечего было положить в рот; и сегодня нечего; и завтра тоже будет нечего. И послезавтра так же будет бурчать в животе, и так же придется, вставая, придерживаться рукой за стенку. А что самое ужасное, с той же надеждой будут смотреть на тебя твои дети огромными ввалившимися глазами.

А некоторые из этих детей умрут от голода на глазах пап и мам; тоже часть жизненных испытаний мужчин и женщин.

«Еще не мужчина тот, кто не испытал войны, любви и голода» – этой французской поговорке примерно четыреста лет. Франция была самой богатой, самой культурной (и самой сытой) страной тогдашнего мира. Поговорка эта создана дворянами – явно не самыми обездоленными людьми.

Но как раз в этой богатой и сытой стране вошло в обычай поедать лягушек и варить суп из улиток, – уж наверное, не от обилия пищи. А дворянин каждые несколько лет получал возможность пройти свое испытание голодом. Голодом, от которого шатает ветром сильного человека. Голод служил таким же испытанием личных качеств человека, такой же проверкой душевной зрелости, как сильная любовь к женщине, как поведение в атаках и под огнем.

Не надо думать, что верхи общества меньше зациклены на еде, чем низы. То есть они были относительно сыты, в сравнении с простолюдинами. Но ведь сказки, поучения и потешки читали примерно одни и те же и в царском дворце, и в крестьянской избе.

Верхи просто до неприличия демонстрировали свою относительную, в сравнении с низами, сытость. Во все времена, у

всех народов. Взгляните на коллективные портреты византийских царедворцев. Все они подпоясаны «под груди», – как говорили крестьяне на Руси. Зачем? А чтоб выпирал сытый живот. Чтобы было сразу видно – вот люди богатые, сытые.

Так же подпоясаны и рыцари на миниатюрах XII–XV веков. И бояре XVII века на Руси. И брахманы в Индии показывали свои сытые, раздутые от вегетарианской пищи животы.

Главное – чтобы все видели сытость.

В России XIX века было ничем, ничуть не лучше. Взять хотя бы великолепную книгу Елены Молоховец, ее пособие для молодых хозяек. Быт бытом, простой рассказ про то, как надо готовить, из чего, сколько, как подавать. Прочитать книгу Молоховец может всякий, но не читавшим сообщу сразу: самый обычный обед предполагает от 6 до 9 перемен блюд. Праздничный обед – до 38 перемен. Порции в каждой перемене огромные. Если суп – то из огромных тарелок в литр вместимости. Если мясо, рыба – то полфунта или фунт плюс гарнир.

Современному человеку просто неприятно читать про этот культ каждодневного коллективного жранья. Мы так делать вполне определенно не будем – и денег жалко, и перевод продуктов, и просто вредно для здоровья.

Мораль: в России было как везде и всегда, – всякий, вырвавшийся из бедности, из самой глухой нищеты, вовсе и не думал о сохранении фигуры, диетах и правильном питании. У этого прорвавшегося было занятие более важное – он ел. Ел, обжирался, жрал, впихивал в себя как можно больше.

Пока можно. Пока еще есть. Пока не кончилось.

Избыточное потребление пищи – по сути дела, расточение продуктов, было не только чем-то приятным. Оно надежно отделяло богатые верхи от бедных низов. Так же надежно, как одежда и образование.

Этюд о голоде

Не будем даже об отсутствии пищи, о голоде, а ведь он мучил человека постоянно.

Но даже если еды было достаточно, древний человек ел невероятно однообразно. Весь год – мясо нескольких видов животных, плоды и зерна нескольких видов растений. Человек не получал множества нужных ему витаминов и микроэлементов.

Мы-то смешали фауну и флору всех материков и в нашей Сибири едим арбузы и бананы из Африки, помидоры и кукурузу из Северной Америки, картофель из Южной Америки, рис и мандарины из Индокитая. У нас почти нет этих проблем.

А еще в начале XX века в Сибири, в Средней Азии обычнейшим делом был зоб – уродливое утолщение шеи. Причина – дефицит йода в воде. То есть вода-то была чистая, прозрачная и вкусная, никаких промышленных отходов; но вот йода в ней не хватало. И от этой чистой, вкусной, прозрачной воды у людей вырастал зоб. При советской власти стали ввозить йодированную соль – и за считанные годы зоб остался мрачным воспоминанием о «счастливой» жизни без цивилизации.

Еще недавно жители тропического леса посыпали печеное мясо золой… за отсутствием поваренной соли. Вы не видели фотографий индейцев хиваро или африканских пигмеев? Раздутые животы, отекшие от водянки ноги, тяжелые глаза давно и тяжело больных людей. Не видели? Так посмотрите, никто не мешает.

А не надо было этого есть…

Первыми пострадали греки и римляне: граждане сначала маленьких, враждовавших друг с другом государств, потом и громадной империи, стали умеренны в еде. Одна из самых подлых баек о римлянах еще несправедливее и неприятнее историй про их чудовищную жестокость – рассказы о том, как римляне обжирались на пирах, чесали в горле пером, блевали в подставленные рабами тазы и опять жрали и жрали.

В действительности описания такого рода «пиров» принадлежат сатирикам Древнего Рима – причем сатирикам, описывавшим нравы вольноотпущенников. Раб у римлян – это своего рода гастарбайтер древности; Италия пустела потому, что римляне уходили служить в легионах, строили и устраивали империю. Рабов ввозили и чаще всего быстро отпускали на свободу. Разбогатевшие вчерашние рабы вовсе не были «настоящими римлянами». Даже став весьма обеспеченными людьми, они не могли забыть полуголодной жизни на Востоке или где-нибудь в нищей Иберии. Они пережирались, осуществляя вековую мечту своих племен, – а римляне смеялись над ними. Похоже, образованные римские писатели даже приписывали вольноотпущенникам много лишнего… Неизвестно, действительно ли вчерашние рабы на своих пирах рвали в тазики, чтобы жрать снова и снова. Или этот «обычай» приписали им те, чьи предки далеко не первое поколение были сыты и считали нормой как можно дольше сохранять крепкое, поджарое,

выносливое тело.

Вторыми в истории, сделавшими ограничения в еде культурной нормой, стали английские джентльмены, создатели самой большой колониальной империи. Они, как и образованные римляне:

1. Сделались постоянно сытыми.

2. Сделали свою пищу разнообразной, калорийной, полной легких стимуляторов.

Для этого им потребовалась империя, над которой никогда не заходит солнце. «Где соленая вода – там и Англия».

С одной стороны, еда имущих классов Британии с XVIII века, с рождением Британской империи, стала разнообразнее, чем когда-либо. Ели мясо и овощи, позволяя себе обходиться без сытных, но менее вкусных каш и картофеля. Ели тропические фрукты и «экзотические» плоды. Везли баранину из Австралии, говядину из Аргентины, рис из Индии, кукурузу из Мексики, устриц с юга Франции.

В обычай вошло употреблять легкие наркотики и стимуляторы – чай, кофе, какао, табак, шоколад. Сложилась диета из продуктов, возникших на разных материках, под звездами разных континентов.

И тут же появилась другая тенденция – богатые и образованные стали все больше воздерживаться в еде. Джентльмен должен быть тощим и выносливым! Джентльмен умеет отказаться от лакомого блюда; джентльмен не обжирается, он много занимается спортом и не любит тяжести в брюхе.

В XVIII – начале XIX веков английский джентльмен отличался от простолюдина не только умением владеть шпагой, не только изяществом манер, но и сдержанностью в еде.

Наложив лапу на весь земной шар, выкачивая сказочные богатства из Индии и Африки, английские джентльмены стали первыми людьми на Земле, для которых голод навсегда ушел в прошлое. Для которых еда перестала быть предметом престижа. Которые не наедались впрок.

То есть поймите правильно – я целиком за то, чтобы регулировать количество поглощаемой еды, считать калории и вообще вести себя разумно. Но имейте в виду – это все не имеет ничего общего с народной культурой, с традициями русского народа или с уходом от цивилизации. Когда меня призывают «вернуться к простой пище предков», я невольно начинаю улыбаться – вспоминаю Петрушку и Вурста.

То есть можно выдумать какую угодно диету и назвать ее как угодно. Сесть, скажем, на сырые овощи и придумать, что именно на такой диете стал богатырем Алеша Попович или Микула

Селянинович. Но с тем же успехом можно сказать все, что угодно; например, что Микула Селянинович стал богатырем потому, что ел пищевые добавки фирмы «Визион» или «Арт Лайф».

Так что имейте в виду – любые формы диеты, любой идеал стройной фигуры, рельефного тела, физической силы – это не пережитки какой-то древней поры. Это самые что ни на есть «нажитки» цивилизации, и возникли они совсем недавно.

Чтобы отказаться от еды, чтобы контролировать процесс поедания – надо быть сытым. Поколениями сытым, с дедов-прадедов. В этом отношении мы все сейчас живем так же, как двести лет назад жили только британские джентльмены, но совсем не так, как еще совсем недавние предки.

Тем, кто родился после Второй мировой войны, трудно бывает понять переживших голод 1930-х годов, или ленинградскую блокаду. У них отношение к еде похоже на старинное крестьянское. Есть в нем много хорошего: моральный запрет выбрасывать еду, бережливость, внимание к гостю. Когда я выходил из дома, не поев, у моей тетки, пережившей ленинградскую блокаду, на лице отражался почти ужас.

Но достоинства и недостатки – лишь две стороны одного целого. Для этого поколения почти непонятно, что вообще можно не доесть лежащего на тарелке. Что можно чего-то на тарелку не положить, если представилась возможность. Эти люди пришли из мира, который страдает от голода, а отнюдь не от сытости. А мы живем в мире, где голод изгнан на самую периферию цивилизации. Если Бен Ладены всех сортов не взорвут цивилизацию – он скоро и вообще исчезнет на Земле.

Мы частью уже вошли в удивительный мир, совершенно неведомый предкам, частью стоим на его пороге: мира без голода. Мира, в котором «хорошо есть» означает не «много есть» – как было всегда. А означает «разумно есть» – что есть роскошь, еще недавно доступная лишь исчезающему меньшинству.

Акселерация

Удивительные изменения пропорций тела человека начались, как только:

• пища стала регулярной, достаточной и разнообразной;

• основой питания стали мясо и овощи, а не каша и прочие зерновые;

• пища стала калорийной (мясо, шоколад, кофе, пирожные);

• пища стала насыщена витаминами (зелень, овощи).

Для начала «подросли» англосаксы – с 1900 по 1930 год средний рост жителя США, Австралии, Южной Африки

увеличился на 15 сантиметров. Внуки стали смотреть поверх голов дедов и стали их заметно тяжелее.

Тут же «двинулись в рост» голландцы и скандинавы.

Перед Второй мировой войной стали «расти» французы и немцы, а после Второй мировой войны – японцы. Всего за одно поколение средний рост японца возрос со 157 сантиметров до 168. Японцы, которые конвоируют американских пленных на фотографиях 1940-х годов, производят почти комедийное впечатление: они кажутся подростками рядом с американцами. Если вам доводилось видеть современных японцев, читатель (хотя бы поваров и официантов в японских ресторанах в Москве), вы легко убедитесь – народ это не крупный, но вовсе не карикатурно-мелкий.

Такое же забавное впечатление производят американские военнопленные во Вьетнаме: огромные дядьки, которых ведут под конвоем люди, еле достающие им до плеча. Но и это было в 1960-е годы, ныне акселерация во Вьетнаме идет полным ходом.

На Россию акселерация обрушилась в те же 1960-е. Средний рост мужчины в России еще в 1960 году составлял 168 сантиметров, а к 1975 сделался 176 сантиметров. Конечно, мы все еще уступаем скандинавам (184 сантиметра), австралийцам (188 сантиметров), даже немцам (178 сантиметров), но мы теперь значительно крупнее и тяжелее предков.

Изменения в физиологии

У акселератов изменились соотношения частей тела. У них грудная клетка стала занимать меньший объем в сравнении с объемом всего тела. Из-за этого акселераты менее выносливы, хуже переносят долгие забеги, не могут так же долго плыть под водой, как предки. Они сильнее, но менее выносливы.

Если в вашем семейном альбоме есть фотографии предков, живших в начале XX века – имейте в виду, они отличаются от вас даже чисто анатомически, размеры тела и пропорции у них другие.

Но главное – акселераты стали раньше становиться физиологически взрослыми. Еще в конце XIX – начале XX века большинство юношей и девушек становились половозрелыми к 15–16, а то и 17 годам. Гимназию кончали к 18-ти – но часть гимназистов не испытывала никаких сексуальных проблем.

Современные люди созревают раньше на 5–6 лет, а социально взрослыми становятся позже. Физиологически мы отличаемся от предков еще сильнее, чем анатомически.

Почему?

Мы отличаемся от предков потому, что более сыты.

Потому что едим более разнообразную пищу.

Глава 3. Долгожители третьего тысячелетия

Недостойны… Недостойны мы…
недостойны мы древних героев…

Г. Сенкевич

Светлый образ Алеши Поповича

Из газеты в газету, из книги в книгу ходит одно и то же нехитрое представление: о могучих и здоровых предках нас, ныне живущих. Не то что у отдаленных и неведомых, даже у самых непосредственных наших предков, людей из славянских племен, тоже находят необычайные физические данные. Некоторым людям хватает совести использовать былины в качестве исторического источника. «Видите? – говорят они вполне серьезно, – вон Илья Муромец вырывал с корнем дубы, а если топал ногой, сразу образовывалось озеро. Садко брал с собой в походы только тех, кто мог побороть здоровенного медведя, – вот они какие были, наши предки! Ты медведя поборешь?! Дуб с корнями выдернешь?! Ну, то-то…»

Не на одной Руси обитали исключительно гиганты и великаны. Геройства Ильи Муромца и Алеши Поповича бледнеют в сравнении с подвигами греческого Геракла и немецкого великана Рюбецаля. Геракл и Рюбецаль кажутся салагами в сравнении с Мафусаилом, прожившим чуть ли не 900 лет…

Теоретики этого вопроса объясняют: раньше природа была нетронутая, экология хорошая, жизнь естественная. Это у нас – излучения всякие, засоренный воздух, плохая вода, нездоровый образ жизни, от которого приходится лечиться. Словом – ужас, ужас! Вот и жили предки долго и счастливо. Богатыри, не мы!

Немафусаильные мафусаилы

…Беда только в одной малой малости: нигде, ни на каком континенте и никогда не был обнаружен скелет девятисотлетнего человека. Да куда там девятьсот! Самый древний скелет человека девяноста лет имеет довольно скромный возраст – порядка семи тысяч лет назад.

Жил этот старец в городе Иерихоне, на территории современной Палестины. Он жил в обществе уже очень развитом,

сложном, богатом. Жил в настоящем доме, ел разнообразную пищу: и мясо, и рыбу, и птицу, и овощи, и фрукты, и хлеб, и мед. Когда этот человек уставал, он мог отдохнуть, когда заболевал – его, как умели, лечили. Вот он и дожил почти до ста лет, этот первый известный науке долгожитель.

Даже для такого скромного результата потребовалась какая-никакая, а цивилизация.

А более ранние примеры долгожительства нам не известны! До появления земледелия, прочной оседлости, жили в общем-то недолго – средняя продолжительность жизни держалась хорошо если на уровне 20 лет.

Тут, конечно, надо сделать важное уточнение – большинство взрослых людей умирало в гораздо более преклонном возрасте. Средняя продолжительность жизни высчитывается для всех, кто родился на свет, а ведь примерно 70 % родившихся умирали до 5 лет. Кто прошел горнило детской смертности, тот жил подольше, имел реальные шансы перевалить за тридцать, а если повезет – даже за сорок. Для этих людей введен другой, не особенно весело звучащий термин: «мода смерти». То есть среднее время умирания взрослых людей.

Но и с модой смерти предкам как-то не очень повезло. Сейчас известно довольно много скелетов людей, живших в древнекаменном веке, до конца Великого Оледенения: порядка шестисот. Из этих шестисот человек 55 % прожили от 15 до 30 лет, 25 % – от 30 до 40, 20 % – от 40 до 50, и только единицы, 5 %, перевалили за 50 лет. За шестьдесят лет перевалил 1 (один) из числа охотников на мамонтов.

Кстати, мода смерти все время росла. Наверное, росла и продолжительность жизни, но об этом судить уже трудно – в скелетах малышей до 5 лет мало кальция; как правило, трупики малолетних распадаются без остатка. Вот про моду смерти судить можно довольно уверенно. Самые древние из изученных «палеолитиков» жили в пещере Чжоу-Коу-Дянь порядка 800 тысяч лет назад. Это так называемые синантропы, «китайские люди». Ни один из синантропов не перевалил даже за пятьдесят.

В конце палеолита, 15–20 тысяч лет назад, уже появляется довольно много жителей Земли, умерших в этом возрасте, от 50 до 60.

В 1936–38 годах ленинградские археологи раскопали могильник новокаменного века – неолита, на Оленьем острове Онежского озера. Возраст могильника – порядка 5 тысяч лет назад. В Оленеостровском могильнике хоронили своих умерших охотники, но жившие уже в совершенно иную эпоху. И вот

результат: из 177 погребенных целых 14 человек (6 %!!!) прожили больше 55 лет.

Дряхлые 55-тилетние старики… Прогресс, однако!

Возьмем даже «современных дикарей» – причем тех, кого европейские путешественники воспели, поставили чуть ли не на роль светлого идеала. Дряхлому и мудрому удэгэйцу Дерсу Узала – порядка 50 лет. Федосеев с восторгом описал эвенка Улукиткана – но последний костер старого и мудрого эвенка догорел, когда ему было едва за шестьдесят. Европейцы в эти годы путешествуют, приобретают новые профессии, женятся и воюют. Первобытные люди – умирают.

Сколько вы будете жить?

«Тем более что жизнь короткая такая…» – мелодично хныкает Окуджава. То есть короткая, это точно, – потому что сколько ни дай, будет мало. Скажи нам, что мы будем жить по двести лет, и мы будем счастливы ровно два или три дня, а потом спросим у Бога: «Почему не триста?!»

Жизнь коротка в сравнении с жизнью народов, цивилизаций и геологических эпох. Жаль – мы никогда не видели, как легионеры выдавливали галлов с полей сражений своим железным строем. Еще больше жаль – мы не увидим, как наши потомки поймают и посадят в клетку зоопарка последнего сподвижника Зюгляйтера, очередного «строителя светлого коммунистического будущего». А ведь здорово было бы посмотреть!

Но вообще-то всем, кто оплакивает свою короткую жизнь, я вынужден сообщить со всей ответственностью: жизнь совсем не так коротка, как мы привыкли думать. Несколько раз я спрашивал молодых людей – сколько они собираются прожить? И оказывалось – от силы семьдесят.

Эти люди сами у себя невидимо крадут лет 20, если не 30.

А вы сколько собираетесь прожить? Лично вы, дорогой мой читатель?

Еще совсем недавно, всего триста, даже сто лет назад, люди старились намного раньше. Вот, например, какой сонет написал Вильям Шекспир:

Когда твое чело избороздят
Глубокими следами сорок зим,
Кто будет помнить царственный наряд,

Гнушаясь жалким рубищем твоим?

И на вопрос: «Где прячутся сейчас
Остатки красоты веселых лет?» —
Что скажешь ты? На дне угасших глаз?
Но злой насмешкой будет твой ответ.

Достойней прозвучали бы слова:
«Вы посмотрите на моих детей.
Моя былая свежесть в них жива,
В них оправданье старости моей».

Пускай с годами стынущая кровь
В наследнике твоем пылает вновь![47]

Поверьте, мне было очень весело читать этот сонет в свои сорок лет, – как раз в этом возрасте я защищал докторскую, всерьез намеревался стать папой в третий раз, а в гостинице, где я жил в ожидании защиты диссертации, вокруг меня плотоядно ходили озабоченные дамы. Одна из них являлась ко мне в номер в халате поверх ночной рубашки и, не гнушаясь жалким рубищем моим, наливала мне кофе. Глядя в мои жалкие, потухшие глаза, дама вела долгие разговоры о науке и о жизни. Но любой разговор как-то сворачивал на то, как ей, бедняжке, тяжело жить после того, как сбежал муж, сволочь такая.

Сонет Шекспира попался мне ну очень вовремя! И резвился я чрезвычайно.

Если люди в те недобрые столетия и доживали до 60 лет, то этот возраст считался самым что ни на есть почтенным и преклонным. Если вы посмотрите по справочникам (той же Большой Советской Энциклопедии) годы жизни известных деятелей XVI или XVIII века, вы убедитесь – очень мало кто из них перешагнул за 70 лет. И последние тридцать, уж по крайней мере двадцать лет своей семидесятилетней жизни у них были такие же тусклые стариковские глаза, как у героя сонета Шекспира…

> *Как хорошо было жить в те времена, мне много раз рассказывали в детстве… А я все читал книжки и все сильнее в этом сомневался.*

Возраст всех жизненных достижений оказывался очень невелик (по современным понятиям). Для современного студента зрелище профессора, который бьется на шпагах из-за благосклонности некой девицы или юной дамы, – по меньшей

мере, несколько странное зрелище. Но что, если вполне обычный возраст профессора редко превышает 35 лет? Если было много и 30-тилетних, и даже 26-тилетних ученых? Ведь именно таков был возраст профессоров в большинстве университетов еще в XVII, отчасти даже в XVIII веке. Та к что профессора тех времен и на шпагах бились, и по веревочным лестницам лазали, и жен у мужей умыкали.

Для людей исторического прошлого, причем прошлого сравнительно недавнего, не казались странным молодые, даже юношеские черты поведения полководцев, ученых, высокопоставленных церковников или земельных аристократов. Ведь они все были очень молоды! Молодость была биологической, социальной и психологической нормой. Даже «старики», перевалившие за 50, старались вести себя как молодые: пытались поступать «как полагается».

> *Шекспира и даже писателей XVIII века, например, Шиллера бывает трудно читать: слишком уж много эмоций.*

Но что поделаешь! На смену аристократическому XVIII веку пришел XIX – век науки и техники, век выскочек и роста продолжительности жизни. После открытий Луи Пастера и Роберта Коха появилась современная медицина, современные правила гигиены. Если вы проследите, какова продолжительность жизни известных людей XIX века, она окажется заметно побольше, в среднем порядка 75 лет.

На протяжении XX века продолжительность жизни медленно, но верно ползла вверх во всех странах, и сейчас перевалила за 80. Сегодня вымирает поколение, родившееся между 1920 и 1930 годами. Это поколение перевалило уже за 80–90 лет; это поколение вынесло на себе голод, репрессии и стрессы 1930-х, Вторую мировую войну, послевоенный голод, сталинщину, ежовщину, бериевщину, несколько локальных войн (Финскую, Японскую, Корейскую).

Многие представители этого поколения десятилетиями страдали от нелеченных или от плохо леченных болезней. Многие из них были ранены, и часто – не по одному разу. Многие сидели в тюрьмах и концлагерях. Многих из них часто и жестоко били. А вымирают они – вот сейчас!

Это уже не красивые сказки про героев и гигантов, от которых мы произошли и которые жили по 600 и по 900 лет. Это, некоторым образом, реальность.

Поколения, родившиеся после Второй мировой войны, росли уже в другой обстановке. Мы лучше ели и одевались, мы не

пережили голода и войн, массового террора и лагерей уничтожения. Мы знали уже совсем другую медицину – и более гуманную, и более эффективную. Большинство специалистов считают, что родившиеся между 1945 и 1965 годами могут рассчитывать на 85–90 лет жизни. Женщины – на верных 90.

А как же быть с падением продолжительности жизни, со смертностью в 55–60, с невероятным числом ранних смертей, убийств и самоубийств?! Да так и быть. Естественно, если человек работает на износ десятилетиями – он тяжело болеет и умирает ненормально рано. Естественно, что даже если человек остается жив в Афганистане или в Чечне, пережитое не способствует жизнеспособности и долголетию.

Особенно же надежный способ утратить долголетие – это потерять смысл своего существования, перестать понимать, кто ты и где находишься, утратить веру в себя и в жизнь и начать беспрерывно пить водку. Тут даже при великолепном здоровье у человека остается всего несколько лет. Потом он начнет тяжело болеть, стремительно деградирует и быстро умрет.

Очень многие мужчины в России и во всех странах бывшего СССР пережили нечто подобное. Но те, кто не пережил смысложизненного кризиса или сумел из него выйти, будут жить дольше дедов и отцов.

У поколений, родившихся после 1965 и 1970 годов, перспектива еще лучше. Эти поколения всю свою жизнь провели в мире еще более сытом, более гуманном, более разумном, чем даже те, кому сейчас между 40 и 60.

Возьмем всего один пример: эти люди без страха входят в кабинет зубного врача. На их памяти лечить зубы никогда не было больно. Мы-то, шестидесятилетние, до сих пор внутренне поджимаемся: первые тридцать пять лет жизни мы лечили зубы совсем не так, как это делается теперь. Частота вращения бора в бормашине была в несколько раз медленнее, чем у современного, работа бора причиняла довольно сильную боль. А обезболивания при лечении зуба (в том числе при сверлении) не полагалось. То есть «блатным» обезболивали, но вообще-то, по правилам, новокаин полагался только при удалении. Да и брал новокаин хуже современных обезболивающих препаратов, действовал недолго; порой и вынимать из больного зуба «нерв»-пульпу, и рвать зуб оказывалось очень болезненным.

У молодых нет этой памяти о неизбежных страданиях в кабинете зубного врача.

Это поколение будет жить лет по 95, а может быть – и по сто. Причем ведь сто лет – это не отдельное достижение, это всего лишь средний результат. Обычно самые удачливые живут эдак

лет на 15–20 больше, чем «в среднем».

О личном бессмертии вопрос не стоит… пока что. Но к концу XXI века уже появятся популяции людей, устойчиво живущие больше 100 лет. В XXII веке 120–150 лет проживут многие.

Если вам, читатель, сейчас меньше 30, вы вполне можете иметь ребенка, который доживет до XXII века, и внука, который доживет до XXIII-го. А что?! Ваш сын родится в 2025 году, когда вам сорок. Он станет папой в шестьдесят, в 2085 году – не обязательно в первый раз. Вы вполне можете дожить до этого – в 2085 вам будет всего 100; и в наше время живут по столько, а вам жить дольше нынешних людей. Ваш сын гарантированно доживает до 2100 года, а внук вполне сможет прожить 125 лет и встретить Новый 2200 год. Еще раз подчеркну – это нисколько не фантастика! Это как раз реальность наших дней.

> *Те, кто родился в 1980 году и позже, вполне реально могут дожить до 2100 года, до XXII века.*

Не очень здоровые предки

Судя по следам на их костях, люди исторического прошлого страдали множеством заболеваний. При изучении костей и скелетов древнего человека сердобольные люди готовы всхлипнуть. Чего-чего только у них не было! Полиартрит, радикулит, полиомиелит, остеохондроз, рахит, всевозможные воспаления, в том числе гнойные, самые разнообразные отклонения в развитии.

Добавьте к этому еще следы множества ранений. Практически у всех шестисот людей, умерших до отступления Великого Ледника, сломаны кости рук и ног, ребра и ключицы, на костях выросли костные мозоли, повреждены кисти рук и пальцы. Иногда на переломах видны следы попыток лечить раненого: зачистить рану, вынуть осколки кости, наложить лубки. А очень часто нет никаких признаков, что человека вообще лечили: срослось, как срослось.

В начале 1950-х годов американец Ральф Солецки раскопал погребение неандертальца из пещеры Шанидар в Ираке. Этот человек погиб в возрасте примерно 40 лет, примерно 45 тысяч лет назад. Череп размозжен, буквально разнесен вдребезги. То ли рухнул каменный потолок пещеры, то ли человека убили, обрушив на голову немалую тяжесть. Скорее всего, все же произошел несчастный случай: пожилого неандертальца похоронили, положив на ложе из сосновых веток, засыпали ворохами цветов, завалили огромными камнями.[48]

Но и лет за 15 или 20 до своей гибели этот неандерталец серьезно пострадал: он потерял кисть правой руки и правый глаз. Судя по следам на костях, размозженную кисть пытались лечить: удаляли раздробленную или гниющую ткань, вынимали осколки кости.

> *Если учесть, что все это делалось без наркоза и самыми примитивными каменными орудиями, неандертальцу не позавидуешь.*

Почти столько же ранений и у людей более поздних эпох; вот лечили их все же получше.

Скифо-сибирская эпоха (VII век до Р. Х. – I век по Р. Х.) хорошо изучена благодаря огромному количеству курганов. Из 20 тысяч скелетов этой эпохи нет НИ ОДНОГО, на котором не было бы следов прижизненных ранений. Но у многих в эту эпоху уже сращивали кости, положив их в лубок, или даже делали трепанацию черепа.

Конечно, и в скифскую эпоху люди страдали от остеохондрозов, радикулитов, полиомиелитов. Эти заболевания никто не лечил, и они тянулись годы, десятилетия, отравляли людям жизнь и в конце концов сводили их в могилы.

Ко всем эпохам относится очень много скелетов молодых людей, даже детей и подростков, по которым невозможно определить причину смерти. Умер человек, а на его костях нет никаких повреждений. Самый ранний такой скелет – это погребение ребенка лет 12 в пещере Тешик-Таш, в Узбекистане (порядка 40 тысяч лет назад). Тогда сразу предположили почему-то, что ребенка укусила змея.[49] Странно… Почему именно укусила змея?! Гораздо логичнее предположить, что ребенок умер от какой-то болезни, не оставившей следов на костях. Какой именно? Да какой угодно, от чумы или оспы и до гриппа или пищевого отравления. А мог умереть и от голода – тоже никаких повреждений.

Может быть, взрослые древние люди были даже здоровее нас – слишком много больных детей и подростков умирало до 15 лет. Возможно, болезни приходят к нам чаще, чем к древним. Но от нас болезни как пришли – так и уходят, потому что мы их умеем лечить. В древности почти всякая хворь или проходила сама, или так и оставалась навсегда.

Нет-нет! Я слышал про травки, массажи, про народную медицину. Была она и у первобытного человека. Но опять же – одно дело пить чай с малиновым вареньем, зная про антибиотики, помня про сульфамиды. Пока болезнь не тяжелая, можно и поберечь почки, не принимать сильных лекарств. Но

если прихватит грипп посильнее, бронхит, воспаление легких, мы как-то все же переходим на антибиотики.

Совсем другое – не иметь вообще ничего, кроме малинового варенья или корня горного цветка. Если ВМЕСТО – не только велик шанс помереть, но и последствия обязательно будут. Человека в прошлом жестоко мучили нелеченные болезни и их последствия. Хворь пришла и ушла, последствия тянутся годами.

Очень много людей в прошлом погибали, но от болезней умирали еще чаще. В погребениях оседлых земледельцев всех времен – от бронзового века до Средневековья, только у третьей части покойников можно проследить причины насильственной смерти: переломы костей, следы оружия на костях, наконечники стрел, намертво застрявшие в грудине, и так далее. Две трети умерших не погибли насильственной смертью; но они умерли, и далеко не старыми, даже по понятиям того времени.

На кладбищах Древней Руси X–XVII веков только 2–3 % погребенных старше 70 лет. 30–40 % – между 40 и 50 годами, 20–30 % – между 20 и 30 годами.

Для людей 40–50, тем более 20–30 лет, трудно предположить тихое угасание от дряхлости. Эти люди умерли от голода или болезней. В том числе от болезней, которые потомкам кажутся сущей ерундой. Мало простудных и инфекционных заболеваний, которые косили людей почем зря. Не случайно же еще в XIX веке зимой не вели военных кампаний, уводили солдат «на зимние квартиры». Зимой 1812 года от этого обычая пришлось отказаться – и из 100 000 солдат, погибших этой зимой, только 35 тысяч убил неприятель. 65 тысяч – это солдаты и офицеры, заболевшие гриппом, ОРЗ, ангинами, бронхитами и воспалениями в легких. И умершие от этих заболеваний.

До появления антибиотиков обычный грипп был страшной болезнью с частым смертельным исходом.

До появления обезболивания-анестезии холециститы и аппендициты уносили множество людей. Ведь делать даже простенькую и короткую полостную операцию без хотя бы местного наркоза – невозможно.

Для людей прошлого это были самые обычные, наиболее частые причины смертности – болезни и голод. На третьем месте стояла насильственная смерть.

Причины

– Как?! – заявят мне безответственные романтики. – Ведь древний человек был очень здоровым и сильным! Он жил в очень чистой, чуть ли не стерильной среде! Он пил чистую-пречистую

воду, дышал замечательно чистым воздухом, все время двигался, работал на свежем воздухе! Он, «как известно», должен был быть здоровее нас!

На мой взгляд, эти люди путают два очень разных явления. Когда современный человек пользуется всеми благами цивилизации – транспортом, теплом, одеждой, едой, лекарствами, – и ПРИ ЭТОМ еще живет на свежем воздухе, много двигается, следит за режимом питания и диетой – он и правда становится здоровее остальных людей нашего общества.

Если же свежий воздух и чистая вода предлагаются ВМЕСТО еды, тепла и медицины – позволю себе только пожать плечами. Статистику я приводил.

Наивные романтики почему-то считают, что природа всегда права, всегда ласкова и всегда дает человеку только хорошее. Но это – всего-навсего фантастическое предположение высосанное из пальца, совершенно не подтверждаемое фактами.

Среда, в которой жил древний человек, вовсе не была для него ни доброй, ни благоприятной. За тепло, одежду, еду приходилось сражаться чуть ли не каждодневно. Жестоко сражаться, живя примитивной, грубой жизнью, в постоянном напряжении. То есть выдумать можно какую угодно идиллию… Но идиллия – это миф, и ничего, кроме мифа.

Вся жизнь охотника проходит в погоне за добычей. Проходит под открытым небом, у костров, на реке и в лесу. Романтика? Так и надо жить? Читатель! А ты давно ночевал у костра? Позволю себе заверить – удовольствие это на любителя. То есть пока речь идет о молодецком приключении, физически трудном, но увлекательном развлечении, виде спорта – все замечательно. Уйти из города в лес на неделю, на месяц – как здорово!

Если уходят, то молодые и здоровые, и на время. Потом вернутся опять в цивилизацию.

Мне доводилось жить по два, по три месяца в палатке, в малонаселенных местах. Это было скорее интересно и увлекательно, чем трудно или опасно. Но стоило мысленно поиграть в первобытного человека: представить, что это – на всю жизнь… Или стоило представить у костров не самого себя – а членов своей семьи…

Милый читатель, давай сыграем в эту игру: представьте себе у костров лагеря охотников свою жену на последнем месяце; малолетнего ребеночка, старого отца или деда, лет за семьдесят. Представьте, что вам их нечем согреть, кроме как пламенем костра. В любую погоду. Весь год. Что, насладились первобытной жизнью – так сказать, умозрительно? Или еще тянет попробовать?

А напряжение при погоне за зверем, сам регулярно повторяемый акт убийства? А страх, а депрессия при неудачной охоте, зависимость от случайного поворота событий? А полная невозможность отдохнуть?

Множество причин мучат и медленно убивают.

Жизнь крестьянина проходит все же в теплой избе, в гораздо более благоприятной среде, чем у охотника. Крестьянин больше защищен от случайностей, от голода, от холода, от диких зверей и болезней. Но и его среда обитания намного менее комфортна, чем у современного человека.

Труд крестьянина – это тяжелейший ручной труд, самыми простыми инструментами и в самых первобытных условиях. Соха – это ведь не что иное, как изогнутый кусок дерева (точно так же и борона – это кусок дерева с сучками). Чтобы пахать, надо изо всех сил наваливаться на этот кусок дерева, чтобы его конец находился все время в земле. Лошадь или бык тянут соху, а ваша задача – согнувшись, наваливаться и наваливаться, не выпускать конец сохи из-под земли. Чтобы этот изогнутый кусок дерева разрывал, вспарывал землю. Час за часом, весь световой день.

В наше время лесоповал – тяжелейший труд, классическое занятие заключенных. Во все патриархальные времена валить лес на строительство и на дрова – повседневная, самая обычная мужская работа. Она делается всеми мужчинами и каждый год.

У нас колоть дрова и таскать воду в походах – тоже занятие мужское… Но вплоть до начала XX века колола дрова, носила воду – женщина. Есть хорошая картина А. Касаткина, «Соперницы» (1890). На этой картине две молодые женщины идут от проруби с бадейками, полными воды. Видно, что они напряжены и что говорят друг другу гадости. Это очень неплохая картина, только вот бадейки-то каждая ведра на два, и висит их по две на коромысле. То есть несет каждая женщина литров 35–40 водички для всего дома, и это – не героический подвиг. Художник изобразил самый обычный утренний поход… чаще всего хозяйка сходит так на прорубь даже не раз в день, а несколько.

В XX веке, особенно после Второй мировой войны, женщины ходят за водой все реже и реже.

Тлетворное влияние цивилизации, что поделать.

Но это в России! Уже в 1970-е годы американцы снимали фильм о вьетнамской деревне и восхитились танцующей походкой вьетнамских девушек, несущих бананы с плантации в деревню…

– Танцующая походка?! – возмутились вьетнамцы, – Да у нее на коромысле килограммов сорок этих бананов, и так весь день! У нее ноги подламываются, вот вам и танцующая походка.

Крестьянин не ездит в трамвае, не дышит смогом и не ест продуктов с консервантами. Но труд его непомерно тяжел, а живет он в избе, где на площади в 30–40 квадратных метров сгрудились 15–30 человек. Одни лягут на пол, другие на лавки, третьи – на полати, так сказать, на третий этаж. Так и поместятся все, включая несколько супружеских пар.

Еда? «Щи да каша – еда наша», – свидетельствует поговорка. И хорошо, если щи и каша – с солью. Пронзительный рассказ Ивана Тургенева о бабе, которая только что похоронила сына, а вернувшись с кладбища, вовсю хлебает щи… Что, у нее совсем нет сердца?! Все проще:

– Так ведь, барин, щи-то соленые…

Соленое ели не каждый день, соль – дорогое удовольствие.

Жизнь крестьян лучше жизни охотников – но и она жестокая, непомерно тяжелая, лишенная удобств и комфорта. Жизнь в полной зависимости от природы – от погоды, урожая, приплода животных, от ветров и дождей. Потому и короткая жизнь.

> *Главная причина, по которой мы живем дольше предков, проста – мы меньше зависим от природы. Мы в меньшей степени являемся ее частью.*

Скромное обаяние цивилизации

Почти всю историю человечества на человека действовали несколько основных причин ранней смертности. На современного человека они почти не действуют.

1. Это – детская смертность.

2. Насильственная смертность.

3. Смертность от родов. Еще в начале XIX века 4–5 % молодых женщин умирали от первых родов. В основном – от занесенной инфекции. А до 15 % умирали в 40–45 лет от последних родов – изношенный организм не справлялся.

4. Смертность от голода.

5. Смертность от простудных заболеваний, гриппов, бронхитов, воспалений легких.

6. Смертность от эпидемических заболеваний. Чума, холера, оспа могли обезлюдеть целые города и страны. В XIV веке «черная смерть» унесла не меньше 24 млн. человек – четвертую часть тогдашнего населения Европы. В середине этого столетия из Смоленска вышли три человека… последние из 10 тысяч.

В наше время если и вспыхивает чума – от нее умирают первые трое: те, кому не успели поставить правильный диагноз и спасти. А остальных заболевших лечат быстро и очень успешно. Если бы во время эпидемии «черной смерти» в Европе XIV века появились бы современные врачи с медикаментами и шприцами, никакой эпидемии не стало бы за две-три недели.

В наше время индейцы в Южной Америке и негры в самых отсталых странах Африки умирают от тех же причин, от которых умирали европейцы в Средневековье (и даже в XVIII–XIX веках).

Именно поэтому они не умирают от сердечно-сосудистых заболеваний, от рака или от ХОБЛ (хроническая обструктивная болезнь легких) – они просто не успевают.

Жители США и Европы умирают позже – потому что умирают они от других причин.

> *Точно так же не успевали умереть от рака средневековые европейцы: они успевали умереть от простудных заболеваний, от голода и от чумы.*

Мы отличаемся от предков тем, что живем в больших городах, вкусно едим и пьем, получаем медицинскую помощь. Потому мы так долго и живем.

Глава 4. Долгорастущие

За стеной раздавался плачь младенца: – Мама! Дай на поллитра!

Как будто анекдот

Что может быть отвратительнее пятнадцатилетней мамы?! Разве что шестнадцатилетний папа…

У. Черчилль

Время взросления

Охотник в 14 лет – взрослый. Он уже знает и умеет все, что необходимо для жизни; не так уж много ему надо изучить, чтобы стать взрослым.

Крестьянин становится взрослым только в 18 или в 20 лет. Ведь ему надо войти в полную… Ну, в почти полную силу мужчины, чтобы пахать и собирать урожай.

Промышленный рабочий хоть с какой-то квалификацией станет взрослым не ранее 22–25. Специалист – хорошо если к тридцати. То же самое касается даже образованных людей: мы становимся все старше и старше.

В Древнем Египте «писцами» становились в 16. В этом возрасте мальчик изучал иероглифы, получал необходимый минимум знаний, чтобы стать чиновником или жрецом. Дети окружающих диких племен становились взрослыми раньше. У евреев до сих пор 13 лет – возраст религиозного совершеннолетия.

Мы в 13 лет – еще школьники, к 16-ти получаем только «незаконченное среднее».

Если общество разделено на сословия и классы, элитные системы образования отличаются от «плебейских» не легкостью и комфортностью. Элиту учат дольше, научают большему, а воспитывают последовательнее и жестче. Ведь элите нужно больше знать и уметь, обладать высокими личностными качествами.

Джентльмен учится (то есть является как бы «еще не взрослым») в том возрасте, когда его слуга признается взрослым мужчиной. Он исторгается из «приличного общества» за поступок,

который вполне может сойти с рук его слуге.

Время размножиться

Долгое время парня женили, девушку выдавали замуж, как только они становились физически взрослыми особями: в 16–18 лет.

В таком же примерно возрасте заводили семьи крестьяне. Даже элитные люди Древнего Востока сговаривали и женили детей в этом возрасте.

Первыми изменили традицию древние греки – они решили, что мужчине хорошо бы попутешествовать, поразвиваться, а уж под тридцать – и жениться. Если за тридцать – тоже ничего страшного.

В Средние века было не так – опять старались женить совсем юных. Напомню, что Ромео и Джульетте – 15 и 14 лет. Полудети.

Но в XVII–XVIII веках у образованных европейцев из верхов общества брачный возраст мужчины опять растет до «под тридцать». Это становится нормой для все более широких слоев общества по мере того, как люди все чаще получают образование и должны еще поработать, стать специалистами. А там уж можно и заводить семью.

Стоит появиться женскому образованию, и тут же растет женский брачный возраст! В начале XIX века девушку старались выдать замуж до 18 лет. Жених чаще всего старше лет на десять, а то и на пятнадцать, но это никого не смущает. В начале XX века двадцатилетняя, двадцатидвухлетняя невеста – явление уже вполне обычное.

В наше время… В России до сих пор девушек пугают ужасами «позднего» рождения первого ребенка. Существует такое народное поверье, что женщине необходимо родить «до двадцати пяти». Потом… О!!! Потом связки костей таза становятся невероятно прочными, неподвижными, роды невероятно мучительны, и вообще нарастает невероятный риск…

Но это – всего лишь страшилка, не более того. Народное поверье стало убеждением даже многих врачей – ведь до самого последнего времени в России даже в среде людей образованных действовала норма: надо выйти замуж! Желательно – до конца обучения! А вышла замуж – сразу надо родить! Немедленно! Требования общества проникли даже в профессиональное сознание медиков. До сих пор в роддомах женщин, рожающих первого ребенка после двадцати пяти лет, официально называют в документах: «пожилая первородка».

Но все чаще женщины рожают первого ребенка «под тридцать» и даже «за тридцать» – просто потому, что хотят получать образование, поработать по профессии, попутешествовать, подумать…

Моя вторая жена родила нашу первую дочь в возрасте 31

года. Роды были очень легкими, с очень незначительными болями. Откуда знаю? Я при них присутствовал, помогал жене и принимал своего ребенка. Это был полезный, увлекательный опыт.

Моя знакомая родила последнего (третьего) ребенка в возрасте 44 лет. Роды были быстрыми и легкими, мать и сын чувствуют себя превосходно.

Мужчины… Для мужчин в Европе после Второй мировой войны стало обычным заводить семьи даже не «за тридцать», а «под сорок». Рождение первых детей «за сорок» и даже «за пятьдесят» стало довольно обычным.

Недавно я позвонил одному известному немецкому аналитику, крупному чиновнику из Берлина. Он этнический русский, из семьи белогвардейцев – эмигрантов 1920-х годов. Но родился и вырос в Германии, и хотя говорим мы по-русски, в его речи часто проскальзывает акцент. Этот человек стал известен после того, как написал книгу про Путина; его работу я считаю шедевром.

Звоню, чтобы поздравить с Рождеством, и слышу на другом конце провода рев младенца.

– Саша! Вы стали папой?!

– Да! Принимаю поздравления!

Я с удовольствием рассыпался в поздравлениях… Первый ребенок этого человека родился, когда папе исполнилось 46 лет.

Время зрелости

Древние греки считали, что мужчина переживает высший взлет, «ахме», в возрасте 40 лет. Примерно так же думали французы в XVI веке, когда сочиняли поговорку: «В сорок лет мужчина отвечает за свое лицо». Итальянцы XIII века полагали, что в 35 лет наступает перелом, человек начинает стареть.

«Земную жизнь пройдя до половины…» – писал Данте в свои 30 лет.

В XX веке возраст основных жизненных достижений перевалил за 40 и плавно приближается к 50. Если в 1980-е годы в СССР большинство людей назвали 44 года как возраст достижения вершины карьеры, то теперь в России большинство населения считает таким «годом вершины» уже 48.

То есть мы располагаем наше «ахме» на десять лет позже, чем древние греки и французы XVI века… И на тринадцать лет позже, чем средневековые итальянцы.

Теперь даже от молодых требуют качеств, характерных скорее для среднего возраста: осмотрительности, аккуратности, последовательности, умения предвидеть результаты. Мы привыкли к тому, что норма – много достигший человек – среднего возраста. В общем, на шпагах не дерется.

Впрочем, этот и связанные с этим вопросы я развиваю в своей статье, написанной специально для престижного журнала Академии Наук «Общественные науки и современность». Всех, кому это интересно, отсылаю прямо к статье.[50]

Чтобы стать взрослыми, нам приходится многому научиться,

у нас более долгое детство.

Мы не можем себе позволить учить, дрессировать мальчиков розгами: мы попросту убьем их, вколачивая в них такими методами такой огромный объем знаний и умений.

Мы живем примерно в два раза дольше предков, умираем на 30–50 лет позже них. Но и взрослыми мы становимся на 10–15 лет позже.

Глава 5. Новые формы разумных существ, или: ожидание зловещего киборга

Отец мой скальпель, а пробирка –
моя мать.

Р. Хайнлайн

Ожидаемое искусственное существо

Фантасты пугали читателей появлением искусственных существ еще с Мэри Шелли, которая в 1806 году придумала безобразного и могучего искусственного человека – Франкенштейна. Франкенштейн мстил за свое безобразие и убил своего создателя. Как видно, уже Мэри Шелли считала искусственных существ опасными для человека…

Героиня Хайнлайна, Фрайди – тоже искусственный человек, но не агрессивный, а скорее симпатичный. Но и она физически сильнее, устойчивее, безнравственнее (для Хайнлайна это явно преимущество), быстрее людей. Это дает ей массу дополнительных возможностей.[51]

Есть и другие, не менее увлекательные предположения: например, о том, что военные рано или поздно придумают искусственных людей, не способных испытывать страх, не боящихся радиации, не способных поставить под сомнение полученный приказ… Идеальных солдат, одним словом… Другие фантасты считают, что искусственных людей создадут для использования в промышленности. Третьи – что «искусственников» создадут для жизни в зонах промышленного загрязнения.

Идею неизбежности искусственных людей отстаивает такой серьезный ученый, как геолог В. А. Зубаков. Он считает, что их появление – только вопрос времени. Военные создадут их в тайных лабораториях, и искусственные люди вытеснят «натуральных».[52]

Ожидаемый «сапиентиссимус»

О «сапиентиссимусе», новом виде людей, «еще более разумных», хотя и произошедших от нас, говорят с конца XIX века – с победы теории Дарвина. «Сапиентиссимуса» обычно представляли как плод чисто биологической эволюции. Но это

существо с огромной головой, маленькое и сутулое, невероятно интеллектуальное и физически крайне хилое, Гексли почему-то видел как плод приспособления к реалиям цивилизации (как он их понимал).

Такой «сапиентиссимус» очевидно не мог бы жить в дикой природе, не мог бы крестьянствовать. Он мог существовать только в среде большого города, с хорошей медициной и в комфорте.

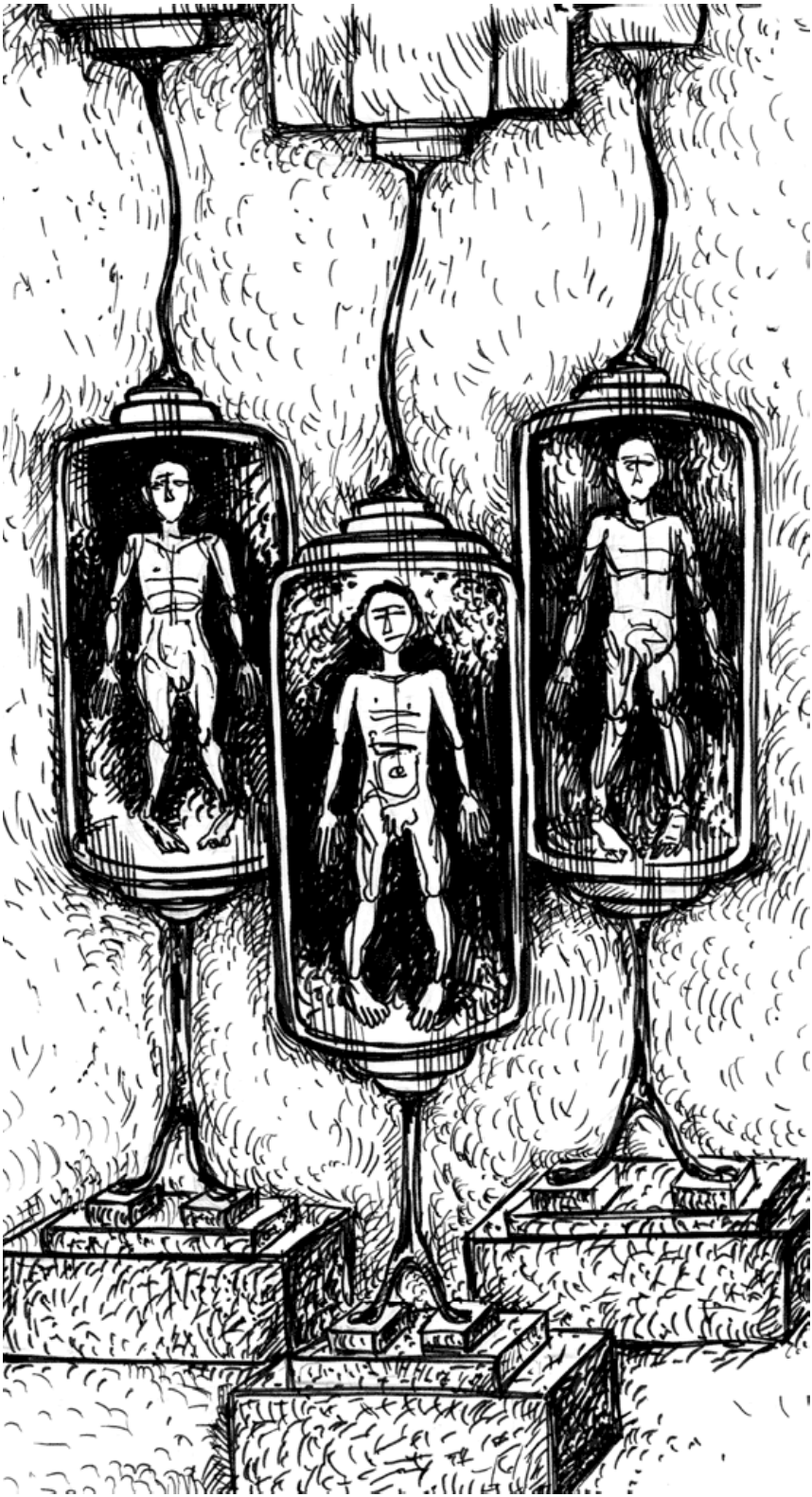
Интересно, что именно в России родились два других понимания «сапиентиссимуса». Первый очень близок к христианской трактовке человека. Циолковский всерьез полагал, что «человек будущего» – это не такой вот сапиенс с руками и ногами, а «некий плазмоид», способный жить в открытом космосе, не нуждающийся в еде, питье и дыхании.

«Плазмоид» Циолковского – вовсе не искусственное существо, не робот, он непонятно каким способом произойдет от современного человека. Биосфера уже не нужна, о ее сохранности вполне можно и не заботиться. Первобытные «неисторические» народы можно истребить, да они и сами повымрут за ненадобностью. А вот кто проникнется выходом в космос – уцелеет и возвысится.[53]

Другая русская версия «сапиентиссимуса» трактует его скорее похожим на античное божество или на сверхчеловека Ницше. Но тоже связана с космосом!

«Экзоты» Павлова в конце концов уходят в космос. От людей, с которыми им скучно. Уходят к решению задач, к которым они только и призваны. Ведь «экзоты» несравненно умнее, сильнее, совершеннее «обычных» людишек.[54]

Таковы же и «людены» Стругацких. Совершенство их так необъятно, что жить вместе с людьми они не могут, им с нами невыносимо скучно. А ведь они произошли от нас, и многие люди носят в себе возможность стать «люденами». Нужно только активизировать эти биологические способности, и все.[55]



«Улучшенные» люди

Автором идеи такого искусственного «улучшения» стал Г. Уэллс. По его мнению, у людей будущего «придется» удалять зубы, совершенно не нужные для поедания протертой пищи, часть кишечника, вставлять ему разного рода искусственные органы. Такой «потрошенный джентльмен» и станет усовершенствованным человеком грядущего.[56]

Многие идеи «киборга» или созданного в пробирке существа прямо восходят к этой изначальной идее «улучшения» человека искусственным целенаправленным путем.

Впрочем, почему именно улучшения? В 1960-е – 1970-е годы много писали о вживленных в мозг электродах, превращающих человека в послушного, нерассуждающего робота. А братья Стругацкие придумали планету Саракш, на которой специальное излучение подавляет способность критически мыслить и позволяет правительству внушать людям самые безумные идеи.

Ожидание робота

Слово «робот» создал чешский писатель Карел Чапек, в 1926 году. В своей пьесе «R. U. R.» он вывел человекоподобные механизмы и сначала назвал их «лаборами» – от латинского labor – работа. А потом, посовещавшись со своим братом и соавтором Йозефом, назвал такие механизмы аналогичным словацким словом. Он же заговорил о неизбежном «бунте роботов», которые истребят или поработят людей.

С тех пор пугать людей «бунтом роботов» стало просто хорошим тоном. Американский фантаст, внук местечкового еврея из Белоруссии, Айзек Азимов в своих произведениях пытался создать образы «положительных» роботов, не способных причинять вред человеку…

Но и у Азимова получается так, что роботы сильнее и приспособленнее людей. Универсальный человек, физически более совершенный. Нам только и остается надеяться на «законы робототехники» – на мораль роботов, которые могли бы уничтожать и порабощать человечество, но они – хорошие, они никогда этого не захотят…[57]

К концу XX столетия роботами трудно напугать: очевидно, что тип «железного человека» с лампочкой вместо носа не состоялся… То есть в 2012 году робот «Ибн Сина» мог говорить на арабском языке, сам находил свое место в самолете, общался с

людьми. Он распознавал выражение лица говорящего и умеет изображать адекватную мимику, поднимая брови и прищуривая глаза.[58] Но «железное человечество» не существует и в обозримом будущем не появится.

Пугают «искусственными существами», которые устойчивы к загрязнению, выносливее и сильнее «естественных» людей.

Фантасты выносят на обсуждение ровно то, о чем говорят и спорят ученые. А ученые давно разделились на тех, кто считает будущими владыками земли чисто техногенных существ, и на тех, кто видит будущее за эдакими гибридами людей и машин – киборгами.

Ожидание киборга

В отличие от металлического или сделанного из пластмассы робота, киборг – это существо, созданное путем соединения «естественного» человека и техногенных деталей. Своего рода «человек с запчастями».

Советский фантаст А. Казанцев описывает планету, океаны которой давно заморожены. По этим ледяным полям разъезжают некие то ли трактора, то ли танки с длинными гибкими клешнями. Каждым из них управляет живой человеческий мозг.

Когда житель планеты стареет, его сажают в такую машину и постепенно отрезают все «ненужные» части тела. Навсегда остается только мозг, и он живет в машине практически вечно. Есть такой обычай на этой планете: стирать память обитателя машины каждые десять тысяч лет.

Люди на этой планете есть, но очень мало. Они живут на специальном «Острове молодых», и чтобы иметь ребенка, надо ждать, пока кто-то умрет… В смысле, будет посажен в машину. Люди – это просто доноры мозга для настоящих хозяев планеты.[59]

Фантастика – подкорка реальности

…Но все эти бредни фантастов не верны в самом зародыше, в самой основе. Не помню, кто сказал о своем ученике: «Он стал поэтом… У него не хватило фантазии сделаться математиком». У фантастов планеты Земля не хватило фантазии для самого простого и в то же время самого фантастического предположения. Они исходили из того, что вот, есть люди как таковые, некие «естественные» люди. Искусственных существ сделают или из кусков «естественных» людей, или вообще сварганят на заводах из пластмасс и металлов.

А действительность гораздо интереснее… Ученый легко увидит, что все варианты «человека грядущего», которым стращают нас фантасты, уже реализуются, а многие из них в разной степени реализовывались всю историю человечества.

С момента появления разума мыслящее существо нарушает законы биологического бытия. Мыслящее живет иначе, чем живое, но неразумное.

Нас пугают появлением искусственного разумного существа, происхождением от человека более разумного вида, соединением биогенного и техногенного в человеке… А именно это и происходит всю историю человечества, потому что сам «естественный» человек – существо насквозь искусственное. Искусственное изначально.

Что такое «естественный» и «искусственный»?

Люди охотно говорят о «естественном» для человека. Обычно у них получается так, что «естественное» состояние для человека – это то, что было вчера, еще в актуальной памяти.

В. А. Солоухин искренне считал идеалом жизнь своих дедов и отцов, крестьян конца XIX – начала XX века. «Жить несуетливой, размеренной, в ритме календарного года жизнью, есть простую, но здоровую пищу, пить светлую вкусную воду, дышать чистым воздухом, пользоваться огнем от сгорающего дерева, ежедневно физически трудиться…»[60]… все это кажется ему идиллией, потерянным раем, из которого вырвала нас злая цивилизация.

«Как рыба создана жить в воде, а птица создана летать, так человек создан жить среди природы».[61]

Но позвольте! О какой природе речь? Ведь не о нетронутых лесах? Крестьянин начала XX века жил в абсолютно искусственной среде, среди созданных человеком полей и лугов. Даже леса и реки он поддерживал в нужном для него, искусственном состоянии. Крестьянин разводил породы домашних животных, которые выведены искусственно, и кормился искусственно выведенными сортами культурных растений. Нигде в природе не растет культурная пшеница; предки полевых растений и плодовых деревьев отличаются от культурных растений не меньше, чем кабан – от домашней свиньи. И не меньше, чем Алексей Солоухин, отец писателя, – от неандертальца или питекантропа!

И почему «естественно» пахать землю на лошади, а не возделывать ее мотыгой?

При возделывании мотыгой невозможно крестьянствовать в средней полосе России? Так, может, там и жить не естественно… Естественно – на Переднем Востоке, и то не везде…

Да, мы живем в более искусственной среде, чем жили крестьяне. Но речь идет именно о степени искусственности, а совершенно не о том, что вот, был «естественный» человек, а мы нагло сделали его противоестественным, «искусственным».

Всё пугают появлением искусственного существа, искусственного человека… А мы сами всю свою историю – искусственные существа. Со времен, когда и человека на земле еще не было.

Как мы становимся киборгами

Человек современного биологического вида, Homo sapiens – продукт долгого искусственного развития. Развития производства, архитектуры, культуры, техники, общественной жизни. Вся «вторая природа» создана разумом – следовательно, искусственна.

По сравнению с неандертальцем Homo sapiens был самым натуральным киборгом – сочетанием природных и искусственных элементов.

Точно так же киборгами становились все люди, вышедшие на новый уровень развития цивилизации: живущие в домах, пашущие землю, плавящие металлы, живущие в городах, знающие грамоту…

Мы сами себе кажемся порой киборгами потому, что в нас больше искусственного, чем в предках – порой в совсем еще недавних предках, два-три поколения назад. Больше и в том смысле, что все больше придуманного, специально внедренного, не природного. И в смысле – больше техногенного.

Мы становимся все более искусственными сразу по нескольким направлениям:

1. Идет все более жесткий отбор биогенных существ.

Полагается считать, что мы больше не подвергаемся естественному отбору. Это верно в том смысле, что нас больше не отбирает природа на способность жить в природных же ландшафтах, вести образ жизни крупных хищных животных.

Но мы подвергаемся жесточайшему искусственному отбору. По этому поводу могут быть разные мнения, но я лично считаю: искусственный отбор современного человека более жесток, более беспощаден, чем любой естественный отбор.

Это и отбор на способность жить в условиях загрязнения. И отбор на способность жить все более интенсивно, все больше и больше работать. И отбор на способность подчиняться общественной дисциплине. И отбор на умение работать с информацией: с книгой, с газетой, с компьютером.

2. Наше биогенная сущность все больше зависит от искусственных, разумных, а то и от химических влияний.

Современный человек может обойтись и без физических нагрузок… Если он разумный и хочет жить долго и счастливо, он обязательно создаст себе некоторую толику нагрузок: хотя бы физзарядку по утрам, умывание холодной водой и гантели.

Если человек еще разумнее, он будет ездить на велосипеде, кататься на лыжах, плавать, пойдет в секцию у-шу или цигуна… словом, он найдет для себя систему оздоровления, способ самого

себя тренировать и закаливать.

Состояние его биогенной («естественной») плоти прямо зависит от этих совершенно искусственных, и к тому же нисколько не нужных для выживания упражнений и нагрузок.

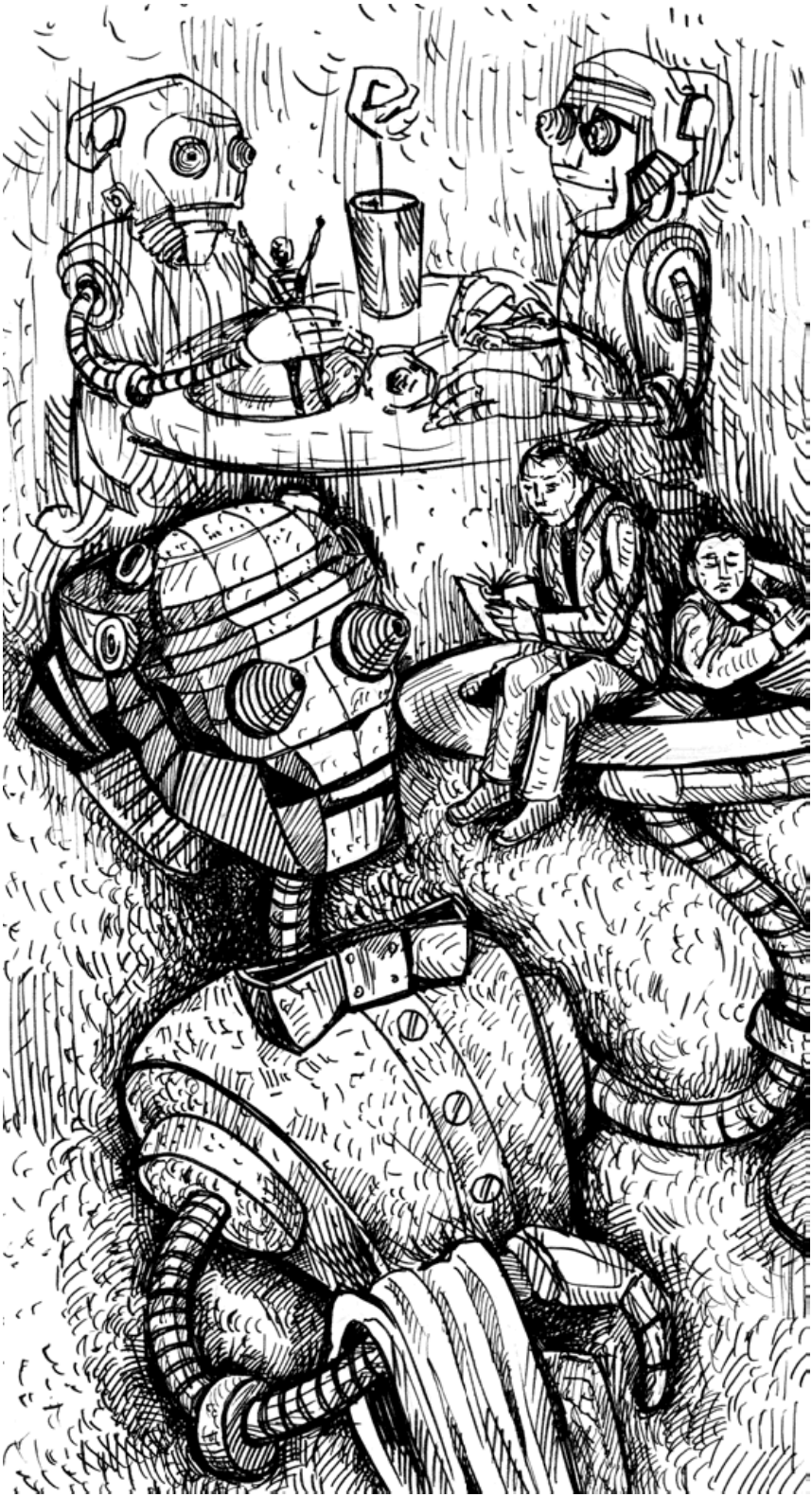
Так же точно зависит человек от возможности лечиться (классическое «отлежаться»), от лекарств и от веществ, которых я бы назвал «химическими костылями». В среднем и пожилом возрасте от них зависит не только здоровье, а само бытие человека.

Все это признаки искусственного, хотя и биогенного, существа.

3. Все более искусственно наше тело.

Сам факт нашего бытия – следствие искусственно созданных условий жизни. Поскольку этим условиям обязаны бытием не только мы сами, но наши отцы и деды, даже прадеды, то все мы – обладатели трижды и четырежды искусственного бытия.

К тому же тело большинства из нас не только биогенно, но и техногенно. В конце концов, и фарфоровый зуб, и даже пломба в зубе – это техногенное включение в наше биогенное тело.



Недавно я ухитрился сломать искусственную челюсть… прошу дантиста сделать мне «запаску» – второй, запасной протез.

– Нельзя! Если я его сделаю и он пролежит у вас в ящике стола, вы потом его не оденете…

Значит, техногенная деталь моего организма – глубоко естественна и изменяется вместе с другими, биогенными частями моего тела. Печатно сознаюсь: я киборг; часть моего тела техногенна, и иметь от меня детей – значит заводить их от киборга. Впрочем, у дам тоже ведь сплошные пломбы в зубах… И очки, либо контактные линзы. Не говоря о таких деталях, как макияж, крашеные волосы, краска на подпиленных и надставленных ногтях. Они еще большие киборги, чем мы, наши милые дамы.

Чем это отличается от луженых глоток XIX века, нынешних металлических штырей в соединенных костях, титановых суставов или тех же вставных челюстей? Конечно, ничем, разница только в масштабе явления. В наши дни и не найти человека без пломбы в зубе или без челюстного протеза.

4. Все более искусственна среда нашего обитания.

Мы живем в домах, которые все лучше изолируют нас от остальной окружающей среды. Мы все надежнее изолированы от внешней среды и вообще от всего естественного.

А в самих домах все меньше и меньше природного. Дерево сменил камень, а камень сменили кирпич и металлобетон. Еще сорок лет назад, в детстве, я носил дрова к печке и наблюдал живой огонь в печи. Сегодня меня согревает система центрального отопления. Удобно, просто… и очень искусственно.

Точно так же светильники сменило электричество, которое вообще сделало условным понятие дня и ночи. Мы уже и от смены времени суток не зависим.

Наша одежда тоже делается все искусственнее (лавсан, нейлон, перлон, орлон и так далее), а одновременно становится все практичнее и удобнее. Чулки, прикрепляемые к поясу, сделались эдаким эротическим атрибутом, в быту давно замененным колготками или чулками на липучках. Дамские брюки стали обычной формой одежды, как и почти мужские по покрою рубашки.

Изменения по всем этим четырем пунктам накапливаются… И в результате люди постепенно, даже незаметно для самих себя становятся все более и более искусственными, то есть все более техногенными, существами. И чем они цивилизованнее – тем более техногенны, а получается – более искусственны.

Как мы становимся андроидами?

Сначала словом «андроид» называли человекоподобных роботов. Их описывали как имеющих человеческую внешность электромеханических роботов. В других произведениях фантасты называли андроидами полностью органических, но искусственно сделанных созданий. Есть, конечно, и множество промежуточных значений. Иногда для увеличения сходства с человеком в конструкцию андроидов добавляют различные органические элементы, а у Айзека Азимова робот с человеческим именем Эндрью сам заменяет часть своих механических деталей на биологические органы, тем самым превращая себя из робота в андроида.

Но ведь и андроидами являются не выдуманные фантастами существа, а мы с вами, и начался этот путь не сегодня. Древний человек не страдал от кариеса зубов, но уже в новокаменном веке, 6–5 тысяч лет назад, люди делали трепанацию черепа: удаляли часть кости, выпускали кровь из гематомы, а потом аккуратно вставляли кусочек черепа животного, крайне точно подгоняя его под размеры и форму отверстия.

Уже тысячи лет мы знаем такие явления, как гимнастика, спорт, диета, режим питания. То есть для поддержания нашего тела в неком искусственном состоянии мы совершаем искусственные действия. Мы совершаем нагрузки, которые нам не нужны в жизни, которую мы ведем, отказываемся от одной пищи и заменяем ее другой… Наконец, мы сидим на химических костылях.

Наша физиология и даже биохимия – искусственны.

Даже анатомия – мы правим кости у мануалиста и формируем свою мускулатуру гимнастикой, массажем и электротренажерами.

Можно долго спорить о том, где проходит граница улучшенного, но еще естественного человека, и того, кто «уже стал андроидом». Но стоит ли?

В любом случае появление генной инженерии – это революция, означающая возможность создания совершенно биогенных, но абсолютно искусственных существ. Которым, впрочем, тоже понадобятся и гимнастика, и химические костыли.

Куда мы идем?!

Если так пойдет, как идет, мы и дальше будем становиться все более и более искусственными… в смысле, более техногенными.

У нас самих, ныне живущих, чем дальше, тем слабее будет иммунная система и тем чаще и злее болезни. Чем дальше, тем больше времени будет уходить на лечение и все больше денег – на лекарства. Человек старше 50 лет вряд ли сможет прожить без тех или иных костылей – в виде гимнастики, занятия спортом, обливаний холодной водой, ходьбы… а также без химических костылей, стыдливо называемых «лекарствами». Тем более, и ныне живущие через 10 и 20 лет будут жить в более загрязненной среде, чем сегодня, работать более интенсивно, подвергаться еще большему стрессу.

Давайте скажем сразу и четко: в этом смысле лучше не будет.

Тем более каждое новое поколение, рожденное вне естественного отбора, живущее с рождения в искусственной (и притом все больше загрязненной) среде, будет обладать все более и более слабым иммунитетом. Хронические больные как не умирают – так и не будут умирать, и этот процесс даже усилится – потому что медицина прогрессирует, и завтра будут спасать даже тех, кого не спасают сегодня. Эти люди будут рожать детей, и состояние здоровья новых поколений будет все ухудшаться и ухудшаться.

В каждом новом поколении все больше будет людей больных с рождения или с молодых лет. Каждое новое поколение будет больше привязано к техногенной среде обитания, к жилищам и одежде. Каждое новое поколение будет все сильнее зависеть от лекарств и от химических костылей. В каждом новом поколении будет все больше людей, в биогенное тело которых вставлены техногенные части: титановые шарниры, фарфоровые зубы на металлических корнях, металлические гортани и скобы, скрепляющие кости, искусственные почки, клапаны и стимуляторы. В каждом новом поколении все больше людей будут считать естественным все более и более техногенных людей из «вчера». Как В. Солоухин считает естественными людьми крестьян начала XX века (и совершенно напрасно), так и нас с вами спустя сто или двести лет легко будет объявить эталоном «естественного человека».

К тому же на нас будут обрушиваться новые и все более опасные заболевания. От некоторых из них у нас не будет лекарств… По крайней мере пока. Люди перестали умирать от простудных и инфекционных заболеваний, все меньше умирают от болезней сердца и сосудов?! Но ведь они же должны от чего-то умирать. Непременно найдется что-то новое.

Иногда врачи, склонные к мистике, говорят что-то в духе:

мол, природа уже придумала на нашу голову СПИД… Это оказалась неудачная выдумка, потому что у СПИДа очень долгий период скрытого развития. Вот атипичная пневмония уже подходит на роль чумы XX века! На этот раз ее удалось быстро победить, но природа непременно что-нибудь да придумает…

Не уверен, что природа рассудочно пытается избавиться от человека и что против нас идет какой-то космический сверхразум. Очень, очень в этом сомневаюсь. Но в будущем продолжится то, что происходит всю историю человечества: будут появляться новые болезни, с которыми не сталкивались предки. Болезни, которые по первому времени не будут брать никакие лекарства, от которых будут вымирать целые народы – как индейцы Южной Америки и жители Полинезии – от гриппа.

Это заставит нас обратить еще больше внимание на защиту от внешней среды и на искусственную подготовку к жизни в искусственной среде.

Вероятно, все больший процент юношей и девушек будут выбирать медицину своей профессией, и что характерно – всем найдется занятие. Все больший процент национального богатства будет создаваться в сфере фармакологии и медицинской техники, а заводы и фабрики лекарств и химических костылей будут образовывать все более заметную часть экономической и общественной инфраструктуры.

Я очень советую вам заранее запланировать заметную часть бюджета на лекарства и костыли (10–20 %) и заняться системами оздоровления. Хоть обычнейшей гимнастикой, хоть плаванием, хоть у-шу… Неважно чем, но занимайтесь обязательно.

Следите за состоянием здоровья и каждые полгода обязательно обследуйтесь, – ведь множество коварных заболеваний долгое время таятся незаметными, вроде их и нет… Это и рак, и ХОБЛ (хроническая обструктивная болезнь легких), и туберкулез, и… впрочем, этого вполне достаточно.

В общем, чем раньше вы начнете думать о здоровье, регулярно проверяться, заниматься спортом, тратить часть бюджета на спорт, медицинское оборудование, лекарства, витамины и так далее – тем дольше и полноценнее вам жить. Думайте сами.

Ваш сын и внук будут еще более больными, чем вы. У них будут еще хуже зубы, еще тяжелее невроз, еще раньше разовьется гипертония, они еще чаще и тяжелее будут болеть, простужаясь от все более мелких причин. У них еще больше шансов, чем у вас, умереть от какой-нибудь только что появившейся «синей лихорадки». Но если не умрут и если их не убьют террористы – то проживут они сотни лет, пользуясь всеми чудесами нашего мира.

Вместо заключения, или: каковы же мы и какими мы становимся?

– Богатыри, не вы!

М. Ю. Лермонтов

Но всё же конец мой —
еще не конец,
Конец – это чье-то начало.

В. Высоцкий

Человек цивилизованного мира

Третье тысячелетие только началось, а мы отличаемся от предков потому, что наш мир резко отличается от мира всех поколений, живших до 1945 года. Этот мир формирует нас и делает непохожими на предков.

Мы богаче предков, образованнее, долговечнее, благополучнее.

Мы в основном горожане, у нас несравненно больше возможностей самореализации, интересной работы, приобретения богатств, увлекательных приключений (в том числе и виртуальных).

Человек третьего тысячелетия станет еще долговечнее и активнее нас.

Через 100–200 лет продолжительность жизни порядка 150 лет не покажется невероятной. И при том человек грядущего будет все активнее и бодрее в возрасте, который казался предкам очень поздним. А то и в таком, до которого они не доживали. Люди 70, 80, а в перспективе и 100 лет будут менять место жительства, профессии, учиться и переучиваться, путешествовать, совершать открытия, делать карьеру, крутить романы, жениться, производить на свет детей.

Все больший процент людей будет размножаться в возрасте, который предкам показался бы преклонным. Особенно это касается женщин, – похоже, что типичный возраст рождения первого ребенка уже подкатывает к тридцати, а то и переваливает за тридцать. Полагаю, недалеко время, когда многие женщины обзаведутся первым ребенком «под сорок». Возможно, вскоре появятся мамы, которым будет и «под пятьдесят» – по крайней мере, если речь идет о втором и третьем ребенке.

Все больше людей будут появляться на свет «противоестественно» – вследствие искусственного осеменения, слияния половых клеток в пробирке, выращивания клонов и прочей вполне научной, но фантастики. Генная инженерия окончательно сделает неясной грань искусственного и естественного.

Человек грядущего еще больше, чем мы, будет биогенным созданием культуры. Так сказать, биологическим субстратом, над которым потрудилась культура… И который все в большей степени зависит от этой самой культуры.

Человек третьего тысячелетия будет все более отягощен наследственными заболеваниями. Иммунная система у него будет еще слабее, чем у нас, и чем дальше, тем хуже и хуже. Все чаще и

все большему числу людей, просто чтобы физически жить, придется пользоваться «химическими костылями», делать хирургические операции или заниматься сложной гимнастикой.

Человек третьего тысячелетия все больше будет вынужден закрываться от окружающей среды. Все больше утрачивая иммунитет, он будет изменять собственное тело: и химически и все более плотной одеждой. Еще активнее он станет изменять среду своего обитания, все больше времени проводя в чисто искусственной среде.

У потомков все больше времени и сил будет уходить на лечение и все больше средств – на лекарства и медицинское оборудование. Долгая жизнь дается не даром, халявы тут никакой нет. И не будет.

Человек настоящего получает от жизни неизмеримо больше, чем предок. Человек грядущего получит еще больше. По числу событий, свершений впечатлений и за единицу времени, и за жизнь мы обгоняем предков даже не «намного», а скорее «во много раз». Потомки обгонят и нас.

Но тоже не даром.

За долгую и увлекательную жизнь, полную событий, свершений, интересных дел и погружения во все более сложный и яркий виртуальный мир, человек грядущего заплатит не только здоровьем. Но и постоянным напряжением, ответственностью, самостоятельностью. Он будет много и интенсивно работать – причем скорее головой, чем руками. Дефицит движения, напряжение глаз, мозга и плечевого пояса создадут основу для нового пучка заболеваний.

Человек третьего тысячелетия будет жить среди постоянного загрязнения – и физического, и химического, и информационного. Ему придется становиться все устойчивее к этим загрязнениям и все независимее от информационного шума.

Человек третьего тысячелетия будет жителем больших городов, мегалополисов, агломераций. Специалистом, который долго учился и всю жизнь продолжает учиться.

Жизнь потребует от него душевных качеств взрослого, даже не очень молодого человека. Человек грядущего будет менее эмоционален, жестче, рациональнее и «взрослее» нас. Он будет добрее нас, и в то же время рациональнее. В чем нет противоречия: чем шире сознание, тем больше вообще всего – и рационального, и эмоций.

Человек грядущего будет еще острее нас любить природу… Но будет делать это на еще большем расстоянии от нее. Все в большей степени путем виртуальных действий: фильмы, картинки, книжки, видеоролики, песенки… Впрочем, культу

домашних животных конца и краю не видно. Наверное, «набор» видом таких домашних животных может еще и расширяться. Если содержат тигров и медведей, то почему нельзя брать в семью горилл или моржей? Дело вкуса и технических возможностей.

Но, скорее всего, содержать моржа станет реальнее, чем поехать в Арктику и посмотреть на моржей на их лежбище. А купить красочный альбом по первобытному искусству станет реальнее, чем поехать в археологическую экспедицию и провести там месяц или два.

Человек грядущего будет самостоятельнее нас – он будет меньше зависеть от официальных органов власти, старших в семье, правительства, Церкви, начальства. Но он будет выполнять строгие правила общежития – не за страх, а за совесть.

Он будет более ответственным и честным – причем по собственной инициативе, а не подчиняясь давлению.

Человек третьего тысячелетия будет стоять перед невероятно сложной и все усложняющейся реальностью. Он станет не только еще более больным, но и более напряженным, более невротичным, чем мы. Он будет еще меньше уверен в самом себе, в осмысленности происходящего вокруг и в будущем.

Он будет трудиться еще более интенсивно и еще чаще загонять себя до инфарктов и инсультов в погоне за призраком успеха.

И он будет все время сосуществовать с другими людьми, живущими совершенно иначе, за пределами цивилизации… Так 200 тысяч лет назад параллельно существовали ранний сапиенс, неандерталец, гигантопитек, австралопитек, эректус…

Неравномерное человечество

Все мы, дети цивилизованного мира, уже сегодня людены по отношению к предкам – в том числе к сравнительно недавним. Воскресни русский крестьянин XVIII–XIX веков, живущий порядка 60 лет, в чудовищной нищете тогдашней деревни, не имеющий никакого образования, – и он будет нам попросту скучен. Как люденам Стругацких скучны их собственные родители.

Так и нам были бы невыносимо скучны собственные прапрадедушки.

…Но ведь точно так же нам скучны и африканские или индусские крестьяне.

Часть человечества живет в цивилизации и порождает новые формы живых существ. А часть – не порождает. Так в границы Рима все время бился беспокойный и агрессивный мир варваров, живших племенами. На Земле и сегодня сосуществуют люди с очень разной продолжительностью жизни, ведущие настолько разное существование, что друг для друга они будут все равно что представители разных видов.

Современный размах международного терроризма не помешает родиться Человеку Грядущего. Но если волна войн поднимется выше на порядки, если на цивилизацию обрушится весь нецивилизованный мир или хотя бы его большая часть… Тогда исчезнет мир, в котором рождается Человек Грядущего. Хорошо, если удастся отстоять хотя бы достигнутый уровень развития.

Тем более, в любом случае будут продолжаться столкновения между цивилизацией и ее периферией.

Ко времени, когда часть человечества уже начнет становиться совсем другими существами, киборгами разных типов, другая (и большая по численности) часть только вступит на этот путь… Так разные и очень различающиеся между собой формы сапиенсов долго жили в окружении темного мира эректусов и австралопитеков – разумных зверолюдей.

Обычный путь развития цивилизации: часть людей успевает пройти в какую-то дверь, а остальные не успевают. Те, кто не успел, идут в том же направлении, они ничем не хуже… Но уже успевшие садятся на шею не успевшим. Они просто не пропустят их на тот же уровень, на котором находятся сами.

Так сапиенсы вытеснили и обрекли на гибель неандертальцев и эректусов – своих же собственных предков.

Так римляне далеко не всем давали права стать гражданами Рима.

Так европейцы не пускали в капитализм народы колониальных империй. Некоторые колониальные народы и пошли бы – да кто же их пустит наверх?

Вероятно, так будет и через тысячу лет: кучка киборгов, миллиарды людей на разных стадиях развития цивилизации «до киборга».

За право стать предком киборгов придется еще воевать!

По-видимому, пора поставить вопрос о сосуществовании популяций, в которых происходит переход к разным формам постчеловека и в которых он не происходит.

А внутри самой цивилизации давно уже витает мысль о разделении людей на меньшинство, которое продолжит развиваться, и большинство, которое останется, так сказать, в нынешнем качестве.

Необратимое разделение на тех, кто продолжает эволюционировать, и на оставшихся на прежней, человеческой, стадии происходит сейчас, в данный момент. Пока вход открыт. Вопрос – как быстро он захлопнется?

Что нам надо делать?

Заметьте – при всем моем оптимистическом понимании цивилизации нет ни капли сиропа, ни единой капельки чего-то розового и сладкого. «Конец истории», своего рода «пенсия для человечества», вечный отдых от уже сделанных трудов – это то, что нас вовсе не ожидает. Никогда, ни при каких обстоятельствах.

Впереди – трудная и увлекательная история, в которой все достижения оплачены усилиями, нервами, квалификацией, учением, работой. …А в конце истории исчезновение биологического вида «homo sapiens» и замена его постчеловеком. Это очень хороший результат – победоносно завершить историю вида и перейти в какое-то послечеловеческое состояние! Это – продолжение истории разумных существ, продолжение эволюции. Гарантия того, что история человечества была не зря. Что мы не исчезнем бесследно.

Но прожить эти тысячу – полторы тысячи – две с половиной тысячи лет и мирно перейти в разные формы «постлюдей» будет непросто. За такой вариант будущего еще предстоит побороться.

Чтобы «дожить до киборга», продолжиться в другом биологическом виде, неплохо бы сохраниться до конца существования этого. Путь я вам уже указал: больше думать о здоровье, оздоровляться, лечиться, учиться самому о себе позаботиться: хотя бы делать уколы и мерить давление.

То есть искусственно заботиться о своем… не естественном, разумеется, давно уже не естественном, но пока еще биогенном теле.

Когда умирал король Франции, это было грустно, но вместе с тем значило – появился новый король, не обязательно хуже. «Король мертв – да здравствует король!» Погрустить – естественно, особенно если прежний король вызывал уважение и любовь. Но вот он – новый монарх! «Да здравствует король!» – и сотни людей опускаются на левое колено, простирая руки к будущему королю… иногда – юноше, даже подростку.

Вымирает биологический вид? Но тут же появляется другой.

Человечество умирает? Да здравствует новый вид людей!

Вопрос – а что может прийти после нас?

Конец человечества?

Отменив естественный отбор, заменяя его искусственным отбором, мы фактически приговорили свой биологический вид. В том смысле, что оставаться прежним он не может.

Ученые спорят не о том, настанет ли конец биологическому виду Homo sapiens, а именно о том, сколько именно ему осталось. Крайние мнения расходятся, но не очень сильно: от 20 до 50 поколений. Потом этот биологический вид просто не сможет существовать под грузом накопления генетического отягощения. Мы уже видим конец того человечества, которое знаем, к которому принадлежим, хотя остается ему не так уж мало. Если детей станут заводить так же поздно, как сегодня, – то 20–50 поколений сапиенсов составят от 600 до 1500 лет. А мы и за сто пятьдесят лет прошли путь больший, чем за все время существования цивилизации, – за 6 или 7 тысяч предшествующих лет.

Если обойтись без вскрикиваний и бабьих заламываний рук, что означает реально – «конец человечества»? Это означает – конец того человечества, которое мы знаем и к которому принадлежим.

Человек недалекого будущего будет многовариантен. Формы разумных существ уже делаются такими разными, что это почти разные виды.

Грядущее чревато сосуществованием на Земле разных форм разумных созданий, которые перестанут скрещиваться друг с другом.

Не начнут ли они вести себя агрессивно по отношению друг к другу? Если да, то какие формы примет эта агрессия?

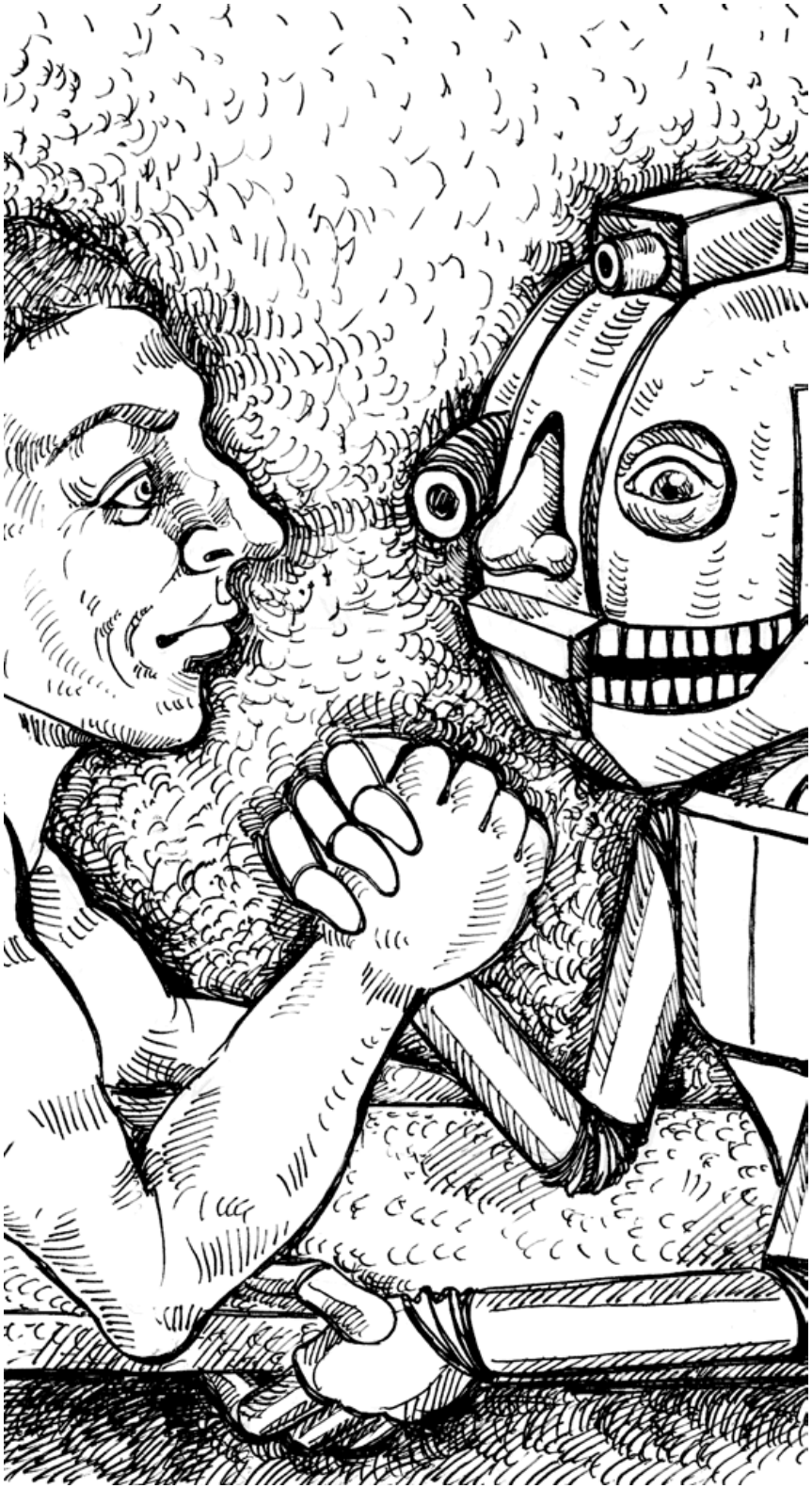
Останется ли им место на земле, киборгам-люденам-андроидам? Не придется ли им выполнить предсказанное К. Циолковским – насчет неизбежности для человека уйти в космос?

А как будут жить на истощенной, превратившейся в помойку Земле остальные? Сколько их будет?

Если цивилизация будет сосуществовать с периферией, то как?

Вопросы, вопросы, вопросы…

И ни на один пока что нет ответа.



Многовариантное человечество

Наивно думать, что ВСЕ человечество дружно пойдет только в один из всех возможных вариантов постчеловека. Практически 100 % людей цивилизованного мира – «улучшенные люди» и в разной степени – киборги и андроиды. Среди них в данный момент возникают разные группы киборгов и сапиентиссимусов. Различия между ними, в том числе на биологическом уровне, нарастают.

Между возникшими дочерними видами всегда появляются и нарастают различия. На наших глазах появляется не один новый вид, а несколько разных форм разумных существ, которые и видами назвать уже трудно. Слишком большую роль искусственное и техногенное играет в формировании каждой такой формы. Дог и такса – представители одного вида, но различаются не меньше, чем тигр и белый медведь.

Наиболее вероятно, что в ближайшие век-два мы увидим сосуществование этих разных форм людей… в смысле, разумных существ. Если они смогут размножаться друг с другом – еще ничего… Но это мало вероятно. Сапиентиссимусы, сохраняющие некую биологическую эстетику, и киборги, для которых тело человека без механических деталей отталкивающе непривлекательно, – смогут ли они вообще сохранять друг к другу интерес как к брачным объектам? Даже если чисто физически смогут иметь общих детей?

Сапиентиссимусы, продолжающие половой путь биогенного воспроизводства, но помогая себе генной инженерией… киборги, вставляющие керамические зубы и пластмассовые суставы уже на стадии младенчества, – у них же разный путь воспроизводства! Усыновляя/удочеряя детенышей друг друга, они станут превращать киборгов в сапиентиссимусов и наоборот так же верно, как кошки воспитывают кошку из щенка, а волки делают Маугли волчонком.

Пути эволюции этих форм разумных существ неизбежно и быстро разойдутся.

Сегодня гомосексуалисты не могут иметь общих детей, а мечты агрессивных лесбиянок об «упразднении» мужчин нереалистичны. Сегодня требования геев дать им право воспитывать детей в «гомосексуальных семьях» просто опасны для воспроизводства… Не говоря о том, что такое воспитание в однополой семье является откровенным насилием по отношению к «натуральным» детям и подросткам.

Но вот интересный факт… В 2010 году группа американских

ученых с помощью стволовых клеток вырастила мышат из генетического материала двух мышей-самцов. Эмбрион выносила суррогатная мать, но он не имел ни одной Х-хромосомы от женского организма. Еще раньше научились выращивать мышей из материнских генов без участия отца. Такие исследования, в частности, могут помочь в будущем однополым парам генетически заводить своих детей.[62]

А это ведь тоже фактически другой вид… А точнее сказать, другая форма разумных существ.

В малоизвестном романе Клайва Стэйплза Льюиса «За пределами безмолвной планеты» (писатель известен больше через «Хроники Нарнии»), вводится планета, на которой обитают три вида разумных существ. Все эти создания, «хваи», неконфликтны между собой и несомненно разумны, владеют членораздельной речью. Но живут раздельно, и между собой не скрещиваются.[63]

История разумных существ планетного тела Земля видится мне как история нескольких типов «хваи», с очень разной морфологией, физиологией и разной эволюционной судьбой. И своими разделениями на дочерние формы, разумеется.

И еще… Что будет с людьми, которые стали предками люденов, но еще не превратились в них? И при том доживут до появления разных видов постчеловека?

Ваш внук (и мой правнук) может дожить до 2200 года… Вполне возможно, к тому времени уже появятся андроиды и киборги. Кстати, наши внуки и правнуки частично уже станут этими самыми киборгами.

Вообще-то «более тупые» и при том похожие на нас существа обычно вызывают агрессию. Тем более, если они конкурируют с нами за одну экологическую нишу. Уже и мы сами порой агрессивны по отношению к «отсталым» и «тупым», к «тундре «и «ни разу не грамотным»…

Вероятно, некоторые типы постчеловека будут готовы поступить с нами, как сапиенсы с более примитивными формами человека… И поступят.

Но, возможно, хотя бы некоторые виды постчеловека не будут агрессивны к материнскому виду. Например, занимая другую экологическую нишу, не конкурируя за продукты питания. Достаточно киборгу начать хотя бы частично питаться энергией солнышка или космических излучений – и конкуренции уже нет.

В этом случае люди могут сделаться существами, вызывающими у киборга скорее сентиментальные чувства и стремление покровительствовать «братьям своим меньшим».

Любим же мы обезьян, кошек и собак – милых, преданных и полуразумных.

notes

Примечания

1

Субетто А. Н. Ноогенез и образование: XXI век – реализация некласического гуманизма и императива перехода человечества к цивилизации образовательного общества // Ноогенез и образование. Построение ноосферной школы. Материалы и тезисы Международной конференции. – Красноярск: Изд-во НМЦ НЭО, 1996. С. 84–103.

Буровский А. М. Разные человечества. – СПб.: Страта, 2013.

3

Джером К. Джером Следует ли женатому человеку играть в гольф? // Джером К. Джером. Собрание сочинений в 2 тт. Том 1. М., 1957.

Буровский А. М. Вся правда о русских: два народа в одном. – М.: Яуза, 2009.

Кучиньский М. Сельва. – М.: Мысль, 1976. – С. 39.

6

Чехов А. П. Злоумышленник // Чехов А. П. Собрание сочинений в двенадцати томах. Том третий. – М.: Худлитиздат, 1955. С. 360–364.

Булгаков М. А. Тьма египетская // Булгаков М. А. Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. – М.: Правда, 1989. С. 524–546.

8

Чехов А. П. Злоумышленники // Чехов А. П. Собрание сочинений в двенадцати томах. Том пятый. – М.: Худлитиздат, 1955. С. 310–314.

Островский А. Н. Гроза. // Островский А. Н. Собрание сочинений в 10-ти тт. Том 2. – М.: Худлитиздат, 1959.

10

Алаев Л. Б. Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и России // Историческая психология и психология истории. – М., 2008. № 2. С. 102.

Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2004.

Впрочем, некоторые металлы в историческом прошлом были не так дефицитны, как сегодня: например, золото. Тысячу, две тысячи лет назад золотые руды были богаче, золото встречалось даже там, где сейчас его днем с огнем не сыщешь. Людей было меньше, золота – больше.

13

Киплинг Р. Пак с волшебных холмов. – М.: Терра, 1996. С. 264.

Дюморье Д. Козел отпущения. – М.: б/изд-ва, 1994.

15

Грэм Грин. Путешествия с моей тетушкой. – М.: Юридическая литература, 1990.

16

Йордан Э. Смертельный марш. Полное руководство для разработчиков программного обеспечения по выживанию в безнадежных проектах. – М.: б/изд-ва, 2004. С. 4.

Диккенс Ч. Холодный дом. – М.: Худлит, 1956.

Лондон Д. Как аргонавты в старину // Лондон Д. Собрание сочинений в 13 тт. Т. 12. – М.: Правда, 1976.

Твен М. Приключения Гекльберри Финна. – М.: Детгиз, 1978.

Федоров Г. Б. Дневная поверхность. – М.: Детгиз, 1966. С. 30.

21

Лондон Д. Люди бездны // Лондон Д. Собрание сочинений в 8 тт. Том 5. – М.: Худлит, 1955. С. 566.

22

Рондьер П. От Копакабаны до Амазонки. – М.: Мысль, 1967. С. 98–99.

Хейердал Т. В поисках рая. – М.: Географгиз, 1958.

Солоухин В. А. Смех за левым плечом. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1987.

Бронте Ш. Джен Эйр. – Киев: Молодь, 1950.

Диккенс Д. Холодный дом. – М.: Худлит, 1956.

Мало Г. Без семьи. – М.: Детгиз, 1954. ***Гринвуд А.*** Маленький оборвыш. – М.: Детгиз, 1960.

Булгаков М. А. Белая гвардия. – Баку: Мариф, 1988.

Твен М. Приключения Тома Сойера. – М.: Детгиз, 1952.

30

Не настаиваю именно на «опель-ниссане» и даже не знаю, существует ли именно такая модель. И вообще ничего в этом не понимаю. Но что есть престижные и непрестижные модели, знаю точно.

31

Уэллс Г. Война миров // Собрание сочинений в 15 тт. Том третий. – М.: Худлит, 1965.

32

Уэллс Г. Странная орхидея // Собрание сочинений в 15 тт. Том второй. – М.: Худлит, 1964.

Ефремов И. А. Туманность Андромеды. – Барнаул: ИНИС, 1992. С. 206.

Ефремов И. А. Туманность Андромеды. – Барнаул: ИНИС, 1992. С. 206.

35

Вольный пересказ Притчей Соломоновых – части Священного писания под названием «Экклезиаст» (мудрец).

Слова Гераклита – основателя диалектики.

Было даже движение ***луддитов*** – ломателей машин. Луддиты нападали на фабрики и ломали новые дорогие машины, чтобы они не калечили жизни работников.

Гарин-Михайловский Н. М. Детство Тёмы. Гимназисты. Студенты. Инженеры // Гарин-Михайловский Н. М. Собрание сочинений в 16 тт. Тома 4 и 5. – СПб.: изд-во А. Ф. Маркса, 1916.

Кара-Мурза С. Н. Манипуляция сознанием. М., Вече, 2002.

Фальк-Рёне А. Слева по борту – рай. – М., Наука, 1980.

Фальк-Рёне А. Где ты, рай? – М., Прогресс, 1989.

Хейердал Т. В поисках рая. – М., Мысль, 1976.

Даниэльссон Б. Счастливый остров. М., Мысль, 1980. С. 6.

Толстой Л. Н. Анна Каренина // Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 14 тт. Том 8. М., Гослитиздат, 1952. С. 242–243.

45

Толстой Л. Н. Анна Каренина // Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 14 тт. Том 8. М., Гослитиздат, 1952. С. 244–247.

Голон С. и А. Анжелика – маркиза ангелов. Анжелика и король. – М.: Сигма, 1990.

Маршак С. Я. Сочинения в четырех томах. Том третий. Избранные переводы. – М.: Гослитхудиздат, 1959.

Читатель может узнать все подробности о том, как и откуда мы это узнали, из двух очень хороших книг: ***Констэбл Дж.*** Неандертальцы. – М.: Мир, 1978. ***Смирнов Ю. А.*** Мустьерские погребения Евразии. Возникновение погребальной практики и основы тафологии. – М.: Наука, 1991.

Окладников А. П. Мустьерская стоянка в гроте Тешик-Таш в Узбекистане // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 2. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1939.

Буровский А. М. Люди ли мы? // Общественные науки и современность. 1996, № 4. С.122–132.

Хайнлайн Р. Фрайди. – М.: Эксмо, 2005.

Зубаков В. А. Эволюция и человечество // Эволюция геологических процессов в истории Земли. – М.: Наука, 1993. С. 326–336. ***Зубаков В. А. XX***I век. Сценарии будущего: анализ последствий глобального экологического кризиса. Философско-прогностическое эссе – идеи и основа для дискуссии о путях выхода из кризиса. – СПб., 1995. 86 с.

Циолковский К. Э. Жизнь в межзвездной среде. – М.: Наука,1964. 84 с. ***Циолковский К. Э.*** Очерки о Вселенной. – Калуга: Золотая аллея, 2001. 255 с. ***Циолковский К. Э.*** Ум и страсти. Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы. – М.: МИП «Память», ИПЦ РАУ, 1993.

Павлов С. И. Лунная радуга. – М.: Молодая Гвардия, 1986.

Стругацкие А. и Б. Волны гасят ветер. – М., 1989.

Уэллс Г. Контуры будущего // Уэллс Г. Собрание сочинений в 15 тт. Том 8. – М., 1964.

Азимов А. Три закона роботехники. – М.: Мир, 1979.

http://www.rbcdaily.ru.

Казанцев А. Н. Остров молодых // Казанцев А. Н. Собрание соч. в 3-х томах. Том 3. – М.: Молодая Гвардия, 1964.

Солоухин В. А. Смех за левым плечом. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1987. С. 13.

61

Солоухин В. А. Смех за левым плечом. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1987. С. 13.

http://muzey-factov.ru/tag/mouses.

Льюис К. С. За пределами безмолвной планеты. – М:. Фонд имени Александра Меня, 1999.